

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

Научный журнал

№ 1

Том 4. История

Санкт-Петербург
2014

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

№ 1 (Том 4) 2014
История
Основан в 2006 году

Учредитель Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрина, доктор педагогических наук, профессор (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Л. Л. Букин, кандидат экономических наук, доцент;
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор;
Е. С. Нарышкина, кандидат психологических наук, доцент

Редакционный совет:

В. А. Верременко, доктор исторических наук, доцент (отв. ред.);
Л. Ю. Гусман, доктор исторических наук, доцент;
А. Дудек, доктор исторических наук, профессор (Польша);
К. Еконен, доктор философии, доцент (Финляндия);
Н. Д. Козлов, доктор исторических наук, профессор;
С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор (Республика Казахстан);
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент;
С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор;
К. Мацузато, доктор юридических наук, профессор (Япония);
С. М. Назария, доктор политических наук, доцент (Республика Молдова);
Г. Л. Соболев, доктор исторических наук, профессор;
Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор;
М. И. Фролов, доктор исторических наук, профессор;
Л. Цзюань, доктор филологических наук, профессор (КНР)

**Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук,
определенный Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации**

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-39790**
Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д.10
тел. / факс: (812) 476-90-36
[http: // www.lengu.ru](http://www.lengu.ru)

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А. С. Пушкина, 2014
© Авторы, 2014

Содержание

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Н. Л. Пушкарева, С. В. Любичанковский

Понимание истории повседневности
в современном историческом исследовании:
от Школы Анналов к российской философской школе..... 7

А. В. Мещеряков

Доклад П.О. Щербова-Нефедовича как источник изучения
системы управления Оренбургского казачьего войска
на рубеже XIX–XX вв. 22

С. В. Джунджузов

Поселения крещеных калмыков в Среднем Поволжье
и на Южном Урале (30-е гг. XVIII в. – 20-е гг. XX в.):
архивное сопровождение темы и публикация источников..... 32

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

С. А. Алешина

Профессионально-педагогическая подготовка учителей
советской школы в Оренбуржье (на материалах оренбургского
журнала «Вестник просвещенца», 1925–1928 гг.) 42

Л. Н. Семенова

Газета «Красногвардеец» об осуществлении всеобуча в 1931 г.
(на примере Красногвардейского (Гатчинского) района
Ленинградской области)..... 49

А. Н. Щеглова

Обучение иностранным языкам в Коми пединституте (1932–1952)..... 57

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

А. В. Хорошенкова

Научно-исследовательская деятельность историков
Волгоградского государственного педагогического института
в 60-е – 70-е гг. XX в. 65

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Е. В. Банникова

Коммуникативные поведенческие практики
в купеческой среде дореформенного Урала 72

В. В. Керов

«Как положат на Рогоже, так быть... и на всем крещеном миру»:
к вопросу о факторах столичного расположения духовных
и экономических центров старообрядчества
в XVIII – первой половине XIX в. 81

И. В. Синова

Нищенство детей в России
во второй половине XIX – начале XX в..... 92

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

А. В. Федорова

Промышленное развитие Чкаловской области
в годы Великой Отечественной войны 99

Ф. В. Копылов

Прифронтовые города и проблема нормированного
снабжения их жителей (на примере Вологды и Череповца)..... 106

Р. Р. Хисамутдинова

Нарушения колхозного землепользования
на Урале в 1940–1950-е гг..... 116

О. В. Бузенкова

Особенности социально-экономического развития села
к середине 1960-х гг. (на основе архивных материалов
по Рязанской области)..... 124

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Р. Н. Ахметшина

Дворянско-помещичья экспансия в Швеции
первой половины XVII в..... 133

А. А. Самсонов

Эволюция консервативного движения США в 1986–1989 гг..... 141

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

А. В. Россохина

Решение аграрного вопроса в первом варианте
Конституции Н.М. Муравьева..... 151

О. А. Патрикеева

Государственная дума Российской империи
на страницах газеты «Новое время» 160

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИИ

Е. Н. Крылова

Основные направления деятельности
Главного управления по делам печати в 1901 г. 169

А. В. Товпека

Организация оповещения и связи на постах
ближнего наблюдения на приморских участках границы
Российской империи в конце XIX – начале XX в..... 177

Г. В. Кораблёва

Социальная защита учителей в сфере обеспечения жильём
на Урале (1970–1980-е гг.) 185

А. Г. Иванова

Региональная специфика издательской деятельности
писателей Урала в 1960–1980-е гг. 194

Сведения об авторах..... 202

Contents

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES

N. L. Pushkareva, S. V. Lyubichankovskiy

«Everyday Life History» in modern historical research: from School of the Annals to the Russian philosophical school 7

A. V. Meshcheriakov

Report of P.O. Shcherbov-Nefedovich as a source of learning of management system of the Orenburg Cossack Forces at the turn of XIX–XX centuries 22

S. V. Dzhundzhuzov

The Christened Kalmyks location in The Middle Volga and in The Southern Ural (30-s years of the XVIII century-20-s years of the XX century): the archival support or the topic and the literary source publication 32

EDUCATION HISTORY

S. Al. Aleshina

Professional and pedagogical training of teachers of the Soviet school in Orenburg (on the materials of the Orenburg's magazine «Bulletin of Teachers», 1925–1928)..... 42

L. N. Semyonova

Newspaper «Krasnogvardeetz» of the implementation of general education in 1931 (on the example of Krasnogvardeisk (Gatchina) region) 49

An. N. Shcheglova

Teaching of foreign languages at the Komi Teacher's Training Institute (1932–1952) 57

HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

An. V. Khoroshenkova

Research activities of the historians of Volgograd state pedagogical institute in 60–70-s of the XX century 65

SOCIAL HISTORY

E. V. Bannikova

Communicative behavioral practices among the merchants of the prereform Urals..... 72

V. V. Kerov

«As will put on the Rogojha, so to be ... in the all baptized world»: The Problem of Capital Arrangement Factors of Old Believers Spiritual and Economic Centers in 18th – the First Half of the 19th Century 81

I. V. Sinova

Begging of children in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries 92

ECONOMIC HISTORY

A. V. Fedorova

The industrial development of Chkalov region during the Great Patriotic War 99

F. V. Kopylov

Front-line cities and the problem of the normalized supply of their population (on the example of Vologda and Cherepovets) 106

R. R. Khisamutdinova

Violations in Kolkhoz Land Tenure in the Urals in 1940s – 1950s 116

O. V. Buzenkova

Distinctive features of socio-economic development of the countryside by the mid-1960s (on the basis of the materials about Ryazan region) 124

PROBLEMS OF THE WORLD HISTORY

R. N. Akmetshina

Nobility and landlords expansion in Sweden in the first half – the middle of the XVII century..... 133

A. A. Samsonov

Evolution of the conservative movement in the United States of America in 1986–1989..... 141

HISTORY OF SOCIAL AND POLITICAL THOUGHT

A. V. Rossohina

Solution of the Agrarian Problem in the First Version of the Constitution by N.M. Muraviev..... 151

O.A. Patrikeeva

The State Duma of the Russian Empire in the Newspaper «Novoye Vremya» 160

RUSSIAN HISTORY PAGES

E. N. Krylova

Main directions of activity in General Administration of Press during 1901..... 169

A. V. Tovpeka

Organization of warning and communication at the posts of local observation at the coastal areas along the border of the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries 177

G. V. Korableva

Social protection of teachers in housing in the Urals in 1970–1980s 185

A. G. Ivanova

Writers of the Ural region: specific features in publishing activities in 1960s-80s 194

About authors 202

Н. Л. Пушкарева, С. В. Любичанковский

Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы Анналов к российской философской школе*

В статье анализируются предмет и содержание понятия «история повседневности». Показаны основные методы, применяемые в рамках данного научного направления. Дана оценка вклада российской философской школы в развитие методологии истории повседневности. Показаны методологические трудности реализации теоретических моделей в конкретно-исторических исследованиях.

In the article the subject and the content of the concept "Everyday Life History" are analyzed. The main methods applied within this scientific direction are shown. The assessment of a contribution of the Russian philosophical school in development of methodology of Everyday Life History is given. Methodological difficulties of realization of theoretical models in concrete historical researches are shown.

Ключевые слова: история повседневности, методология исторической науки, историография.

Key words: Everyday Life History, methodology of historical science, historiography.

«История повседневности» (*everyday life history, Alltagsgeschichte, histoire de la vie quotidienne*) – новая отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. В центре внимания истории повседневности комплексное исследование повторяющегося, «нормального» и привычного, конструирующего стиль и образ жизни у представителей разных социальных

© Пушкарева Н. Л., Любичанковский С. В., 2014

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ ««Оренбургский край – трансграничный и поликультурный регион Российской империи»: научный (академический) сборник документов по истории Оренбургского края в дореволюционный период», проект № 12-31-01281 и Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» МОН РФ на 2009-2013 гг., соглашение № 14.В37.21.0013.

слоев, включая эмоциональные реакции на жизненные события и мотивы поведения. В русском языке синонимы слова «повседневность» – *будничность, ежедневность, обыденность* – указывают на то, что все, относимое к повседневному, привычно, «ничем не примечательно, имеет место изо дня в день» [24]. Однако ключевым в определении «повседневного» является как раз регулярно повторяемое.

Мы все живем в повседневном мире; повседневные, а потому малозаметные в своей привычности явления окружают нас, и каждый из нас полагает, что может точно судить о них и о предмете в целом. Однако реконструкция повседневности не так проста: во-первых, эта сторона действительности очень широка, всеохватна, во-вторых, у историка часто нет источников (или слишком много), относимых именно и только к ней. Почему же необходимо научное знание повседневности? Повседневность первична, безусловна для всех людей, везде и всегда, хотя и неоднородна, неодинакова по содержанию и значению. В понимании философа она – «природно-телесное и лично-общественное бытие/поведение человека, необходимая предпосылка и общий компонент всех остальных форм людской жизнедеятельности» [8, с. 22].

В России понятие «повседневность» в исторических исследованиях употребляется с середины 1980-х гг. и в настоящее время прочно утвердилось в отечественном научном лексиконе (об этом подробнее см.: [1; 3–6; 11–13; 16–19]). Отчасти на его внедрение в наш научный тезаурус повлияло падение «железного занавеса» и расширение возможностей знакомства наших ученых с западной литературой, а отчасти риторика этнографических исследований, в которых под изучением повседневной жизни подразумевалось изучение трудового и внеабочего быта.

Структура и содержание понятия «повседневность»

Как остроумно заметила в начале 1990-х гг. германский этнограф и антрополог Карола Липп, похоже, в литературе «существует столь же много "повседневностей", сколько есть авторов, ее [повседневность] изучающих» [25, с. 2–3]. Изучение повседневной жизни есть попытка вникнуть в человеческий опыт, потому вопрос о содержании понятия «повседневность» предполагает вопрос о том, какой человеческий опыт следует рассматривать при этом, а какой нет. Специалисты по истории социальных конфликтов и движений полагают, что сопротивление насилию, если оно ежедневно или хотя бы систематично, тоже есть часть истории повседневного. С такой точки зрения повседневность с неизбежностью должна включать «формы поведения и стратегии выживания и продвижения, которыми пользуются люди в специфических социально-политических ус-

ловиях», в том числе и самых экстремальных. Поэтому постановка таких тем, как повседневность военной поры или эпохи революций, вполне оправданна (см. [16]).

Дискуссионным является вопрос, может ли повседневность быть трудовой, рабочей, производственной. Большинство отечественных исследователей подразумевают под «повседневностью» главным образом сферу частной жизни, и только некоторые включают в сферу анализа и жизнь трудовую, те модели поведения и отношения, которые возникают на рабочем месте. Однако социологи и этнографы обеими руками за понятия «производственный быт» и «повседневность труда».

Попробуем точно определять собственное понимание категории повседневного. На наш взгляд, она включает:

- событийную область публичной повседневной жизни, прежде всего, мелкие частные события, пути приспособления людей к событиям внешнего мира;
- обстоятельства частной, личной домашней жизни, быт в самом широком смысле;
- эмоциональную сторону событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей.

Отделяя «историю повседневного» в жизни простых и великих людей от «истории неповседневного», к последнему обычно склонны (вслед за Н. Элиасом) относить:

- праздники, точнее, праздничное и небудничное в обыденной жизни, если оно, конечно, не разыгрывается по одному и тому же повторяющемуся сценарию – тогда даже праздники (как что-то необычное, яркое, неповторимое) «оповседневливаются», рутинизируются;
- нечто чрезвычайное и значимо-событийное (но уже переживание События в повседневности, последствия того, что оно случилось, относится к повседневному);
- разнообразные, в особенности необычные, формы отдыха и праздности в противовес обыденной работе, труду;
- жизнь необычных людей, необычный образ жизни, который никем не повторяется, могут быть описаны как повседневье этих чудачков, но какие-либо обобщения невозможны.

Ставшее социологической классикой определение повседневной жизни как «реальности, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира» [2, с. 38], мало известно историкам. Это определение подчеркивает двойственную природу повседневности: ее реальность организуется вокруг того, что являет собой «здесь» и «сейчас» для каждого кон-

кретного человека, и потому глубоко субъективна. Но одновременно повседневная жизнь представляет собой мир, в котором человек живет и взаимодействует с себе подобными.

Историк и социолог обладают инструментами анализа определенного явления не только в индивидуальном контексте (страсти, аффекты, депрессии и т. п.), но и в контексте социально-хронологическом, политическом, этнокультурном и т. д. Историк может проследить, как на обломках одного уклада жизни и одной обыденности в результате их разрушения возникает новая обыденность и повседневность, которая по сравнению с предыдущей кажется странной и «неповседневной». Подобный анализ содержит в себе перспективу прогнозирования будущего, поскольку позволяет проследить развитие системы ценностей, роль в этом отдельных личностей, пытавшихся и пытающихся «изменить жизнь» как в государственном масштабе, так и на локальном уровне, как в прошлом, так и сегодня.

Предмет истории повседневности

В мировой науке продолжают бесконфликтно сосуществовать два понимания истории повседневности: как прием реализации методики микроисторического анализа и как реконструкция ментального макроконтекста событийной истории. Вполне объяснимо и то, что к первому примыкают социологи-практики и значительная часть историков, краеведов и археографов, а ко второму – философы и культурологи.

Примером второго подхода является книга «Изобретение повседневности» французского философа, литературоведа, теолога Мишеля де Серто [23]. Эта книга вышла в период расцвета постструктурализма, и ее автор вслед за М. Фуко и П. Бурдьё отказался от стремления видеть структуры и иерархии в изучении культурно-исторических моделей. С точки зрения М. де Серто, в «повседневности» можно выявить формы культурных практик, типические для эпохи или этноса, и их взаимосвязь со Словом – «великим фабрикатом, источником всякой Власти» [19, с. 233]. В истории повседневности он увидел не столько повторяемость, сколько поле постоянного творчества, в котором рождается будущее. Для него объективное теоретическое знание также невозможно, как невозможен человек, лишенный свойств. Потому он не старался объективировать собственный анализ, а рассматривал свои собственные субъективные оценки как неотъемлемую часть собственного исследования.

В германской историографии прочно утвердилось противопоставление категории повседневности как всего повторяющегося, обыденного тому, что выходит за эти рамки как яркое, необычное

или уникальное. Такой подход противопоставил повседневность в качестве «жизни масс», «жизни отдельных уникальных и необычных личностей». Это привело к появлению германского варианта «истории повседневности», который можно охарактеризовать как микроисторию обычных, незаметных, типичных для своего времени и социального слоя индивидов. К «оппозициям» повседневного германские ученые обычно относят «праздники» как проявление чего-то особенного, необыденного, а также «экстремальные ситуации», которые при определенном стечении обстоятельств могут перейти в разряд обыденных и составить повседневность. Работа, труд, игра, учёба в подобных классификациях оказываются включенными в понятие «повседневного» (а не противопоставленными ему). Их изучение и составляет задачу истории повседневности, считает один из ее главных современных идеологов А. Людтке [15]. Понимание «истории повседневности» как микроистории негативно повлияло на степень признания этого направления научным истеблишментом Германии. Сторонники микроистории рассматривались как покусившиеся на святое, и их перестали допускать к конкурсам на замещение должностей в университетах и научных центрах. Вследствие этого в Германии возник параллельный официальному мир «мастерских историков» и особых журналов. Примером тому является журнал «Историческая антропология», а также региональная группа активистов в Геттингене, действовавшая под девизом «take history in our hands». Одной из главных задач этих активистов, среди которых были и профессиональные историки и обычные граждане, была борьба за переименование улиц и сохранение памяти о преступлениях нацизма в каждом конкретном городе Германии.

Особенностью российского понимания истории повседневности является ее отнесение к разделу культурологии или даже почти этнологии, а потому при исследовании повседневного пользуются этнологическими методами и приравнивают ее к истории быта. Однако соотношение истории быта (как предмета этнографических описаний) и истории повседневности (как нового направления именно в исторических исследованиях) не столь просто.

Самое скрупулезное описание быта не способно было представить мужчину или женщину прошлого, наделенных замыслами, которые осуществились, или мечтами, которые не удалось реализовать. Быт – по крайней мере, в восстановленном исследователями виде – выглядит медленно и мало изменчивым, сопротивляющимся переменам. Любая из книг русских бытописателей XIX в. и советских этнографов представляла человека раз и навсегда скованным рамками жизненного сценария, за пределы которого никому было не вырваться. Подробности быта рисовали его понятным че-

ловеку более позднего времени, и до поры до времени эта понятность вполне устраивала исследователей.

Под влиянием социальной и культурной антропологии – направлений гуманитарного знания, пришедших в Россию из англоязычного мира – эта бытовая понятность была поставлена историками под сомнение. Историки повседневности многое позаимствовали у этнографов и «бытописателей» XIX в.: интерес к типично этнографическим темам – исследованию жилища, системы питания, стиля одежды и т. д. Этнографический метод включенного наблюдения позволяет историкам заметить такие стороны жизни людей, от которых не остается следов в исторических, документальных источниках.

Принципиальное отличие изучения повседневности от этнографических исследований быта состоит в понимании *значимости событийной истории*, в стремлении показать многообразие индивидуальных реакций на череду политических событий. Взгляд через призму повседневности позволяет увидеть историю в другой перспективе. Например, исследования повседневной жизни 1930–50-х годов в Германии открыли для историков несколько неожиданный факт: в субъективном восприятии населения окончание войны как неблагоприятного периода жизни и возвращения к «нормальному» приходится не на 1945, а на 1948 год, – год проведения денежной реформы [21].

Этнограф-специалист по истории материальной культуры является терпеливым искателем «мелочей», которые он подвергает тщательному анализу. Состав глины, из которой произведена посуда, красителей, которыми окрашены ткани, приемы лечения больных – все это является темой этнографических исследований. История повседневности ставит задачу не разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях, поскольку ставит на первое место не само описание материального предмета, но отношение к нему людей. Бытовые детали помогают исследователю отыскать в истории то, что выражало на тот момент «дух времени», соотнести частное существование человека с ходом исторических событий.

***Концепция повседневности К.Н. Любутина
и П.Н. Кондрашова и методология ее применения
к анализу исторического процесса***

История повседневности давно уже переросла влияние «научной моды», прочно утвердилась в качестве серьезного самостоятельного академического направления. В его основе лежит определенная теоретическая база, которая постоянно развивается. На наш взгляд, сегодня в русскоязычной научной литературе наиболее глубоко разработана концепция повседневности К.Н. Любути-

на и П.Н. Кондрашова [14]. В настоящей статье мы базируемся на предложенном ими сущностном понимании повседневности как формы непосредственной человеческой деятельности, которая осуществляется в конкретной фактичности событийных ситуаций и представляет собой совокупность повседневного бытия (т. е. того, чем занимаются люди в своей обыденности в целях удовлетворения обычных потребностей) и обыденного сознания (т. е. в виде каких мыслей и эмоциональных переживаний это бытие отражается в психической деятельности людей) [14, с. 260]. Таким образом, процесс повседневного существования является двуединым, включающим в себя повседневное взаимодействие конкретного человека с разными реалиями окружающего его мира и субъективной интерпретацией этого взаимодействия.

Следует обратить внимание на то, что применение этой теоретической конструкции в историческом исследовании таит в себе ряд методологических сложностей. Одной из них является определение субъекта повседневности.

К.Н. Любутин и П.Н. Кондрашов понимают субъект повседневности совершенно однозначно – это отдельный человек. Действительно, нельзя не признать, что повседневность конкретных людей, пусть даже одной и той же социальной группы, отнесенная к одному и тому же пространству и времени, часто не совпадает. Один дворянин из Самары может служить мелким чиновником, а другой жить в родовой усадьбе, даже не находясь на государственной службе. Их повседневная жизнь не будет одинаковой, несмотря на общность сословного происхождения и места проживания. Очевидно, что повседневность конкретного человека как минимум будет зависеть от пола, возраста, образования, семейного положения, национальности, вероисповедования, типа основной деятельности, места проживания, социального происхождения и др.

Вместе с тем нельзя не видеть, что по каждому из вышеперечисленных параметров люди образуют группы, и принадлежность к каждой из них позволяет предполагать определенный уровень сходства повседневной жизни (безусловно, в ее усредненном варианте) по тому или иному направлению (в семейном, профессиональном, этноконфессиональном, возрастном и прочих планах). Чаще всего в центре исторического исследования стоит не отдельный человек, а какая-либо группа людей. Следовательно, правомерен и вопрос о том, как принадлежность человека к той или иной группе влияет на его повседневную жизнь. Вот почему при изучении истории повседневности представляется возможным рассматривать в качестве ее субъекта и отдельного человека и (очень часто) выделенные по определенным признакам группы людей. Важно уточнить, что в самом

узком, самом точном смысле слова субъектом повседневности по-прежнему может и должен рассматриваться отдельный человек во всех своих ипостасях (возрастной, семейной, профессиональной и т. п.). Однако при этом повседневность – это процесс, который становится видимым наблюдателю только в случае, если последний рассматривает в качестве субъекта своего изучения группу людей, выделенную по определенному признаку.

Поскольку проблема исторического исследования заключается не только в выделении конкретных особенностей повседневности строго определенного субъекта, отнесенного к определенному пространству и времени, но и в описании конкретных факторов, которые влияют на формирование, сохранение и изменение этой повседневности, субъектом повседневности в историческом исследовании могут и должны выступать группы людей.

Такое понимание субъекта истории повседневности накладывает на само исследование, его программу существенные ограничения. В первую очередь они связаны с тем, что исследователь сознательно абстрагируется от ряда признаков субъекта повседневности ради более глубокого, «незатенённого» изучения других его признаков. Поэтому при исследовании, например, такой профессиональной группы, как торговцы, необходимо сосредоточиться на изучении того влияния, которое на их повседневную жизнь оказывала именно их профессиональная деятельность; при исследовании повседневной жизни старообрядцев – их религиозная жизнь; студентов – процесс обучения и т. д. Влияние других срезов повседневной жизни ни в коем случае не отрицается, однако признается дополнительным. Иными словами, выбор в качестве субъекта повседневности определенной группы людей обязывает исследователя соответствующим образом ранжировать условия повседневности, каждый раз придавая одним из них статус центральных, а другим – периферийных.

Как легко можно увидеть, выделение субъекта повседневности возможно по самым разным основаниям, в результате чего классификации, конечно, будут накладываться друг на друга, пересекаться, находиться в дополнительном отношении друг к другу. Все это создает сложную мозаичную структуру субъектов повседневности любого региона. Однако нельзя объять необъятное. Человек – настолько многообразное существо, что изучение всех его ипостасей в рамках одного исследования является при существующем уровне развития науки фикцией, которая только будет способствовать поверхностности анализа. Начиная конкретно-историческое исследование повседневности, автору следует четко определиться, какого именно субъекта он изучает, какая классификация лежит в основе

выделения субъекта. И дальнейший анализ должен быть жестко привязан к этому выбору. Например, если речь идет о выделении субъекта по профессиональному признаку (например, торговец), то основное внимание необходимо обратить на те условия повседневности, которые определяют его повседневную жизнь именно как торговца, а не как жителя села, семьянина, мусульманина, буддиста и пр. Эти параметры не должны оставаться на периферии внимания. В случае же изучения повседневной жизни сельского жителя, напротив, вперед должны выйти условия повседневности, связанные с состоянием места его проживания, а не с его профессиональной деятельностью. Естественно, мы понимаем, что все условия взаимосвязаны, но также нужно понимать, что достижение необходимой глубины анализа требует ранжирования условий повседневности в зависимости от принципа выделения субъекта. Потом уже, после проведения таких исследований (причем по единому алгоритму), возникнет возможность синтезировать их результаты и добиться более комплексного взгляда на повседневную жизнь представителя того или иного региона, понять, какие же условия повседневности (профессиональные, религиозные, возрастные и пр.) оказывали в тот или иной период наиболее существенное влияние на жизнь человека, а какие выступали только дополнением. Но перескочить сразу на решение этой задачи было бы научно некорректно.

Выбор исследователем субъекта повседневности влияет даже на выбор территориальных рамок исследования, поскольку региональная специфика для разных типов деятельности субъекта (профессиональной, семейной, конфессиональной и пр.) может выглядеть по-разному. Региональная структура России может видеться по-своему в зависимости от задач научного анализа. Наиболее распространенное историко-географическое деление страны (на Урал, Поволжье, Северо-Запад и пр.) может быть использовано далеко не всегда, поскольку абстрагируется от многих существенных параметров. Так, например, если ставится задача изучить повседневную жизнь земских деятелей, то говорить о земствах Уральского региона означает объединять в единых рамках как классические Вятское и Пермское земства, созданные уже в 60-х гг. XIX в. (1867–1870 гг.), Уфимское земство, учрежденное в ходе следующей крупной «волны» территориального расширения земской реформы (1875 г.), так и Оренбургское земство, которое в силу социокультурных особенностей территории стало действовать только в 1913 г.

Более обоснованным является выделение земских регионов в соответствии с сущностной структурой империи как сложного и не-

однородного в культурном плане пространства. Империя, по мнению современных специалистов, включала в себя так называемое «ядро», окраины и промежуточную территорию – «внутреннюю периферию» [10]. Миссия империи заключалась в перераспределении регионов внутри этой системы, в подтягивании окраин до статуса внутренней периферии, а последней – до внутренних стандартов империи. Именно в соответствии с этой логикой и судебная, и городская, и земская реформы распространялись на территории государства не повсеместно, а «волнами», в зависимости от готовности губерний соответствовать предлагаемым стандартам. Последней группой губерний, получивших земское самоуправление только в 1913 г., была Астраханская, Оренбургская и Ставропольская. Эта совокупность территорий в управленческом плане может рассматриваться как единый регион, именуемый условно «юго-востоком России». И изучение земской повседневности будет корректным именно в таких рамках.

Итак, следует выделять кластеры однотипных субъектов повседневности, а в них – «ядра» и «периферию», выделять и характеризовать «контактные зоны» каждого субъекта повседневности. Возможно, историку следует обратить особое внимание на анализ особенностей именно контактных зон субъектов повседневности, ибо они позволяют предсказывать возможную эволюцию того или иного типа повседневности, что исключительно важно для понимания особенностей исторического процесса в регионах. От того или иного определения субъекта будет зависеть вся дальнейшая программа исследования.

Также важно подчеркнуть, что каждый субъект повседневности по своей сути является очевидно нелинейной системой, т. е. состоит из очень большого числа элементов, связи между которыми носят случайный характер. Если не брать крайние случаи, то взаимодействие субъектов повседневности региона с окружающим миром должно вести его к прогрессивному развитию, к накоплению количественных изменений и последующему качественному скачку. Задача исторического исследования состоит в выявлении доминанты развития повседневности разных субъектов в разных регионах в разные исторические периоды.

Результат влияния на эволюцию субъекта разных типов повседневности зависит от устойчивости последних. В общем плане устойчивость тех или иных сторон повседневной жизни субъекта в рамках того или иного региона может зависеть: а) от географического расположения региона (климатических условий, наличия плодородных почв, водных ресурсов, полезных ископаемых, лесов и т. д.); б) от моноконфессионального или поликонфессионального, моно-

национального или полинационального состава его населения; в) от специфики культурного наследия региона и умения властей его использовать для развития региона; г) от уровня вписывания конкретного типа повседневности региона в культурное пространство страны; д) от уровня творческой инициативы населения региона и т. д.

Любой процесс есть единство изменчивости и устойчивости. Такова и повседневная деятельность. Скорость изменения разных параметров любого сложного открытого нелинейного процесса (а именно таковым является повседневность) различна. Это может быть рост одних параметров и одновременное убывание других, а третьи при этом останутся стабильными, причем все это – на разных временных промежутках. Эта динамика делает бессмысленным желание установить исчерпывающую специфичность повседневности вообще, так как она на разных временных отрезках и применительно к разным своим сторонам (что в данном случае как раз и означает – к разным субъектам повседневности) будет проявлять себя по-разному. Нельзя объять необъятное. Однако реалистичной является задача установить тенденции изменения повседневности применительно к определенному субъекту повседневности на определенном историческом периоде, причем необходимо учитывать, что в краткосрочном периоде специфичность будет одна, в среднесрочной и тем более долгосрочной перспективе – другая, может быть, вообще противоположная.

Методы изучения истории повседневности

Для этого направления свойственно особое отношение к источнику.

«Повседневноведы» отказываются от все еще распространенной в отечественной историографии установки («тексты способны говорить сами за себя»), превращающей исторический текст в подробное описание источника.

Для анализа повседневности мало подробно описать источник или можно даже пропустить этот шаг. Зато необходимо тщательно и скрупулезно вникнуть в текст источника, проникнуть в его внутренне-смысловые структуры, учитывая недоговоренное и случайно прорвавшееся. Историк, ставящий задачу реконструировать с помощью сохранившихся источников «типичное» для определенного времени и определенной социальной группы, старается *выяснить мотивацию действий* всех исторических акторов и через это приблизиться к их пониманию. При этом специалисты по истории повседневности отказываются выступать в роли объективного судьи прошлого или, как любят они повторять, отказываются от желания встать «над» источником и над его автором. Вместо этого они ведут «диалог» с источником, пользуясь теми приемами, которые в состоянии обеспечить

этот диалог, ставят перед текстом вопросы, которые его составитель или автор сами бы никогда не поставили, поскольку вопросы эти рождены современным состоянием научных знаний.

Специалист по истории XX в. имеет возможность обратиться к методу устной истории. Сбор и запись «жизненных историй», интервью всех видов являются не просто сбором материала, но в ряде случаев созданием нового вида источника – «вторичного». Так писалась «История фабрик и заводов» в 1920-е–1930-е гг. (и тем самым создавался «вторичный источник» из воспоминаний тех, кто помнил историю своих предприятий; таково и издание «Рабочее движение в России 1895–1917. Хроника», более опирающееся на статистику и отчеты фабричных инспекторов, но включающее и опору на биографии и автобиографии участников тоже [17]. В более поздней советской историографии к воспоминаниям как к источнику было принято обращаться, изучая прежде всего историю Великой Отечественной войны [9].

В последние 20 лет устная история завоевала заметное место в отечественных исследованиях по истории повседневности. Историки-повседневноведы считают полезными методы работы с автобиографическими текстами, разработанные психологами и социологами, в особенности зарубежными. В частности, одна из таких методик предполагает свободный рассказ, перед которым интервьюер просит интервьюируемого рассказать о себе и своей жизни, не умалчивая ни о чем существенном. Сопоставляется повторяемость тем и жизненных коллизий, что позволяет делать обобщения [7, с. 93].

Исследователи, не располагающие возможностями «задать прошлому вопрос», а их большинство, вынуждены работать с имеющимися традиционными источниками, среди которых для истории повседневности особенно велика роль источников личного происхождения. У медиевиста и специалиста по истории Раннего Нового времени, не говоря уже о Древнем времени, зачастую нет и их – ни писем, ни дневников, ни воспоминаний. На помощь исследователю истории повседневности здесь приходит этнология. Приблизиться к чужой культуре можно путем поиска и *анализа символических форм* – слов, образов, институтов, поступков, – посредством которых люди проявляют себя. Таким образом, для медиевиста или специалиста по XVI–XVII вв. главными в реконструкции истории повседневности становятся толкования смыслов и символов, обнаруживаемых при чтении сложившегося корпуса источников.

Пользуясь психологическими приемами вживания и эмпатии в сокровенное и одновременно банальное, исследователь повсе-

дневности неизбежно создает более субъективированное знание, нежели знание, получаемое с помощью традиционного этнографического или исторического описания. Труд исследователя повседневности – интерпретация чужих мыслей и слов – всегда является «переводом» с чужого эмоционального языка. В этом случае он сближается с исследователями истории психологии и специалистами по истории частной жизни.

Этнографические и социологические методы *включенного наблюдения* применяются, когда исследователь одновременно собирает фактическую информацию и «ведет наблюдение» за ее автором. В этом случае он пользуется информацией из иных источников о контексте написания данного текста этим человеком, например, его возрасте на тот момент, семейной ситуации, психологическом настрое. Анализ стенограммы какого-то важного форума, учитывающей реакцию зала, может быть превращен в методику *анализа фокус-группы* – при изучении повседневности историк часто использует эти этнологические-социологические методы работы.

Радости и страдания, мечты и надежды людей предшествующих поколений часто оставляют лишь случайные следы в исторических источниках, к тому же представленные «зашифровано». Поэтому иногда единственным способом выйти из тупика становится *переоценка тех свидетельств*, которые уже использовались раньше в ином ракурсе (скажем, газетных статей и фотографий с целью извлечения деталей и примет обыденного быта), привлечение свидетельств иностранцев, которым больше бросаются в глаза культурные отличия в повседневном быту.

Но историк в итоге должен привести свои микроисторические изыскания в единую систему взаимосвязей, только в таком виде маленькие элементы помогут ответить на большие вопросы. Не случайно критики истории повседневности как «трогательных рассказов из жизни людей из массы» [26, s. 403] утверждают, что авторам работ по истории повседневности есть чему поучиться у специалистов по социальной истории. Они имеют в виду сложность преобразования множества «историй» в цельную картину. Пути такого преобразования хорошо известны социологам. В собранном однородном массиве источников (записях судебных процессов или, например, автобиографиях или агитационных брошюрах) выделяются отрывки текста (так называемые «секвенции»), которые структурируются по темам «факт», «контекст», «субъективная значимость для индивида», а затем этот материал подвергается новому анализу с точки зрения повторяемости информации. Большим подспорьем для микроисторика является возможность сравнить получаемые им выводы для определения степени типичности ситуации или реакции через привлечение иных источников, но она представляется историку не всегда.

В идеале исследования по истории повседневности должны *писаться иным языком*, в который исследователь может вложить и свое собственное эмоциональное восприятие предметного мира, окружавшего человека прошлого.

* * *

Структуры повседневности, составляющие почву порядка, власти, познания, определяются специфически организованными дисциплинарными пространствами общества. Изучая структуры таких пространств, существовавших в прошлом, люди способны по-иному оценить свой каждый настоящий день, его мимолетность, малость, стремительность и в то же время связанность с другими такими же днями, своими и чужими. Каждый из таких дней предстает не случайностью, но неотъемлемой частичкой внутреннего содержания, наполнения всей культурной традиции.

С другой стороны, изучение истории повседневности заставляет разглядеть типологию там, где она хуже всего просматривается: в индивидуальных решениях, принимаемых в различных ситуациях. И тогда выясняется, что история повторяется потому, что так медленно меняемся мы сами – не отвлеченные, виртуальные социальные структуры, а именно мы, живые люди. «История повседневности» доказывает: люди неодинаково движутся по одной и той же колее, а потому индуктивный путь – путь к постижению общего (представлений о мире некоторой группы людей или всего общества) через отдельное (жизнь, «повседневность» отдельных людей) – весьма продуктивный путь воссоздания жизни ушедших столетий.

Список литературы

1. Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: Антропология женской дворянской повседневности в России XVIII – середины XIX в. – СПб., 2009.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М., 1995.
3. Веремеенко В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX в.). – 2-е изд. – СПб., 2009.
4. Веремеенко В.А. Домашняя прислуга в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 4. История. № 1. – С. 181–191.
5. Годовова Е.В. Из истории повседневной жизни оренбургских казаков XIX века: моногр. – Саарбрюккен, 2011.
6. Годовова Е.В. Повседневность оренбургского казачества: источниковедческий обзор // Пятые Большаковские чт. Культура Оренбургского края: история и современность: научно-образовательный и культурно-просветительный альманах / науч. ред. С.В. Любичанковский. – Оренбург, 2011. – С. 184–188.
7. Девятко И. Модели объяснения и логика социологического исследования. – М., 1976.
8. Касавин И.Т. Щавелев С.П. Анализ повседневности. – М., 2004.

9. Курносков А.А. Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР // Археографический ежегодник. 1973. – М., 1974. – С. 22–53.
10. Любичанковский С.В. (науч. ред.). Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии. – Екатеринбург; Ижевск, 2010.
11. Любичанковский С.В. «Условия повседневности» как базовый элемент исторического анализа повседневной жизни // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. – 2012. – № 7. – С. 154–157.
12. Любичанковский С.В. Критерии и параметры повседневной жизни в историческом исследовании: возможные методологические «ловушки» // Повседневная жизнь и общественное сознание в России XIX–XX вв.: материалы междунар. науч. конф. 14–16 марта 2012 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Веремеенко. – СПб., 2012. – С. 13–17.
13. Любичанковский С.В. Проблема определения субъекта повседневности в историческом исследовании // Изв. Самарского науч. центра РАН. – 2012. – Т. 14. – № 3. – С. 150–153.
14. Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Диалектика повседневности: методологический подход. – Екатеринбург, 2007.
15. Людтке А. «История повседневности» в Германии после 1989 года // Казус-1999. – М., 1999. – С. 121.
16. Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII–XXI вв.): материалы междунар. науч. конф. 14–16 марта 2013 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова, отв. ред. В.А. Веремеенко. – СПб., 2013.
17. Пушкарева И.М. (отв. ред.) Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г. Хроника. Вып. 1 «1895 год». – М., 1992; Вып. II «1896 год». – М.; СПб., 1993; Вып. III «1897 год». – М.; СПб., 1995; Вып. IV «1898 год». – М.; СПб., 1997; Вып. V «1899 год». – М., 1998; Вып. VI «1900 год». – М., 1999 год; Вып. VII «1901 год». – М., 2000.
18. Пушкарева Н.Л. «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история. – 2004. – М., 2005. – С. 93–113.
19. Пушкарева Н.Л. (отв. ред.). Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: сб. ст. / отв. ред. и сост. Н. Л. Пушкарева. – М., 2013.
20. Пушкарева Н.Л. История повседневности» и этнографическое исследование быта: расхождения и пересечения // Glasnik Etnografskogo instituta SAN (Beograd). – 2005. – № LIII. – С. 21–34.
21. Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // Этнографическое обозрение. – 2004. – № 5. – С. 3–19.
22. Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // Социальная история. – 2007. – М., 2007. – С. 9–21.
23. Серто М. Изобретение повседневности. Искусство делать. – СПб., 2013.
24. Словарь русского языка: в 4 т. – Т. 3. – М., 1983.
25. Lipp C. Alltagskulturforschung, Sociologie und Geschichte. Aufstieg und Niedergang eines interdisziplinären Forschungskonzepts // Zeitschrift für Volkskunde. – 1993. – № 1.
26. Ullrich V. Entdeckungsreise in den historischen Alltag // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. – 1985. – H. 6.

А. В. Мещеряков

Доклад П.О. Щербова-Нефедовича как источник изучения системы управления Оренбургского казачьего войска на рубеже XIX–XX вв.*

В статье описаны результаты поездки начальника Главного управления казачьих войск П.О. Щербова-Нефедовича по Оренбургскому казачьему войску. Особую ценность составляют оценки и замечания, сделанные начальником. Были проинспектированы все органы управления Оренбургского казачьего войска, по каждому из которых чиновник высказал свое мнение.

This article describes the results of the visit of Chief of the Cossack troops P.O. Shcherbov-Nefedovich on the Orenburg Cossack Forces. Of particular value given the «Report» gets to the evaluation and comments, highlighted by the boss. Have been inspected all the controls of the Orenburg Cossack Forces. Each of which official expressed his opinion.

Ключевые слова: система управления, Оренбургское казачье войско, Главное управление казачьих войск.

Key words: Control system, Orenburg Cossack Forces, Main Department of Cossack troops.

Истории региональной системы управления в Российской империи в настоящее время уделяется большее внимание (в частности губернской администрации) как с точки зрения методологии ее изучения [10; 14; 15], так и практики функционирования [13; 11, 12]. Система управления военными институтами уже рассматривалась в рамках исследователей [1; 2; 7; 8].

Генерал от инфантерии Павел Осипович Щербов-Нефедович (1847–1918) – видный военный и государственный деятель пореформенной России, профессор Николаевской академии Генштаба, автор ряда аналитических работ, в том числе о состоянии вооруженных сил европейских и азиатских государств. Являясь начальником Главного управления казачьих войск (далее ГУКВ) (с 21 января 1897 по 30 января 1907 г.), он совершил ряд поездок по казачьим войскам с целью инспекции подведомственных ему территорий.

© Мещеряков А. В., 2014

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ ««Оренбургский край – трансграничный и поликультурный регион Российской империи»: научный (академический) сборник документов по истории Оренбургского края в дореволюционный период», проект № 12-31-01281/a2

Итогом данных поездок стали доклады о результатах командировок в Терскую и Кубанскую области (1899 г.) [3], в Область войска Донского (1900 г.) [4], Астраханское казачье войско (1901 г.) [5], Оренбургское казачье войско (1902 г.) [6]. Они были изданы в 1902 г. для внутреннего пользования.

Доклад о результатах командировки в Оренбургское казачье войско (далее ОКВ) отличается подробностью изложения. Если сравнивать указанные источники по объему, то с каждой командировкой доклад становился все более обширным. Так, после первой командировки доклад составил всего 25 страниц, а после последней, в Оренбургское казачье войско – 112 страниц. Увеличение объема обусловлено и сроками командировки. Так, в ОКВ П.О. Щербов-Нефедович прибыл 4 июня и пробыл здесь до 19 июля 1902 г. Это время как раз совпало с лагерными сборами, что было подробно отражено в его отчете. В другие же войска он прибывал раньше или позднее срока проведения лагерных сборов, которые проходили в начале лета в течение месяца [9].

«Доклад о результатах командировки начальника Главного управления казачьих войск генерал-лейтенанта П.О. Щербов-Нефедовича в 1902 году в Оренбургское казачье войско» (далее – «Доклад») состоял из семи глав, охватывающих самые разные стороны жизни казаков. В доклад вошли сведения об административном и военном устройстве, врачебной, лесной и горнопромышленной части, устройстве станичных и поселковых обществ, воинской повинности и военной службе, мобилизационной готовности. Каждая часть сопровождалась справочным материалом по войску: структура того или иного органа управления, должностные обязанности некоторых чиновников, выдержки из «Положений», общие положения по войску и т. п. Однако особую ценность в данном «Докладе» имеют оценки и замечания, сделанные начальником ГУКВ. Поэтому «Доклад» является важным источником по изучению системы управления ОКВ на рубеже веков.

В докладе выделены основные институты управления ОКВ. В конце XIX – начале XX в. она выглядела так: ОКВ в военном отношении подчинялось командующему Казанским военным округом, а по войсковой хозяйственной части – Военному министерству через Главное управление казачьих войск империи (до 1910 г); высшим законосовещательным органом являлся военный совет; ОКВ подчинялось наказному атаману, который одновременно являлся Оренбургским губернатором; при атамане было два исполнительных органа, по военной части – Войсковой штаб и по гражданским делам – Войсковое хозяйственное правление; Войсковому штабу подчинялись атаманы отделов, которым в свою очередь подчинялись ста-

ничные атаманы; Войсковому хозяйственному правлению подчинялись через атаманов отделов станичные и хуторские управления [16, с. 121].

Описание административного устройства ОКВ начинается с положения наказного атамана, определенного Сводом законов Российской империи [17, с. 608, ст. 192, 193, 195], при этом никакой оценки его деятельности П.О. Щербов-Нефедович не дает. В это время Оренбургским губернатором и наказным атаманом являлся Яков Федорович Барабаш (1899–1906) [3]. Наряду с подробным описанием Войскового хозяйственного правления (далее ВХП), одного из основных органов управления войском, дается его оценка. В «Докладе» описаны структура и штат ВХП, проанализирована деятельность ВХП по созданию «Инструкции станичным и поселковым обществам и должностным лицам общественного управления» (1898). Отмечен целый ряд правил, частных инструкций по разным предметам общественного управления, разработанных за 10 лет (1891–1901) и изданных в виде «Приложения» к упомянутой выше «Инструкции».

Наиболее важными начальник ГУКВ считал:

- 1) порядок избрания, утверждения, вступления в должность и замены должностных лиц общественного управления;
- 2) правила по состоянию смет общественных сумм, по расходованию их и отчетности по ним;
- 3) правила и формы письмоводства, делопроизводства, счетоводства и отчетности;
- 4) правила землепользования;
- 5) правила для общественных запасек зернового хлеба;
- 6) правила о порядке снабжения войсковых обывателей сельскохозяйственными машинами и земледельческими орудиями на льготных условиях;
- 7) правила об образовании, хранении и использовании общественных сенных запасов;
- 8) правила для отдачи в аренду оброчных земельных и других доходных статей;
- 9) правила о надзоре и сбережении общественных лесов и порядке пользования ими;
- 10) правила для принятия мер к обеспечению исправного выхода казаков на службу;
- 11) правила о станичных военных капиталах;
- 12) правила выписки, прихода и расхода обмундировочных казачьих сукон и шашек;
- 13) инструкция порядка формирования конно-плодовых табунов;

- 14) правила для возведения новых общественных построек и сооружений, а также для ремонта и перестройки их;
- 15) правила по пожарной части;
- 16) правила о порядке оспопрививания и наставление для предохранения и лечения от дифтерита;
- 17) правила о земских и общественных повинностях;
- 18) правила о взаимном обязательном обеспечении строений и от пожаров [6, с. 16].

Приведенные в «Докладе» примеры, по мнению Павла Осиповича, говорили о том, что за десятилетие войсковое начальство приложило много труда для развития и упорядочения различных сторон общественной казачьей жизни. В то же время он отмечал и явные недостатки. Так, «Инструкция» с приложениями в общей сложности составляла 1400 страниц большого формата, в то время как подобная же инструкция в войске Донском умещалась со всеми приложениями на 87 страницах, а в Кубанской области – 99. Такая объемная книга не могла отвечать одному из главных условий – быть сжатой и краткой. По мнению начальника ГУКВ, «Инструкции» могли служить отличным справочным пособием для чиновников ВХП и управления военных отделов. Станичные атаманы и писари, хотя их состав «весьма хорош», могли ими руководствоваться, но «с трудом». Для остальных же это пособие едва ли принесло бы какую-то пользу [6, с. 16].

Даже сам проверяющий из-за недостатка времени не смог подробно ознакомиться со всеми «правилами». Но и этого оказалось достаточно для того, чтобы сделать ряд замечаний (излишняя регламентация, постановка трудновыполнимых требований, а в некоторых случаях явные ошибки). Например, излишней регламентацией проверяющему показалось предписание о том, какие именно иконы святых следует иметь в разных комнатах помещения станичного суда [6, с. 17]. К числу трудновыполнимых требований были отнесены «Правила для вновь назначенных станичных атаманов»: при приеме станиц от предшественника новый атаман был обязан проверить все книги и документы не только станичного правления, но и всех поселковых правлений. По мнению Павла Осиповича, выполнить это в двухмесячный срок, назначенный для приема станицы, было совершенно невозможно в станицах, имеющих более 20 поселков. П.О. Щербов-Нефодович отмечал и явные ошибки в «Положении», которые противоречат общеимперскому законодательству. Так, казаков обязывали приобретать строевых лошадей к 1 сентября года пребывания в среднем возрасте пригособительного разряда (т. е. в 19–20 лет – *прим. А.В.*), однако по закону казаки обязаны были обзавестись строевыми

лошадьми лишь ко времени командирования на службу (21 год – прим. А.В.) [6, с. 17].

Таким образом, деятельность ВХП в рамках законотворчества была оценена положительно, но с некоторыми недочетами, хотя, по мнению начальника ГУКВ, эти недостатки все-таки вызваны благой целью.

Отмечено в «Докладе» и довольно значительное делопроизводство. За трехлетие (1899–1901) средний годовой размер входящих бумаг составлял 35 289, исходящих – 26 890, новых дел – 1 970. И с таким огромным материалом личный состав справиться не мог. Так, на 1 января 1902 г. на производстве оставалось 6 400 неисполненных бумаг. Вызвано это было, по мнению войскового начальства, недостатком количества личного состава. В связи с этим ВХП обратилось в Военный совет с просьбой об увеличении штата. Однако штат не был увеличен в необходимом объеме [18, с. 397].

Высокой оценки заслужила у проверяющего деятельность Войскового штаба, так как с делопроизводством штаб справлялся полностью, число неисполненных бумаг составило всего 60 [6, с. 18].

В своем докладе П.О. Щербов-Нефедович описал устройство управления военных отделов ОКВ. Так же как и анализ ВХП, характеристика военного управления отделов начиналась с краткого описания военных отделов и функции атаманов. Оценивая работу отделов, начальник ГУКВ отмечал, что в управлении имеется всего шесть должностных лиц (включая атамана отдела), на каждого приходилось от 3 до 5 тыс. входящих и столько же исходящих бумаг в год, что является очень большой работой. Тем не менее после проверки делопроизводства никаких нареканий со стороны проверяющего не было.

Несмотря на это, начальник ГУКВ выявил и недостатки. Он указал, что такая обширная переписка оставляла атаманам отделов мало свободного времени для личного знакомства с делами общественного управления станиц. А ведь в подчинении у каждого атамана находилось от 280 до 540 населенных пунктов и большое количество отдельных поселковых хозяйств (от 80 до 186) [6, с. 20]. Атаманы отделов обычно совершали объезды станиц в осеннее время. При этом проверялся порядок отбывания льготными казаками воинской повинности, а также различные стороны хозяйственной деятельности и общественного управления. Атаман знакомился также с условиями станичной жизни, но так как поездки производились в одно и то же время, то станичники успевали подготовиться к приезду начальства, а это не позволяло составить объективную картину дел в станице. Постоянно проводить ревизию или выполнять незапланированные проверки атаманы отделов не могли по

двум причинам: во-первых, из-за ограниченности личного состава управления отделов, во-вторых, в связи со сложной системой покрытия расходов для чиновников, направленных в командировку по войску. Дело в том, что офицеры и чиновники, командируемые по делам службы в пределах Оренбургского войска, имели право на бесплатное взимание лошадей земской почты, для чего они получали открытые листы. Никаких прогонных или суточных денег служащие не получали, только от Оренбурга, Верхнеуральска и Троицка (центры военных отделов – прим. А.В.) до первых станций. Таким образом, командируемые чины не получали денег, что при неизбежности разного рода дорожных расходов заставляло их тратить собственные средства и нередко ставило в затруднительное положение. Это приводило к тому, что войсковое начальство часто воздерживалось от командировок подведомственных ему чинов, даже по важным делам, в прямой ущерб интересам службы [6, с. 21].

Таким образом, в части, касающейся управления отделами ОКВ были отмечены такие же недостатки, как и в других войсках, в которых побывал начальник ГУКВ. К ним относится, например, невозможность атамана всесторонне ознакомиться с условиями станичной жизни и, соответственно, отсутствие фактического контроля над станичными делами [3, с. 10]. Однако делопроизводство в Оренбургском войске в отличие от Астраханского казачьего войска [5, с. 7], в отношении которого у проверяющего нашлись замечания, велось «в порядке и без крупных пробелов».

Не оставил без внимания начальник ГУКВ и нижнее звено управления. Деятельность станичных и поселковых обществ регламентировалась Положением «об общественном управлении станиц» 1891 г. [6, с. 30]. Ознакомившись лично с положением дел в станицах, П.О. Щербов-Нефедович высказал в «Докладе» ряд замечаний и по поводу местного управления.

В ходе поездки Павел Осипович посетил 26 станиц, в некоторых из них он побывал на общественных сборах, которые произвели на него не совсем благоприятное впечатление. Выборные являлись не в форменном обмундировании, были одеты в теплушки и в разнообразное рабочее платье. Выборные же казаки-татары приходили на станичный сбор в халатах, тюбетейках и меховых шапках, т. е. совсем не имели казачьего облика [6, с. 35]. Это вызвало особое недоумение в сравнении с ситуацией в других войсках, там вид станичных сборов был «не лишен известной представительности» благодаря присутствию заслуженных стариков – георгиевских кавалеров, офицеров и казаков, которые являлись в форменной одежде [3, с. 13]. Однако после того как были даны указания атамана-

нам отделов, внешний вид сборов ОКВ сразу же изменился. Все выборные стали являться в форменном обмундировании, и сборы приняли вид собрания военных людей.

Еще одним минусом для всех станичных сборов ОКВ Павел Осипович назвал недостаток помещений, которые могли бы вместить всех выборных, тем более что станичные сборы в оренбургском войске были достаточно многолюдны (от 100 до 200 чел.). Только в нескольких станицах 3-го отдела сборы проводились в манежах для обучения молодых казаков. В основном же во время сборов их участникам приходилось тесниться в одной или двух небольших комнатах станичного правления, где не могла поместиться и половина общего количества выборных. К тому же те, кто все-таки попадал в комнату, из-за недостатка места должны были обсуждать дела стоя. Остальные же просто не попадали в комнату, где проходило совещание, а находились где-нибудь по соседству.

Как отмечал начальник ГУКВ, при разговорах с выборными обнаружилось, что многие из них были недостаточно ознакомлены с текущими общественными делами, а некоторые из них не смогли даже объяснить, какие именно дела обсуждались на последнем станичном сборе, хотя, по собственному их заявлению, и присутствовали на нем [6, с. 35]. Этим обстоятельством ОКВ сильно отличалось от других войск, в которых побывал Павел Осипович. При общении с казаками Донского, Кубанского и Терского войск становилось понятно, что они хорошо разбирались в проблемах и текущих делах своих станиц [3, с. 13; 4, с. 9].

Противоположная ситуация складывалась с поселковыми сборами. Вследствие значительной самостоятельности в хозяйственном отношении они имели большее значение в Оренбургском войске, нежели в других казачьих войсках. Поселковым сборам приходилось решать такие вопросы, которые в других войсках решали на станичных сборах. К тому же на поселковых сборах ОКВ по сравнению со станичными сборами уделялось больше времени на рассмотрение общественных дел, и поэтому поселковые выборные были лучше ознакомлены с хозяйственными делами своих поселков, чем станичные выборные с общими делами своих станиц. Однако проблема с нехваткой мест остро стояла даже в поселках, хотя число выборных в них было значительно меньше [6, с. 35–36].

К институту станичного и поселкового управления принадлежал и атаман. По мнению начальника ГУКВ, на станичном атамане лежала огромная ответственность в деле благоустройства и соблюдения порядка в станице. В Оренбургском войске значение атамана увеличивалось в связи с большим размером станичных юртов и самостоятельности поселковых хозяйств. При этом жалование ста-

ничного атамана было сравнительно невелико. По «Положению» 1891 г. минимальный порог был определен 300 р. в год. Однако ввиду малой суммы оклада станичные сборы назначали дополнительное содержание. Атаманы в разных станицах получали от 360 до 600 р. в год. Тем не менее денежное вознаграждение станичных атаманов в Оренбургском войске было значительно ниже, чем в других казачьих войсках. В наиболее многолюдных станицах атаманы получали: в Кубанском войске – до 2000 р. в год, в Донском – до 1500 р., в Астраханском – до 700 р. [6, с. 36].

Несмотря на это, начальник ГУКВ отмечал, что атаманы хорошо знают свои обязанности и положение в станицах. При этом лишь двое из всех атаманов являлись офицерами, остальные же происходили из нижних чинов (вахмистры или урядники), но все они были вполне грамотными и достаточно развитыми. Станичные атаманы пользовались надлежащим авторитетом среди населения. Это подтверждалось тем, что многие из них избирались на должность несколько раз. По мнению Павла Осиповича, хороший состав станичных атаманов был обусловлен заботливым и внимательным отношением к этому делу атаманов отделов, которые старались устранять недостойных или неподходящих кандидатов в атаманы [6, с. 36].

Для полного представления о местном управлении П.О. Щербов-Нефедович дал характеристику даже писарям и казначею, которые входили в станичное правление. При проверке делопроизводства оказалось, что оно находилось в удовлетворительном состоянии благодаря очень хорошему составу писарей. Это стало возможным в связи с высоким уровнем грамотности населения на территории ОКВ. При проверке делопроизводства по казначейской части им также не было выявлено крупных пробелов, а личный состав казначеев признавался как удовлетворяющий занимаемой должности [6, с. 38–39].

Таким образом, анализируемый документ содержит важную информацию о функционировании системы управления ОКВ. П.О. Щербов-Нефедович подробно изложил свое мнение о состоянии войска. Им были проанализированы все уровни и институты управления ОКВ. В функционировании каждого из них он выделил как позитивные, так и негативные стороны. В большинстве случаев начальник ГУКВ отметил хорошую подготовку чиновников, служащих в войске, что было обусловлено высоким уровнем развития образования в ОКВ. Оренбургское войско по уровню грамотности находилось на первом месте среди казачьих войск России [20], что облегчало пополнение чиновничьего корпуса из среды казаков, особенно в нижнем звене управления. Больше всего нареканий прове-

ряющий высказал в отношении станичных сборов, некоторые из них устранялись в ходе его поездки, а некоторые так и не были решены вплоть до ликвидации войска. Доклад П.О. Щербова-Нефедовича является ценным историческим источником, содержащим системно изложенные результаты ревизии функционирования системы управления Оренбургского казачьего войска на рубеже XIX–XX вв. По количеству рассмотренных аспектов деятельности управленческой системы ОКВ и увязке их в единый аналитический комплекс данный документ является уникальным применительно к пореформенному периоду и обязательно должен быть использован в исследованиях истории ОКВ второй половины XIX – начала XX в.

Список литературы

1. Ганин А.В. Оренбургское казачье войско в конце XIX–XX вв. (1891–1917 гг.): автореф. ... канд. ист. наук. – М., 2006.
2. Годовова Е.В. Оренбургское казачье войско в 1798–1865 г. – Самара, 2007.
3. Доклад о результатах командировки начальника Главного управления казачьих войск генерал-лейтенанта П.О. Щербова-Нефедовича в 1899 году в Кубанскую и Терскую области. – СПб., 1902.
4. Доклад о результатах командировки начальника Главного управления казачьих войск генерал-лейтенанта П.О. Щербова-Нефедовича в 1900 году в Область войска Донского. – СПб., 1902.
5. Доклад о результатах командировки начальника Главного управления казачьих войск генерал-лейтенанта П.О. Щербова-Нефедовича в 1901 году в Астраханское казачье войско. – СПб., 1902.
6. Доклад о результатах командировки начальника Главного управления казачьих войск генерал-лейтенанта П.О. Щербова-Нефедовича в 1902 году в Оренбургское казачье войско. – СПб., 1902.
7. История казачества азиатской России: в 3 т. / гл. ред. В.Д. Алексеев. Т. 2; отв. ред. В.Ф. Мамонов. – Екатеринбург, 1995.
8. Кобзов В.С. Военно-административная структура Оренбургского казачьего войска в XVIII – первой половине XIX в. – Челябинск, 1996.
9. Кобзов В.С., Кузнецов, В.А. Военная подготовка казачьей молодежи в 70–80-е годы XIX века. – URL: http://www.lib.csu.ru/vch/1/2001_01/007.pdf
10. Любичанковский С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднеимперской России (на материалах Урала, 1892–1914). – Самара; Оренбург, 2007.
11. Любичанковский С.В. Губернские администрации Российской империи в оценке сенаторских ревизий начала XX в. // Клио. – 2005. – № 3. – С. 125–131.
12. Любичанковский С.В. Законодательное обеспечение деятельности российских губернаторов в 1892–1913 гг. // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. – 2004. – № 12. – С. 16–21.
13. Любичанковский С.В. Принципы подбора чиновников на должность руководителя Оренбургского края (1781–1881) // Проблемы истории Оренбургского края XVIII–XIX веков. К 260-летию учреждения Оренбургской губернии и 70-летию образования Оренбургской области: сб. ст. – Оренбург, 2004. – С. 33–45.

14. Любичанковский С.В. Структурно-функциональный подход к истории местного управления Российской империи. – Оренбург, 2005.
15. Любичанковский С.В. Структурно-функциональный подход к изучению местного управления Российской империи: возможности и перспективы // Клио. – 2001. – № 3. – С. 59–61.
16. Машин М.Д. Из истории родного края: Оренбургское казачье войско. – Челябинск, 1976.
17. Свод законов Российской империи: в 5 кн. – Кн. 1. Т. 2. «Свод губернских учреждений». Изд. неофициальное / под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. – СПб., 1912.
18. Свод штатов Военно-сухопутного ведомства. Казачьи войска с их Управлениями. Кн. 3. – СПб., 1910.
19. Семёнов В.Г., Семёнова В.П. Губернаторы Оренбургского края. – Оренбург, 1999.
20. Статистический обзор современного положения казачьих войск. – СПб., 1903.

С. В. Джунджузов

**Поселения крещеных калмыков в Среднем Поволжье
и на Южном Урале (30-е гг. XVIII в. – 20-е гг. XX в.):
архивное сопровождение темы и публикация источников**

В статье содержится обзор фондов российских архивов, в материалах которых представлена информация о крещеных калмыках, в XVIII – первой четверти XX в. проживавших в Среднем Поволжье и на Южном Урале. Как о перспективном направлении по сохранению источников рассказывается о проведенной группой историков работы по их отбору и публикации.

An article contains the content Russian archives fund details, when present information about The Christened Kalmyks in the XVIII century – the first quarter of the XX century, who lived in The Middle Volga and in The Southern Ural. It tells about a group of historians conducted work of selection and publication sources as a promising direction of sources conservation.

Ключевые слова: крещеные калмыки, архив, фонд, сборник документов, Ставропольское калмыцкое войско.

Key words: The Christened Kalmyks, archive, fund, documents collection, the Stavropol Kalmyk army.

Изучение российской имперской политики по аккультурации инородческого населения восточных и юго-восточных окраин – перспективное и успешно развивающееся направление историографии [12]. История крещеных калмыков, в XVIII – начале XX в. проживавших в средневожско-уральском регионе, как неотъемлемая составляющая данного направления привлекает научной новизной и многоаспектностью подлежащих исследованию проблем.

К середине XVIII в. в ведомстве оренбургского военного губернатора находились два поселения крещеных калмыков – ставропольское и оренбургское (бузулукское). Первое из них получило войсковое устройство и по аналогии с административным центром – городом Ставрополем-на-Волге – именовалось Ставропольским калмыцким войском. Второе – оренбургское – было причислено к Оренбургскому казачьему войску, но так как для этой группы калмыков была отведена территория в Бузулукском уезде, то в некоторых документах, относящихся к XIX в., оренбургские калмыки также именуются бузулукскими, а как часть Оренбургского войска – калмыцкой командой.

24 мая 1842 г. Николай I подписал высочайший Указ на имя управляющего Военным министерством о присоединении Ставропольского калмыцкого войска к Оренбургскому казачьему войску. Росчерком пера император распорядился судьбой почти трех с половиной тысяч крещеных калмыков, лишив их особой административно-территориальной организации и связанных с нею привилегий. Годом ранее той же участи подверглись калмыки, проживавшие в Бузулукском уезде. Небольшими группами, по несколько семей, они были расселены в станицах Новолинейного района Оренбургского казачьего войска. Этот район образовался в Северо-восточной части войсковой территории в результате переноса пограничной линии в глубь киргизской (казахской) степи. Казаки-калмыки, а после установления советской власти граждане калмыцкой национальности проживали на Южном Урале до середины двадцатых годов XX в. После образования в 1920 г. в низовьях Волги автономной области калмыцкого народа оренбургские калмыки выразили желание воссоединиться со своим народом и переселились в созданную для них автономию [9; 10].

Интерес к двухсотлетнему пребыванию калмыков в Среднем Поволжье и на Южном Урале проявляют историки и краеведы, специализирующиеся на различных направлениях исторической проблематики. В их число входят: история калмыцкого народа, история регионов Поволжья и Урала, на территории которых в разное время проживали крещеные калмыки, история казачества, военная история, история миссионерской деятельности Русской православной церкви и другие вопросы, касающиеся проблемы многогранной российской истории.

Научная значимость исторического произведения, его полнота, объективность в значительной степени определяются источниками, используемыми автором при его написании, их грамотным анализом и объяснением. Сложность исследования истории этнической группы оренбургских калмыков сопряжена с разбросанностью архивного материала по архивам и фондам.

Более чем десятилетний период архивных поисков позволил автору данной статьи собрать достаточно обширный материал, содержащий сведения о ставропольских и оренбургских крещеных калмыках. Изыскания проводились в десяти центральных и региональных архивах. В каждом из них сосредоточены фонды, относящиеся к определенному историческому периоду. Исключение составляет Государственный архив Оренбургской области (ГАОО), в фондах которого отложились документы, датируемые 1736–1918 гг. В связи с этим представляется целесообразным отступить от традиционной схемы обозрения архивного материала, когда критерием

служит иерархический статус архивного учреждения, а ориентироваться на хронологию и тематику изучавшихся фондов.

Массив документов, охватывающих XVIII в., представлен в восьми архивах. В шести из них: Российском государственном архиве древних актов (РГАДА – 4 фонда) [16–19], Российском государственном историческом архиве (РГИА. Ф. 1329 – Коллекция Именных указов и высочайших повелений Сенату), ГАОО (6 фондов) [3–8], Государственном архиве Ульяновской области (ГАУО. Ф. 732. – Симбирская губернская ученая архивная комиссия), Национальном архиве Республики Калмыкия (НАРК. Ф. 36. – Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе), Центральном государственном архиве Самарской области (ЦГАСО. Ф. 803. – Коллекция документов XVII–XIX веков) – нашли отражение события, связанные с образованием оренбургского и ставропольского поселений крещеных калмыков, переходом от единоличного наследственного управления ставропольскими калмыками к казачьим порядкам, сложившимся на их основе военно-административным устройством, а также с наблюдавшимися в Ставропольском калмыцком войске процессами хозяйственного, социального и культурного развития.

Основное значение для изучения военного прошлого Ставропольского войска имеют фонды Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). В них содержится информация о военной подготовке ставропольских калмыков, привлечении их к пограничной службе и участии Ставропольского калмыцкого полка в войнах России с Пруссией, Швецией и наполеоновской Францией [20–23]. Отрывочные сведения об участии Ставропольского калмыцкого полка в Отечественной войне и заграничном походе 1813–1814 гг. встречаются и в делах других фондов Военного архива].

Формированию представлений о порядке организации и несении калмыками военной и пограничной службы способствуют донесения и рапорты оренбургского военного губернатора и военного инспектора в Военную коллегию (до 1812 г.) и Военное министерство по Оренбургскому отдельному корпусу в порядке срочной и иной отчетности. Из них также можно узнать о штатах, численности и личном составе войск корпуса, в которых состояли калмыки.

Достаточно большой пласт документов, датируемых 1797–1881 гг., сосредоточен в шестом фонде (Канцелярия оренбургского генерал-губернатора) Оренбургского областного архива. В них содержатся сведения об экономическом состоянии Ставропольского калмыцкого войска в период, предшествовавший его расформированию, организации переселения ставропольских калмыков в пределы Оренбургского казачьего войска, а также размещении и

адаптации калмыков в казачьих поселках Новолинейного района. Эти документы включают указания, предписания и инструкции департаментов Сената, Военного министерства, Министерства финансов, Министерства государственных имуществ и других правительственных учреждений; предписания и распоряжения оренбургских генерал-губернаторов – командиров Оренбургского отдельного корпуса; рапорты и распоряжения командующих Ставропольским калмыцким войском; рапорты, донесения и предложения командующих полков Оренбургского казачьего войска. Заслуживают внимания отчеты атамана и войскового хозяйственного правления Оренбургского войска о состоянии Войска примерно с 1845 по 1852 г. Они служат беспристрастными свидетельствами бедственного положения, в котором оказались калмыки после переселения в район Новой пограничной линии.

В ряде архивных дел шестого фонда и в первую очередь отчетах атамана Ставропольского войска приводятся статистические сведения о хозяйственном использовании войсковых земель, доходах, пополнявших войсковой капитал за счет угодий, сдававшихся в аренду. В описях фонда также указываются дела, заведенные в связи с тяжбами между калмыками и их соседями по поводу собственности на землю, лесные и водные угодья. Как правило, такие тяжбы сопровождались возбуждением административного и судебного производства, и переписка по ним тянулась годами и даже десятилетиями. Из материалов фонда можно узнать о развитии медицинской службы в калмыцком войске, устройстве госпиталя, о санитарном состоянии населенных пунктов, летних кочевий и жилищ калмыков. Там же встречаются сведения о развитии образования среди калмыков, об организации обучения в войсковой школе. В войсковые отчеты вносились погодная статистика численности учеников, штатный состав и послужные списки учителей. Дополнительную информацию об обучении калмыцких школьников в Ставропольском уездном училище, куда их перевели после расформирования в 1826 г. калмыцкой школы, можно почерпнуть в фонде Казанского учебного округа Национального архива Республики Татарстан (НАРТ) [15].

Немало архивных документов, относящихся к средневожскому (ставропольскому) периоду истории крещеных калмыков, были безвозвратно утрачены еще в XVIII–XIX вв. Часть из них 20 января 1774 г. уничтожили ворвавшиеся в Ставрополь сторонники Е. Пугачева. К тому же документы приходили в негодность в результате небрежного делопроизводства и использования непригодных помещений для их хранения. 24 января 1845 г. правление Оренбургского войска уведомило оренбургского военного губернатора,

что дела из архива Ставропольского калмыцкого войска приняты и приведены в порядок. Об их сохранности можно судить по следующим пояснениям. Дела, датируемые 1737–1800 гг., сложены в 102 столпа¹ без переплета из-за ветхости бумаги, с 1800 по 1835 г. – в 10-ти столпах в ветхих переплетах без разборки по перепискам (предмету ведения – прим. С. Д.) и лишь дела, законченные в 1835–1844 гг., были представлены в переплетах по столпам и с разработкою по перепискам.

С конца 50-х гг. XIX в. какие-либо упоминания об оренбургских калмыках более чем на полстолетия исчезают со страниц административных документов. Вероятно, войсковые и губернские чиновники полагали, что принятые ими профилактические меры навсегда стерли этническую грань, разделявшую русских казаков и калмыков. Лишь в отчетах оренбургских губернаторов и атаманов оренбургского казачьего войска в сводных таблицах о численности народонаселения среди прочих народностей указываются и калмыки.

В конце XIX в. активизировалась исследовательская деятельность студентов миссионерского отделения Казанской духовной академии. Круг научных интересов будущих миссионеров охватывал вопросы распространения христианства среди калмыков и организации среди них миссионерской деятельности. Так, курсовое сочинение Владимира Рубинина «История распространения христианства среди калмыцкого народа и современное религиозно-нравственное состояние калмыков европейской России» объемом более шестисот рукописных страниц, содержит материал, собранный автором в архивах Святейшего синода и Астраханской консистории. Недостатком работы может служить полное отсутствие сведений о состоянии православной миссии в СКВ в первой половине XIX в. События XVIII в. Рубинин освещает, основываясь на опубликованных в Собрании законов правительственных указах и обильных выписках из монографии В.Н. Витевского «И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.» [15. Оп. 2. Д. 1248]. Студент Федор Крылов сосредоточился на причинах, затруднявших обращение калмыков в христианство. Автором представлена характеристика образа жизни калмыков, их религиозно-нравственных пристрастий, сочетавших тибетский буддизм с языческим суеверием и слепую готовность следовать наставлениям лам. Серьезным препятствием для просветительской работы миссионера Крылов считает бедный словарный запас калмыцкого языка, не позволяющий передать точный смысл христианского вероучения [15. Оп. 2. Д. 1248]. Указанные студенческие работы хранятся в Нацио-

---

¹ Столп – связка, кипа бумаг в архиве.

нальном архиве Республики Татарстан, в фонде Казанской духовной академии.

После издания в 1905 г. Указа об укреплении начал веротерпимости оренбургские калмыки целыми поселковыми обществами стали возбуждать ходатайства о разрешении перехода из православия в буддизм-ламаизм. Свои ходатайства оренбургские калмыки мотивировали приверженностью к буддизму на протяжении всего почти двухсотлетнего периода официальной принадлежности к православной христианской религии.

К настоящему времени сведения об оренбургских калмыках-буддистах удалось обнаружить в трех архивах: Государственном архиве Оренбургской области, Архиве востоковедов института восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН) и в Российском государственном историческом архиве. Последние два архива находятся в Санкт-Петербурге. Основной массив документов хранится в фондах Оренбургского архива. Отдельными единицами хранения они представлены в фондах местных органов государственного управления, учреждений Оренбургского казачьего войска и учреждений религиозного культа. Отдельные упоминания об оренбургских калмыках в связи с предполагавшимися преобразованиями в управлении буддистской конфессии в России встречаются в фонде Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД Российского государственного исторического архива (Ф. 821).

Ценным источником для изучения распространения буддизма в Оренбургском войске является отчет известного российского востоковеда, профессора Алексея Матвеевича Позднеева «О поездке к терским, уральским и оренбургским калмыкам» (1911). Рукописный вариант отчета находится в именном фонде Позднеева в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН Ф. 44). Экспедиция А.М. Позднеева была предпринята с целью изучения религиозного быта местного калмыцкого населения. Собранный по итогам поездки материал должен был послужить основой для выработки законопроекта «Об управлении духовными делами буддистов-ламаистов». Наряду с личными наблюдениями и выводами отчет А.М. Позднеева включает свидетельства русских и зарубежных путешественников, посещавших калмыцкие улусы в XVIII–XIX вв., и ссылки на документы из архива Оренбургской консистории. Особую ценность изысканиям ученого придают записанные со слов ламаистского духовенства и рядовых калмыков рассказы о религиозно-обрядовой стороне жизни калмыцкой общины.

Доверительность отношений, сложившихся между А.М. Позднеевым и оренбургскими калмыками, позволяет относиться к материалам его отчета как к живым откровениям, пусть и не-

сколько интерпретированным составителем, свидетельствам восприятия калмыками окружающей действительности.

В процессе расспросов А.М. Позднееву удалось собрать некоторые сведения о нескольких поколениях гелюнгов, которые вместе с прочими крещеными калмыками в 1843–1844 гг. переселились в Оренбургскую губернию. Как и всякие устные народные предания, за давностью лет эти сведения подверглись мифологическим измышлениям. Из них практически невозможно восстановить хотя бы приблизительную хронологию событий. В то же время как единственный источник о ламаистском духовенстве в Оренбургском крае во второй половине XIX в. они содержат важный фактический материал, без которого невозможно объяснить резкий всплеск иноверческого движения среди калмыков в начале XX в.

Отрывочные известия о переселении оренбургских калмыков в первой половине 1920-х гг. в Калмыцкую автономную область отражены в некоторых документах фондов Национального архива Республики Калмыкии [13; 14].

Попавшие в поле зрения исследователей архивные источники достаточно полно отражают историю ставропольских и оренбургских казаков-калмыков. Однако исследовательский поиск не стоит на месте. Разбросанность документального материала по разным архивам и фондам, слабо изученная периодика позволяют предположить, что источниковая база и в дальнейшем будет развиваться путем пополнения новыми материалами.

Наряду с поисковой работой важное значение должно придаваться сохранению источников уже известных, ссылки на которые встречаются в исторической литературе. На их публикации и анализе должны быть сосредоточены усилия историков и архивистов, заинтересованных в доступности письменных свидетельств о калмыках, проживавших в Среднем Поволжье и на Южном Урале.

Еще несколько лет назад подобное предложение воспринималось не более чем как благое пожелание. Идея проекта публикации документов, имеющих отношение к истории ставропольских крещеных калмыков, кулуарно начала обсуждаться в сентябре 2009 г. в Элисте, в дни работы конференции, посвященной 400-летию вхождения калмыцкого народа в состав России. Инициатор проекта А.С. Ряжев привлек к сбору документов и составлению сборника историков из Оренбурга, Самары, Тольятти и Элисты. Составителями запланировано издание четырехтомного собрания документов и материалов под общим названием: «Волжские ставропольские калмыки: 30-е гг. XVIII в. – первая половина XIX в. Документы и материалы».

Издание направлено на освещение истории ставропольских калмыков как составной части калмыцкого народа, в силу исторически сложившихся обстоятельств поселенную отдельно от основной массы калмыцкого населения. При отборе документов учитывался особый статус данной локальной группы калмыков как особого подразделения иррегулярных войск русской армии.

Каждый из томов, за исключением последнего, охватывает определенный хронологический период: Ставропольское калмыцкое войско в середине 30-х – 60-е гг. XVIII в., в 70–90-х гг. XVIII в., в первой половине XIX в., Ставропольские калмыки в XVIII–XIX вв.: материалы по демографии и социально-экономической истории. На сегодняшний день под редакцией А.С. Ряжева издано два тома сборника – 1-й и 3-й.

Документы первого тома, датируемые 30-ми – 60-ми гг. XVIII в., по содержанию условно подразделяются на две группы. В первой группе присутствуют источники о политике государства в калмыцких делах и начальной истории ставропольских калмыков в целом, во второй – об условиях службы, социальном статусе и порядке воспроизводства высшего привилегированного командного состава Ставропольского корпуса [1, с. 35].

Издание в 2013 г. сразу третьего тома сборника, охватывающего первую половину XIX в., было связано с двухсотлетним юбилеем Отечественной войны 1812 г. Как и в предыдущем первом томе, документы третьего тома можно подразделить на два тематических раздела. В первом разделе отражен боевой путь Ставропольского калмыцкого полка в войнах с Наполеоном, его участие в военных кампаниях 1807, 1812, 1813–1814 гг. Второй раздел составили документы, освещающие внутреннюю жизнь Ставропольского калмыцкого войска до 1843 г. Они затрагивают вопросы землеустройства и землепользования, здравоохранения, школьного образования. По ним можно судить о планах оренбургского военного губернатора В.А. Перовского по переустройству войска во второй половине 30-х гг., проследить ход переселения ставропольских калмыков в Оренбургскую губернию и их дальнейшее обустройство в поселках Оренбургского казачьего войска [2].

Документы каждого тома представленного выше сборника предваряются историко-археографическим обзором. Сами документы снабжены подробными историческими комментариями. В конце прилагаются список сокращений, глоссарий, именной и географический указатели, обширные списки литературы.

В 2013 г. в журнале «Отечественные архивы» была опубликована тематическая подборка документов из Госархива Оренбургской области. В данной публикации представлены документы из фондов

Оренбургского губернского правления за 1829–1918 гг. (Ф. 11) и Войскового хозяйственного правления Оренбургского казачьего войска за 1840–1918 (Ф. 37). В двух делах этих фондов: «О переводе казаков Измайловского поселка из православия в далай-ламскую веру» (Ф. 11. Оп. 1. Д. 828) и «О переселении казаков (калмыков-буддистов) 2-го и 3-го военных округов на землю Михайловской станции» (Ф. 37. Оп. 4. Д. 22) отразились основные вехи движения оренбургских казаков-калмыков к конфессиональной и этнической консолидации в составе Оренбургского казачьего войска в 1906–1919 гг. [10].

Таким образом, история региональной этнической группы крещеных калмыков прослеживается на обширном главном образом архивном, материале. Отбор и публикация документов, разбросанных в десятке центральных и региональных архивов, направлены на введение в научный оборот новых источников, расширение историографической тематики и на обеспечение историков доступным исследовательским материалом.

Список литературы

1. Волжские Ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. – первая половина XIX в. Документы и материалы: в 4 т. Т. 1. Ставропольское калмыцкое войско в середине 30-х – 60-е гг. XVIII в. / отв. ред. А.С. Ряжев; сост. С.В. Джунджузов, А.В. Тепикин, Л.Б. Четырова. – Ростов н/Д, 2011.
2. Волжские Ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. – первая половина XIX в. Документы и материалы: в 4-х т. Т. 3. Ставропольское калмыцкое войско в первой половине XIX в. / отв. ред. А.С. Ряжев; сост. С.В. Джунджузов, У.Б. Очиров, А.В. Тепикин. – Элиста, 2012.
3. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 1 – Оренбургская экспедиция.
4. ГАОО. Ф. 169 – Севастьянов Сергей Николаевич.
5. ГАОО. Ф. 172 – Оренбургское духовное правление.
6. ГАОО. Ф. 2 – Оренбургская комиссия.
7. ГАОО. Ф. 3 – Оренбургская губернская канцелярия.
8. ГАОО. Ф. 5 – Оренбургская экспедиция пограничных дел.
9. Джунджузов С.В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале (середина 30-х годов XVIII – первая четверть XX века). – Оренбург, 2011.
10. Джунджузов С.В., Любичанковский С.В. Межведомственные тяжбы вокруг земель калмыцкой команды Оренбургского казачьего войска (30-е гг. XIX в.) // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. Науч. журн. Сер. История. – 2013. – № 2. (Т. 4). – С. 119–135.
11. Документы Госархива Оренбургской области о стремлении калмыков Оренбургского казачьего войска к конфессионально-этнической самостоятельности 1906–1919 гг. // Отечественные архивы. – 2013. – № 4. – С. 89–103.
12. Любичанковский С.В. «Внутренняя периферия» Российской империи: Средне-Волжский вариант // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. Сер. История. – 2013. – № 2. – С. 165–169.

13. НАРК. Ф. р-3 – Центральный исполнительный комитет Калмыцкой АССР.
14. Национальный архив Республики Калмыкии (НАРК). Ф. р-112 – Представительство КАССР при Президиуме ВЦИК.
15. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 10 – Казанский учебный округ.
16. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1100 – Канцелярия оренбургского губернатора Рейнсдорпа.
17. РГАДА. Ф. 248 – Сенат и его учреждения.
18. РГАДА. Ф. 819 – Ставропольская канцелярия.
19. РГАДА. Ф. 822 – Оренбургская войсковая канцелярия.
20. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 13 – Казачья экспедиция Военной коллегии.
21. РГВИА. Ф. 20 – Воинская экспедиция Военной коллегии.
22. РГВИА. Ф. 405 – Департамент военных поселений.
23. РГВИА. Ф. 52 – Потемкин.

УДК 377.8/37.8(091)(470.56)«1925/1928»

С. А. Алешина

Профессионально-педагогическая подготовка учителей советской школы в Оренбуржье (на материалах оренбургского журнала «Вестник просвещенца», 1925–1928 гг.)

В статье представлен анализ профессионально-педагогической подготовки учителя советской школы Оренбуржья (на материалах педагогической прессы), проанализированы проблемы подготовки учителя в Оренбургской губернии. Дана характеристика политики государственной власти в области педагогического образования.

This article presents an analysis of vocational and educational training teachers Soviet school teaching materials in Orenburg press. Characterized by problems of teacher training in the journal «Bulletin of Teachers» in 20-ies of XX century. The analysis of a problem of preparation of the teacher is presented in article in the Orenburg province. As a whole the characteristic of policy of the government in the field of pedagogical education is given.

Ключевые слова: педагогические кадры, профессиональная подготовка, педагогическая практика, Оренбургская область.

Key words: pedagogical shots, vocational training, student teaching, Orenburg region.

Анализ современных исследований позволяет утверждать, что Россия имеет особенность в образовательной политике – стремление сохранять духовную культуру, историческую связь с прошлым реального человека, который призван изменить будущее, а также с важнейшим принципом преемственности учебных программ и профессионализации только на основе общего образования. 1920-е гг. рассматриваются в науке как первый этап в истории развития педагогического образования [7, с. 106]. Вместе с тем именно в этот период обозначились проблемы, решение которых не завершено и сегодня – это поиск путей повышения качества образования, эффективности профессиональной подготовки и переподготовки, организации педагогической практики.

Обращение к периодической прессе при анализе истории отечественного педагогического образования 1920-х гг. вызвано тем,

что при всей своей политизированности, классовой направленности она не потеряла присущие ей оперативность в отражении актуальных событий, затрагивающих сферы народного образования, педагогики, культуры, способность привлечь интерес общества к этим вопросам. Данная характеристика полностью соответствует «Вестнику просвещенца» – ежемесячному общественно-педагогическому журналу, выходившему в Оренбурге в 1925–1928 гг. Учредителями журнала выступили Оренбургское губОНО и губпрос (до октября 1926 г.).

Уже в первом номере определилась главная стратегическая цель журнала – стать посредником и проводником между учителями-практиками и учёными, между самими учителями: «... журнал должен стать органом массового сельского просвещения, собирателем крупиц педагогического опыта и заниматься выявлением инициативы массового работника» [9, с. 416]. Этому способствовали созданные разделы: «Общие вопросы просвещения», «Из практики», «Вопросы краеведения», «Профессиональная жизнь» и др.

Одной из наиболее острых и как следствие активно обсуждавшихся на страницах «Вестника просвещенца» проблем была проблема подготовки педагогических кадров для школ Оренбургской губернии.

Во второй половине 1920-х гг. внимание педагогической общественности было привлечено к важнейшим задачам – реализации советского законодательства о Единой трудовой школе, введению всеобщего образования, подъёму культурно-образовательного уровня оренбургского села.

В «Вестнике просвещенца» (№ 9–10 за 1927 г.) в передовой статье следующим образом обозначены основные направления преобразования народного образования [3, с. 6]:

1) ввести в декретированный срок к 1934 г. всеобщее обучение для всех детей школьного возраста (от 8 до 12 лет);

2) открыть шире двери школ повышенного типа для детей рабочих и крестьян в первую очередь, и с этой целью приблизить школы повышенного типа к деревне и перестроить сельские семилетки и школы крестьянской молодежи, т. е. уделить в этих школах больше внимания вопросам, связанным с сельским хозяйством;

3) индустриализация страны... требует не только всеобщей грамотности населения, но и повышенной культурной и политической подготовки новых высококвалифицированных работников. Отсюда следует первоочередная задача, имеющая значение для всех трех отраслей народного образования: соцвоса, политпросвета и профессионального образования;

4) ликвидация неграмотности и малограмотности, а также политической несознательности взрослого населения;

5) создание всех возможностей для более быстрого развития народного просвещения нацменьшинств и поднятия их культурного уровня.

Реализация первой из намеченных задач была затруднена тем, что в Оренбургской губернии, в отличие от центральных районов страны, удалось приступить к этой работе только с 1926 г. Это объяснялось рядом причин: довольно позднее включение губернии в состав РСФСР (1925); недостаточная осведомленность губернского отдела народного образования о решениях центра, тяжелое хозяйственное положение губернии.

Тем не менее Оренбургское губоно активно включалось в работу: «был произведен учет детей школьного возраста на ближайшее трехлетие как по губернии, так и по каждому населенному пункту. Осуществлено примерное развертывание комплектов учащихся по каждому уезду. Выявлена количественная потребность в подготовке новых кадров школьных работников» [8, с. 9].

Результаты анализа образовательного пространства губернии показали, что на 1928 г. приходился пик падения численности детей, достигших школьного возраста, но к 1930 г. ожидался определенный подъем, который должен был продлиться до 1933 г.

В этой связи остро встал вопрос об обеспечении школ педагогическими кадрами. Представленная в № 3 «Вестнике просвещенца» за 1926 г. таблица показывала, что существовавшие на тот период учебные заведения не могли обеспечить все школы педагогическими кадрами. Выход из сложившейся ситуации виделся в открытии педагогических учреждений временного характера, в которых могли бы готовить достаточно квалифицированных педагогических работников. Предполагалось, что это будут одногодичные педагогические курсы, комплектуемые выпускниками школ 2-й степени и вечерних школ повышенного типа для взрослых. Одногодичные курсы рассчитывались на 100 чел. ежегодно. За период с 1926/27 по 1928/29 уч. г. предполагалось подготовить 546 школьных работников, помимо выпускников школ с педагогическим уклоном.

По докладу губоно о введении всеобщего обучения в Оренбургской губернии 3-я сессия губисполкома в том числе постановила: «...имея в виду обеспечение сети педагогическим персоналом, признать необходимым проведение в жизни с наступающего учебного года намеченного губоно открытия параллельных курсов при русском и татарском Педтехникумах и одногодичных курсов для подготовки русских учителей 1 степени, укомплектовывая курсы преимущественно сельской молодежью» [8].

Необходимость расширения сети педагогических учреждений подчеркивалась и в справке, подготовленной инспектором губоно С. Трушковым «Состояние профобразования в Оренбургской губернии и его очередные задачи», опубликованной в «Вестнике просвещенца» (1926. № 11–12). В справке указывалось, что имеющиеся три учебных заведения по педагогической подготовке учителей не в состоянии удовлетворить огромный спрос на учителей 1-й ступени. Спрос на них был огромен: с 1926/27 по 1933/34 уч. г. требовалось на расширение сети школ 1-й ступени 1209 чел. для русских школ, а на восполнение естественной убыли еще 449 чел., всего же 1658 чел. Принималась во внимание и необходимость замены части неквалифицированных работников, которых на 1926 г. насчитывалось в русских школах 127 чел.

Русский педтехникум мог выпустить за указанный срок лишь 210 чел., что соответствовало потребностям одного года. Это обстоятельство привело к тому, что Губпрофобр принял соответствующие меры по расширению русского педтехникума за счет создания при нем параллельных курсов, а также открыл в 1926 г. педагогические годовичные курсы. Предполагалось, что это поможет получить 760–780 подготовленных учителей, что составляло 44,5 % всей потребности. Недостающих учителей должны были готовить школы 2-й ступени с педуклоном.

Учителей для мордовских и украинских школ планировалось привлекать из других губерний, где шла подготовка национальных педагогических кадров.

Учителей для татарско-башкирских школ необходимо было готовить непосредственно на месте. Так, например, татарский педтехникум должен был подготовить с 1926/27 по 1932/33 уч. г. включительно 200 учителей (50 % необходимого количества). Намечалось расширить и этот педтехникум путем открытия параллелей.

Из общего количества детей школьного возраста в 1925/26 уч. г. обучалось только 44 %. Средняя нагрузка на учителя равнялась 47 чел.

В справке «Итоги обследования школ 1 и 2 ст. Оренбургской губернии», подготовленной после проведенной в ноябре 1926 г. инспекции, отмечалось, что «наши педагогические учебные заведения дают слишком незначительные выпуски и насытить не могут, несмотря на то, что в настоящем учебном году (1926/27) почти весь выпуск Оренбургского педагогического техникума брошен в деревенские школы» [4, с. 4].

В «Вестнике просвещенца» (1926. № 14–15) отмечалось, что на 1926 г. педагогические учреждения губернии обучали 300 учащихся. Из них: 175 русских, 111 татар, 14 других национальностей. По пар-

тийной принадлежности: членов и кандидатов ВКП (б) – 11 чел.; комсомольцев – 188; беспартийных – 101; по социальному происхождению: из рабочих – 73, из крестьян – 147; служащих и пр. – 19. Мужчин – 132, женщин – 108.

Таким образом, полностью соблюдались установки по подготовке «нового учителя». Учителя пополняли ряды партийного учительства, составляли опору строительства единой трудовой школы.

Педагогические курсы ставили своей задачей подготовить учителей для сельских школ 1-й ступени. Учащиеся обеспечивались стипендией. На курсы принимались лица не моложе 18 лет и не старше 35. От поступавших требовалась общеобразовательная подготовка не ниже 8 класса школы 2-й ступени. Предпочтение отдавалось уже имеющим педагогический стаж.

«В 1927 году педагогические учебные заведения в Оренбурге выпустили 87 человек. Русский педтехникум – 39, татарский педтехникум – 14, одногодичные курсы – 34» [10, с. 4]. Окончившие прошли особую квалификационную комиссию и получили звания квалифицированных работников школ 1-й ступени.

Школы 2-й ступени г. Оренбурга в том же году подготовили: № 1 им. Т.Г. Шевченко – 39 чел., получивших звание школьного работника; № 8 – 20 чел.

На IX губернском съезде Союза работников просвещения, проходившем в феврале 1928 г., было отмечено, что прием на работу в первую очередь окончивших педтехникумы, педкурсы и педуклоны 2-й ступени улучшал качественный состав работников школ. Однако оставался значительный контингент учителей, требовавших дополнительной переподготовки на одногодичных педагогических курсах.

У оренбуржцев имелась возможность поступить в следующие педтехникумы: Московский, Центральный опытный им. Н.К. Крупской, Ленинградский им. Ушинского, Центральные опытные педкурсы в Москве. Обучение в педтехникумах было бесплатное.

Тем не менее кадровый «голод» оставался насущной проблемой для губернии. По предварительным подсчетам к «1932/33 г. Оренбургской губернии требовалось 2604 учителя» [5, с. 35].

В 1920-е гг. главная установка в деле подготовки «нового учителя» заключалась в том, что педагог в Советской школе должен быть «марксистом, активно участвующим в политико-общественной жизни школы». Достигнуть этого предполагалось следующими путями: 1) «проникнуть идеологией рабочего класса, участвуя в жизни рабочего класса и крестьянства; 2) изучить теоретические основы марксизма, получая подготовку в педагогических учебных заведениях, а также путем переподготовки, осуществляемой на базе районных опорных школ» [2, с. 13].

Педагогические учреждения Оренбургской губернии при подготовке советского учителя, как и подобные учреждения в целом по стране, особый упор делали на овладение учащимися программами, разработанными научно-педагогической секцией Государственного ученого совета (ГУСа). Данные программы требовали от учителей разносторонних знаний в различных областях науки. Но особенно подчеркивалось значение для нового учителя овладения естествознанием. В качестве аргументации приводилось высказывание видного историка и обществоведа М.Н. Покровского о том, что настоящий марксист должен быть прежде всего естествознаемцем.

Программы ГУСа требовали от учителя новых методических навыков работы, изучения метода комплексного преподавания.

Еще в 1923 г. в практику образования стали вводиться комплексные программы ГУСа, согласно которым в основу всего учебно-воспитательного процесса ставилась марксистская идеология так, как ее понимали большевики, а учебный материал концентрировался вокруг трех проблем: труд, общество, природа. Основное внимание уделялось трудовой деятельности человека, которая должна была изучаться в связи с природой как объектом этой деятельности и общественной жизнью как следствием деятельности. Это преподносилось как элемент революционной педагогики.

В педтехникумах практиковались все методы: от лекционных до исследовательских. Но такое разнообразие было чревато отсутствием четкости и последовательности в работе, что и было отмечено на 1-й конференции работников профессиональных учебных заведений г. Оренбурга, проходившей с 7 по 9 июня 1928 г. в г. Оренбурге.

Если в педтехникумах, пединституте работа над программами ГУСа входила в учебную программу, то для уже работающих учителей переподготовку обеспечивали отделы народного образования, при которых создавались методические бюро при уездных отделах народного образования (уоно) и губернского отдела народного образования (губоно).

Губернское методическое бюро (губметбюро) путем подготовки методических писем, рекомендательных списков литературы помогало учителям на местах овладевать новыми методиками. Помимо этого, губметбюро разрабатывало программы губернских, уездных курсов и конференций, где велась подготовка и переподготовка оренбургского учительства.

Таким образом, в 1920-е гг. в Оренбургской губернии осуществлялся процесс профессионально-педагогической подготовки учительских кадров. Ведущую роль в этой подготовке играли педагогические техникумы, задачей которых была подготовка советского педагога в первую очередь для работников школы 1-й ступени.

«Педагог должен был иметь достаточное общее образование, педагогическое образование и получить "общественно-политическую" подготовку для того, чтобы дать обоснование классовым целям школы и сообщаемые предпосылки для выработки марксистского понимания» [8].

Работа в педтехникумах в рассматриваемый период строилась по принципу районирования в зависимости от основных форм производственного труда. В Оренбургской губернии это был сельскохозяйственный уклон.

Особенность региона ставила задачу подготовки педагогических кадров для национальных школ.

Изученный нами материал позволяет сделать вывод о том, что во второй половине 1920-х гг. много делалось для того, чтобы подготовленный учитель реально мог способствовать реализации декретов и постановлений центральной и местной власти о подъеме культурного и образовательного уровня населения губернии, введении начального всеобщего обучения.

Список литературы

1. Абызанцев А. Наш сельский практикум // Вестн. просвещенца. – 1928. – № 4. – С. 22–24.
2. Весина И.Ю., Кротов И. Народное образование в Оренбургской губернии к 10-летию Октябрьской революции // Вестн. просвещенца. – 1927. – № 9–10. – С. 1–19.
3. Весина И.Ю. Очередные задачи Метбюро // Вестн. просвещенца. – 1925. – № 1. – С. 8–14.
4. Дятлов М. Итоги обследования школ 1 и 2 ст. Оренбургской губернии // Вестник просвещенца. Оренбург. – 1927. – № 1. – С. 1–16.
5. Итоги работы 1-й конференции работников профессиональных учебных заведений г. Оренбурга // Вестн. просвещенца. – 1928. – № 5–6. – С. 35–46.
6. Кириллов Н.О. К вопросу о введении всеобщего обучения в Оренбургской губернии // Вестн. просвещенца. – 1926. – № 3. – С. 8–9.
7. Любичанковский С.В. Будущее, которое мы создаём сами. О развитии студенческой науки на историческом факультете Оренбургского педагогического университета // Ист. ф-т ОГПУ: прошлое, настоящее, будущее (30-летию посвящается). – Оренбург, 2012. – С. 106–144.
8. Педагогическая энциклопедия: в 3 т. Т. 3 / под ред. А.Г. Калашникова, М.С. Эпштейна. – М., 1930. – С. 152–153.
9. Сафонов Д.А. Периодика Оренбургского края. Вып. 1. Первые сто лет. – Оренбург, 2004.
10. Хроника по просвещению // Вестн. просвещенца. – 1927. – № 5–6. – С. 1–4.

Л. Н. Семенова

**Газета «Красногвардеец» об осуществлении всеобща
в 1931 г. (на примере Красногвардейского (Гатчинского) района
Ленинградской области)**

На материалах районной газеты «Красногвардеец» за 1931 год в статье анализируется состояние всеобщего обязательного обучения в Красногвардейском районе Ленинградской области. В данный период всеобщее образование охватило не только детей школьного возраста, но и взрослых. Шла активная борьба за ликвидацию неграмотности. К началу 30-х гг. XX в. произошли значительные изменения в системе советского образования, в том числе стал возможным переход к обязательному семилетнему обучению и политехнизации школы.

Basing on the materials of the regional newspaper "Krasnogvardeetz" for 1931, the article examines the state of general compulsory education in Krasnogvardeisk District of Leningrad Region. During this period, the general education covered not only the children of school age, but also adults. There was an active struggle for the eradication of illiteracy. By the early 30's there were the significant changes in the Soviet education system, so the transition to compulsory seven-year education and politechnization of school became possible.

Ключевые слова: всеобщее образование, педагог, школа, ликвидация неграмотности.

Key words: general education, teacher, school, elimination of illiteracy.

Впервые проблема всеобщего образования была поставлена в России в XIX веке. Вопрос о борьбе земств Санкт-Петербургской губернии за всеобщее обязательное начальное образование в царской России автор подробно освещал в своих работах [15; 16]. Именно на местное самоуправление легла вся тяжесть решения этой важной государственной задачи.

В центре нашего внимания отражение завершающего этапа всеобщего образования в Красногвардейском (Гатчинском) районе Ленинградской области на страницах местной печати. Источником информации является газета «Красногвардеец», первый номер которой вышел 15 мая 1931 г. Эта газета была органом Красногвардейского райкома ВКП (б), РИК, а и райпрофсовета. Всего за 1931 год вышло 63 номера (6 номеров утрачено: № 41–45, 48), в 24 из них освещаются проблемы всеобщего образования, материально-технического состояния школ, положение педагогов.

В статье рассматривается состояние дел в реализации местной властью и населением Постановления ЦИК и СНК СССР от 14 августа 1930 г. «О всеобщем обязательном начальном обучении» в Красногвардейском районе по материалам газеты «Красногвардеец» (с 24 декабря 1931 г. «Красногвардейская правда», с февраля 1944 г. «Гатчинская правда»). В ходе анализа опубликованных газетой материалов выявляются проблемы всеобуча, которые не были ещё решены в районе в 1931 г.

Всеобуч осуществлялся по двум основным направлениям: во-первых, обязательное начальное обучение детей школьного возраста (8–10 лет) и всеобщее обязательное семилетнее обучение (вводилось с сентября 1931 г.) и, во-вторых, ликвидация неграмотности среди взрослого населения. В рубрике «Молодёжный отдел» второго номера газеты (19 мая) на примере Парицкой изб-читальни (открыта в октябре 1930 г.) показаны практические шаги по работе со взрослыми по ликвидации неграмотности. «Избачами» – работниками изб-читален – было проведено 25 занятий кружка ликбеза с охватом 31 учащегося. Общая грамотность, умение бегло читать и писать, знание четырех действий с целыми числами были обязательными условиями для подготовки кадров советских и партийных руководителей в вузах страны [17, с. 4].

Первые данные о результатах работы в районе по ликвидации неграмотности среди взрослых приведены в газете за 14 июля 1931 г. (№ 18). Н. Варганов сообщает следующую информацию о категориях обученных: неграмотных – 635 чел.; малограмотных – 1437 чел.; сезонников – 102 чел. [3, с. 2].

По всей видимости, обучение этих лиц проходило с конца 1930 либо с начала 1931 г. Занятия со взрослыми при этом были организованы в сочетании с производительным трудом.

Сведения об обучении в летний период автор приводит выборочно по нескольким сельсоветам. Итоговая цифра обученных грамоте в первой половине года, по сведениям Н. Варганова, таким образом, не превышала 2400 чел. Автор подвергал критике деятельность профсоюзов, которые плохо решали вопрос с летним обучением безграмотных, причём «малограмотных и вовсе не замечали», а созданные группы распускали. Н. Варганов призывал превратить район в район сплошной грамотности к XIV годовщине октябрьской революции (ноябрь 1931 г.) [1, с. 2].

Летние номера газеты пестрят ударническими призывами к выполнению производственных заданий. Главное внимание уделялось работе изб-читален и подготовке кадров для них. Наряду с работой по ликбезу «избачи» посвящали свои занятия вопросам коллективизации и хозполиткампаниям. В это время речь шла о ликвидации не-

грамотности в вопросах противопожарной и противовоздушной безопасности. Постановлением бюро РК ВКП (б) от 18 июля 1931 г. было объявлено о проведении ударного месячника по ликвидации противовоздушной неграмотности, о чём газета сообщила 23 июля (№ 20). Говоря о «культурнической работе» среди сельского населения, газета требовала заострить внимание на подготовке к уборочной кампании, антирелигиозной работе и военной пропаганде среди молодёжи [2, с. 3].

29 мая 1931 г. в газете «Красногвардеец» появилась официальная информация районного инспектора и уполномоченного по учёту С. Оллыкайна «Всем С/Советам и Школам» о необходимости проведения своевременного учёта детей от 6 до 14 лет, причём подчёркивалось, что регистрации подлежат все дети, учащиеся в ШКМ, ФЗУ и ФЗС. Сроки были предельные – 1 июня [17]. Район готовился к введению обязательного семилетнего обучения.

В августе-сентябре 1931 г. «Красногвардеец» был пронизан боевыми призывами: «Центральной задачей нового учебного года в проведении Всеобуча должна быть поставлена борьба за качество всей школьной работы» (из резолюции пленума Обкома ВКП (б) от 17 мая 1931 г.) [13, с. 1]. Участники слёта пионерского актива Красногвардейского района «В поход за всеобуч» рапортовали XVII МЮДу (Международному юношескому дню): «Начнём учёбу 100 % явкой в школу...», «На штурм города и района!» [13, с. 3].

Штурмовать было что. Газета кричала о неподготовленности школ города и района к новому учебному году. В Красногвардейском районе было около 200 школ. Но корреспонденты «Красногвардейца» отмечали, что подготовка к учебному году идёт «черепашьими темпами». Как писала газета, многие школы «распущены. Текущий ремонт: починка полов, печей, вставка стёкол в окнах, оклейка обоев и т. д. не проводится... У многих педагогов есть настроения "улететь" куда-нибудь в другое место.

Также имеются мнения, что начать учебный год не так важно с 1-го сентября, можно и позже.

Кулацкие дома во многих местах не переданы под школы. Дрова не заготовлены, а у нас уже горький опыт, что за несвоевременную заготовку дров школы во время холода не занимались.

Совершенно безобразно участвуют в подготовке к новому учебному году наши комсомольские ячейки. Многие комсомольцы забыли, что они являются шефами всеобуча» [6, с. 3].

23 августа секретарь РК ВЛКСМ Евдокимов писал в «Обращении ко всем комсомольским, профсоюзным, пионерским и другим организациям»:

1. 25-го августа провести день помощи школам: провести ремонт парт, досок, печей, окон, распиловку дров, продумать организацию завтраков и т. д.

2. К 1/IX скомплектовать все школы на 100 % детьми школьного возраста, для чего на фабриках, заводах, колхозах и деревнях провести массовую работу через доклады, беседы и пр.

3. Провести подготовительную работу и заключить двухсторонние договоры фабрик, заводов, колхозов, совхозов со школами с обсуждением вопросов об их работе на собраниях рабочих и колхозников [11, с. 1].

Несмотря на неподготовленность, школы начали учебный год вовремя. 1931/1932 уч. г. был особенным. Страна переходила от обязательного начального обучения к обязательной семилетке, проводимой в 52 районах области, в том числе и в Красногвардейском. Всё это требовало участия населения, так как на него возлагались ремонт и строительство новых школ, мобилизация средств, в том числе на подвозку детей в школу в ненастье.

В это же время начинается политехнизация школы, соединение учёбы с производительным трудом. Школы закреплялись за предприятиями, колхозами и совхозами. Теперь учебным заведениям предстояло рапортовать не только о своей подготовленности к учебному году, но и о «состоянии политехнизации».

Параллельно вновь разворачивалась борьба за ликвидацию неграмотности взрослых. В газете за 30 августа в рубрике «На фронте культурной революции» говорилось о следующих задачах: провести ликбез среди 500 безграмотных, охватить углублённой учёбой 15 тыс. малограмотных. При этом выявлялись недостатки в работе районного отдела образования и профсоюзов, которые, по мнению газеты, бездействовали. Например, указывалось, что курсы для педагогов охватывают всего 15–20 % от общего их количества, а в связи с началом учебного года эти курсы приходилось сворачивать [8, с. 2].

11 сентября газета «Красногвардеец», обратив внимание на то, что по району остаётся 215 чел. неграмотных, по городу – 60, на торфоразработках – около 200, писала: «Надо разработать оперативный план работы по району с малограмотными, переключив их учёбу на овладение техникой, решая таким образом вопрос о кадрах для промышленности и сельского хозяйства, организовать при ШКМ вечерние занятия для взрослых, а с единоличниками работы по агроколхозному походу».

Организовать и оказать своевременную методическую помощь сельским педагогам, наладить их учёбу, выделив один день в декаду для учёбы самого педагога. Наладить заочную учёбу педагогов,

которая по Красногвардейскому району сорвана. Использовать радио на все 100 %, наладив инструктаж и методическую помощь сельскому учителю» [9, с. 4].

Ноябрьские газеты поднимали одну проблему всеобща за другой. Газета «Красногвардеец» за 19 ноября включала подборку материалов под общим названием «Дело всеобща в районе безобразно». И далее, в чём это «безобразие» состоит: «не проведён точный учёт охвата всех детей школьного возраста, школы не оборудованы... Обследовано 5 школ – ни одна не обеспечила полного выполнения директив правительства о всеобщем начальном обучении.

...Внедрением политехнизации в школе гороно не интересуется. В районе большинство школ не оборудованы мастерскими, формально прикреплены к производству, не имеют инструкторов и т. д.» [5, с. 2]. В заметке «Одна книга на несколько человек» говорилось о том, что «ещё хуже дело обстоит с обеспечением школьников учебниками, тетрадями, обувью и одеждой. Одна книга на несколько человек – обычное явление в любой школе нашего района.

Горячими завтраками охвачены школьники на 60–80 %. Причём встречаются такие безобразия: завтрак в школе № 3 стоит 17 коп., а в школе № 5 – 25 коп. В школе № 1 даже дети бедняков не обеспечены завтраками» [12, с. 2].

В той же газете Ваня Грешный (скорее, псевдоним автора) писал о Красногвардейской школе № 2: «В классах большая скученность. Не хватает парт. Дети сидят по 3 человека на одной парте.

Не хватает учебников, холодно: печи, окна и двери не отремонтированы. Не все дети бедняков получают горячие завтраки, многие ходят в школу полубосые, т. к. дали школе 20 пар сапог и все одного размера, а у детишек ноги не у всех одинаковые, дети плачут» [4, с. 2].

В этом же номере газеты был полностью опубликован соцдоговор совхоза им. Хохлова с СОШ № 1 первой ступени, в котором определялись отношения совхоза-шефа и подшефной школы в период летних работ. Совхоз, например, брал на себя обязательства по оказанию помощи в организации горячих завтраков в школе, снабжение школы овощами, дровами. Что касается школы, то она обещала выделить работника по ликбезу, а также силами учащихся оказать помощь совхозу в огородных работах.

В декабре 1931 г. в газете была поставлена задача полностью охватить ликбезом неграмотных и малограмотных. Подчёркивалось, что к 1 января район должен стать грамотным. В последних за 1931 г. номерах газеты «Красногвардеец» наряду с критикой состояния всеобща приводились и положительные примеры по ряду сельсо-

ветов. Так, например, газета указывала на Рождественский, Таицкий, Романовский и Лукашевский сельсоветы, которые осуществили сплошную ликвидацию неграмотности [14, с. 4]. В номере от 17 декабря сообщалось, что всеобучем охвачено 98 % детей в возрасте 8–14 лет. Неграмотные охвачены учёбой полностью (264 чел.), в общеобразовательных школах занимается 1123 чел. [7, с. 4]. При этом хронической была нехватка учителей.

К проблемам учительства газета обращалась в своих публикациях не раз. Вместе с осуществлением всеобуча и политехнизацией школы рассматривалось и положение учителей, их подготовка и условия жизни и работы. Не только школа не снабжалась всем необходимым, но и учитель нуждался в предметах первой необходимости. Газета отмечала крайне неудовлетворительное обеспечение сельских учителей. Паёк порой задерживали на несколько месяцев. Ну, а как шло распределение, было отражено в фельетоне «Вроде, так ...», в котором говорилось о выделении учителям из кооперации по две пары детских чулок и по метру резинки [3, с. 4]. Газета неоднократно призывала улучшить материальное положение педагога, усилить внимание к его проблемам, необходимости его обучения.

Подвергая критике деятельность района в деле школьного строительства, газета не оставляла без внимания и методы работы учителей. Некоторые из них, по мнению издания, протаскивали в школу «архивные» методы воспитания, к которым относилась система штрафов. Штрафовали за всё: за несделанный урок, за разговоры в классе, за разорванную бумажку и т. п. В чём суть штрафов, не говорилось, но порой детей оставляли без еды, в том числе детей бедняков. Резкой критике подвергалось поведение учителей, которые опаздывали на работу или безответственно относились к своей профессиональной деятельности.

Доставалось от газеты и работникам изб-читален, «спячка» которых, по её мнению, благоприятствовала развитию пьянки и тунеядству.

При всём непримиримом отношении к негативным явлениям в ходе строительства нового общества, в том числе в осуществлении культурной революции, критике низких темпов реализации государственных планов, газета находила и положительные примеры в работе школы и педагогов. К ним относился материал, опубликованный 30 сентября 1931 г. под названием «Наши учителя – ударники» [10, с. 2]. В нём сообщалось о новых методах работы передовых учителей: бригадном, лабораторно-исследовательском и проектном, методах социалистического соревнования и ударничества. Эти методы распространялись среди учителей для осуществле-

ния более тесной связи школы с производством. По мнению газеты, необходимо было уделять особое внимание лучшим учителям. Их потенциал предлагалось использовать в работе методсовета при районо.

Новый вид деятельности педагогических коллективов – производственное совещание – рекомендовалось использовать более широко с целью мобилизации работников школы на повышение качества труда. Рекомендовалось ликвидировать обезличку и уравниловку путём введения дифференцированной заработной платы исходя из качества и количества работы. Для улучшения работы и оказания методической помощи другим, а также для осуществления профессионального роста педагогов предлагалось выделить лучшие школы в качестве опорных.

Итак, на основе анализа публикаций газеты «Красногвардеец» за 1931 г., посвящённых осуществлению всеобуча в Красногвардейском районе Ленинградской области, удалось выявить следующие тенденции в решении этой задачи: ликвидация неграмотности проходила по намеченным государством направлениям, в сжатые исторические сроки, при этом на практике окончательный срок завершения ликбеза постоянно отодвигался. Процессы ликвидации неграмотности и перехода ко всеобщему обязательному образованию происходили одновременно. Борьба за всеобщую грамотность и всеобщее обучение порождали энтузиазм и самоотверженность советских людей в реализации планов социалистического строительства. Менялась школа, менялся человек и его повседневная жизнь.

Список литературы

1. Варганов Н. Добиться полной ликвидации неграмотности к XIV годовщине Октября // Красногвардеец. – 1931. – № 18. – 14 июля.
2. Васильев. Об усилении работы в области проведения ударного месячника ликвидации противовоздушной неграмотности // Красногвардеец. – 1931. – № 20. – 23 июля.
3. Вроде, так ... // Красногвардеец. – 1931. – № 58. – 8 дек.
4. Грешный Ваня. И в тесноте и в обиде // Красногвардеец. – 1931. – № 53. – 19 нояб.
5. Дело всеобуча в районе безобразно // Красногвардеец. – 1931. – № 53. – 19 нояб.
6. Комсомольская страничка // Красногвардеец. – 1931. – № 27. – 17 авг.
7. Культурная работа требует решительного укрепления // Красногвардеец. – 1931. – № 61. – 17 дек.
8. На культурном фронте // Красногвардеец. – 1931. – № 31. – 30 авг.
9. На культурном фронте // Красногвардеец. – 1931. – № 35. – 11 сент.
10. Наши учителя – ударники // Красногвардеец. – 1931. – № 40. – 30 сент.
11. Обращение «Ко всем комсомольским, профсоюзным, пионерским и др. организациям» // Красногвардеец. – 1931. – № 29. – 22 авг.

12. Одна книга на несколько человек // Красногвардеец. – 1931. – № 53. – 19 нояб.
13. 1-го сентября все школы должны начать нормальный учебный год // Красногвардеец. – 1931. – № 29. – 22 авг.
14. Полностью охватить ликбезом неграмотных и малограмотных // Красногвардеец. – 1931. – № 59. – 12 дек.
15. Семёнова Л.Н. Борьба общественности и земств за народную школу и всеобщее обучение (на примере Санкт-Петербургского земства) // Россия в мировом сообществе цивилизаций: история и современность: междунар. науч.-практ. конф.: сб. ст. – Пенза: РИО ПГСХА, 2006. – С. 187–191.
16. Семёнова Л.Н. Роль земств Санкт-Петербургской губернии в развитии начального народного образования (1864–1914 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 22.12. 2000. – СПб., 2000.
17. Тукияйнен. Подготовим себе кадры // Красногвардеец. – 1931. – № 4. – 29 мая.

А. Н. Щеглова

Обучение иностранным языкам в Коми пединституте (1932–1952)

В статье анализируется становление и развитие системы обучения иностранным языкам студентов государственного педагогического института в 1932–1952 гг. в Коми.

The article deals with the formation and development of the system of teaching foreign languages at the Komi Teacher's Training Institute in 1932–1952.

Ключевые слова: Коми государственный педагогический институт, иностранные языки, обучение.

Key words: the Komi Teacher's Training Institute, foreign languages, teaching.

В системе вузовского образования обучение студентов иностранным языкам – одно из приоритетных направлений, входящих в обязательный государственный стандарт общей подготовки специалистов. К сожалению, данное направление вузовского образования практически не исследовано ни в российской, ни в региональной историографии. Этому способствовало, возможно, и то, что в вузах разного профиля (педагогических институтах, технических институтах, университетах классического типа и т. д.) в изучаемое нами время, а именно в 1930-х – 1980-х гг., существовала разная по целям и способам их достижения система обучения иностранным языкам. Даже в рамках одного вуза, например педагогического, система подготовки учителя иностранных языков и учителей других профилей предполагала наличие двух разноуровневых систем обучения иностранным языкам.

В одной небольшой статье невозможно коснуться всех аспектов процесса обучения студентов иностранным языкам, существовавших в функционировавших на территории Коми АССР в 1930-х – 1980-х гг. в Коми государственном педагогическом институте, Ухтинском индустриальном институте и Сыктывкарском государственном университете. Поэтому мы остановимся на анализе конкретной истории становления и развития указанной системы в Коми государственном педагогическом институте.

Система обучения иностранным языкам студентов Коми государственного педагогического института прошла большой путь ста-

новления и развития. Мы выделяем три этапа этого процесса: 1932–1952 гг. – период становления данной системы (от отдельных преподавателей до создания кафедры иностранных языков); 1952–1973 гг. – развитие данной системы (концентрация преподавателей на факультете иностранных языков); 1973–1990 гг. – дальнейшее развитие этой системы (совместное существование факультета иностранных языков для подготовки учителей иностранных языков и межфакультетской кафедры иностранных языков для обучения студентов других специальностей). В предлагаемой статье мы рассмотрим историю становления системы обучения иностранным языкам в КГПИ в хронологических рамках первого выделенного нами периода.

Наше исследование опирается на делопроизводственные документы КГПИ, отложившиеся в Национальном архиве Республики Коми (ГУРК НАРК) и текущем архиве КГПИ.

Историография данной темы практически отсутствует. В литературе имеются лишь упоминания отдельных фактов, связанных с темой предлагаемой статьи.

В 1930–1931 гг. началось осуществление всеобщего обязательного начального образования, а в городах и фабрично-заводских поселках – обязательного семилетнего образования. Для успешного решения этой задачи прежде всего нужны были подготовленные педагогические кадры. В их подготовке большая помощь Коми области была оказана вузами и техникумами Москвы, Ленинграда, Вологды и Перми. В 1931 г. в вузах, техникумах, рабфаках разных городов страны обучалось до 800 чел. из Коми области, в том числе в вузах около 110 чел.

В 1926 г. в городе Перми при Педагогическом институте было создано Коми отделение, готовившее учителей гуманитарных дисциплин. В 1928 г. это отделение было переведено в Ленинград.

При Ленинградском педагогическом институте им. А.И. Герцена в 1928–1931 гг. существовала кафедра коми языка и литературы, которую возглавлял Г.А. Старцев. При кафедре обучался 31 чел. Они составляли Коми секцию отделения национальных меньшинств. Студенты приезжали в Сыктывкар для прохождения практики в педагогическом техникуме.

В 1929–1931 гг. при Северном краевом педагогическом институте в Вологде работало Коми отделение, которое и явилось непосредственным предшественником Коми государственного педагогического института [11, с. 191–192; 9; 10, с. 5–6].

Однако внеобластной подготовки учительских кадров с высшим образованием было недостаточно. Это особенно стало ощущаться в связи с решением правительства СССР от 31 августа 1930 г. о пе-

реходе к семилетнему образованию в стране. Не только в школах, но и техникумах Коми области до 1/3 преподавателей не имели высшего образования [8]. Необходимо было готовить кадры для Коми школ в самой области.

Вопрос об открытии Педагогического института был поставлен представителями Коми областных организаций еще весной 1930 г. в комиссии при социально-культурной секции Госплана РСФСР 20 июля 1931 г. Президиум ВЦИК в связи с десятилетием Коми автономии заслушал юбилейный доклад Коми областного исполкома о хозяйственном и культурном строительстве и признал необходимым открыть в г. Сыктывкаре Педагогический институт для подготовки кадров из коренного населения области.

Еще до официального открытия института 10 января 1932 г. в Сыктывкар прибыла первая группа студентов. Их было 18 чел., все они являлись коми учащимися Северного краевого педагогического института, которым оставалось доучиться полтора года.

В 1932 г. был создан трехгодичный рабочий факультет, просуществовавший до 1941 г. и подготовивший для института немало студентов. Интересно отметить, что образовательный минимум абитуриентов, поступавших на рабфак, из года в год увеличивался. В 1932–1935 гг. на рабфак принимались лица, окончившие начальную школу, с 1936 г. – неполную среднюю школу, а с шестилетним образованием принимались в подготовительную группу.

18 февраля 1932 г. состоялось официальное открытие Коми государственного педагогического института. Первым директором был назначен А.Ф. Богданов.

В открывшемся институте были созданы три отделения: общественно-литературное, физико-техническое и химико-биологическое. Первоначально учебные планы были составлены из расчета на трехгодичный срок обучения. Хотя в первый год существования института профессорско-преподавательский коллектив состоял из 11 чел., но с расчетом на перспективу почти сразу было образовано девять кафедр: диалектического материализма и исторического материализма; общественно-экономических дисциплин; исторических дисциплин; педагогики; педологии и психологии; языка и литературы; физико-математических дисциплин; естественных дисциплин; по политехническому циклу. Также следует отметить, что только четыре из вышеперечисленных кафедр тогда имели заведующих [1. Л. 9–10 об.].

В 1939 г. кафедр стало одиннадцать: марксизма-ленинизма, педагогики, истории, русского языка, русской и зарубежной литературы, коми языка и литературы, математики, физики, биологии, химии, географии и геологии. Только преподаватели иностранного языка,

физического воспитания и военного дела не имели самостоятельных кафедр.

Однако с самого начала существования пединститута встал вопрос о преподавании иностранных языков, поскольку этот предмет входил в общесоюзный перечень обязательных при подготовке учителей средних школ. Первоначально в КГПИ преподавался только немецкий язык. Причем число преподавателей было минимальным. В первые годы работы Коми государственного педагогического института единственный преподаватель немецкого языка входил в состав штата кафедры языка и литературы [1. Л. 9–10 об.]. Первым преподавателем иностранного (немецкого) языка в КГПИ была Мария Ивановна Никитина. Она проработала в пединституте около одного календарного года, т. е. второй семестр 1931/1932 и первый семестр 1932/1933 уч. г. [1. Л. 10 об., 81 об.]. С января 1933 г. по декабрь 1934 г. преподавал немецкий язык студентам пединститута доцент кафедры языка и литературы Э.М. Эрнст [7].

С сентября 1935 по сентябрь 1937 г. преподавателем немецкого языка Коми государственного педагогического института работал К.Г. Вернер [6, с. 172]. О последнем в исторической литературе и документах имеются противоречивые сведения. Так, Л.А. Жданов в статье о Курте Германовиче Вернере говорит, что «К. Вернер свободно владел, наряду с родным языком, французским, английским, испанским, русским языками» [6, с. 173]. Но, в «Справке о недочетах по Коми педагогическому институту», датированной 16 декабря 1935 г., адресованной секретарю Коми обкома ВКП (б) Семичеву и секретарю Сыктывкарского горкома ВКП (б) Новикову и подписанной заместителем начальника Управления НКВД по Коми области Андреевым и начальником СПО Выжлецовым, говорилось: «преподаватель Вернер преподает немецкий язык, а русского языка почти не знает, за исключением нескольких слов» [4]. Если исходить из сообщения Л.А. Жданова, то можно предположить, что Вернер был одним из самых эрудированных и ведущих преподавателей Коми государственного педагогического института. Но если доверять документу, данные которого легко могли проверить соответствующие партийные органы, то Вернер был случайным человеком в вузе. Соответственно могут быть диаметрально противоположными предположения об уровне знаний студентов, которым преподавал К.Г. Вернер.

Не менее противоречива информация и о сроке работы К.Г. Вернера в пединституте. По приведенным в статье Л.А. Жданова данным получается, что К.Г. Вернер работал в пединституте по 10 сентября 1937 г. Но в письме директора пединститута Н. Михеева в отдел педвузов управления высшей школы Наркомпроса РСФСР от 6 мая 1937 г., в частности, говорится: «В течение 1936/37

уч. г. у нас не было преподавателей политэкономии и **немецкого языка** (выделено нами – А.Щ.)» [10, с. 172, 194].

С 1937/38 уч. г. преподавать немецкий язык в Коми государственном педагогическом институте стала Мария Васильевна Малевинская. С 1935 по 1937 г. она преподавала немецкий язык в Сыктывкарском педрабфаке при КГПИ. Она была первым преподавателем, имевшим специальное образование (в 1911 г. окончила Казанский институт по специальности «преподаватель немецкого и французского языков и музыки по классу рояля») [10, с. 215–216].

Объем преподавания иностранных языков все время увеличивался. Так, в 1932/33 уч. г. на школьно-педагогическом, физико-техническом и дошкольном отделениях педвуза было выделено по 60 ч на каждом из трех курсов, т. е. всего 180 ч [5. Д. 8].

В учебном плане исторического факультета Коми государственного педагогического института на 1935–1936 уч. г. на изучение иностранного языка отводилось всего 336 ч. Изучение иностранного языка начиналось со второго курса и предполагало 76 ч в первом семестре, 96 ч во втором и 76 ч в первом семестре третьего курса и 88 ч во втором. Следует отметить, что, несмотря на общий учебный план, количество часов, отведенных на изучение иностранного языка, менялось в зависимости от курса. Это объясняется тем, что студенты, поступившие на исторический факультет (как и на любой другой) в 1933 г., уже изучали иностранный язык в каком-то количестве часов. Например, в учебном плане второго курса исторического факультета на 1935–1936 уч. г. было отмечено, что было отведено 90 ч на изучение иностранного языка на первом курсе, поэтому на втором курсе отводилось всего 88 ч, а на третьем – 70 ч в первом семестре и 88 ч во втором. Учебный план для третьего курса исторического факультета выглядел следующим образом: I–II курс – 142 ч, 3-й курс – 60 ч первый семестр и 84 ч второй. Учебный план факультета языка и литературы на 1935–1936 уч. г. отводил 340 ч на изучение иностранного языка: I курс – 86 ч, II – 123 ч, III – 96 ч, IV – 48 ч. В аналогичном учебном плане для факультета естествознания на изучение иностранного языка отводилось 328 ч: на I и IV курсах иностранный язык не изучался, на II изучался в объеме 172 ч, а на III – 156 ч [5. Д. 85, 86].

К концу 1930-х гг. встал вопрос о необходимости в пединституте отдельной кафедры иностранных языков. Из имеющихся документов трудно сделать однозначный вывод о начальной дате появления такой кафедры. Первое свидетельство о её существовании в Коми государственном педагогическом институте относится к 1939–1940 уч. г. В книге приказов по КГПИ отмечено, что в 1939–1940 уч. г. кафедру иностранных языков возглавлял кандидат филологических наук, доцент А.С. Шамахов [10, с. 269 и др.]. Однако в том же документе объединение преподавателей иностранного языка названо не

кафедрой, а секцией немецкого языка. Возможно, в это время секция немецкого языка, возглавляемая своим руководителем, входила, как и ранее, в состав кафедры языка и литературы.

По сравнению с началом и даже серединой 1930-х гг. увеличилось количество преподавателей иностранного языка. В секцию немецкого языка входили в 1939–40 уч. г. уже три сотрудника – два преподавателя (М.В. Малевинская, А.Г. Юрцев) и один лаборант. Преподаватели немецкого языка вели занятия на II–IV курсах литературного, исторического, физико-математического и естественного факультетов. Преподаватели немецкого языка работали по программе, составленной на основе программы Наркомпроса.

Учебная работа включала в себя чтение, перевод с немецкого на русский язык и обратный перевод. Также практиковались такие учебные приемы, как заучивание слов, ответы студентов на устные и письменные вопросы к тексту, списывание текстов, выполнение грамматических упражнений, самостоятельный перевод с помощью немецко-русского словаря.

К концу 1930-х гг. появилось стандартное для педагогических и иных вузов страны методическое обеспечение работы преподавателей иностранных языков. При секции немецкого языка был оборудован кабинет немецкого языка. В нем имелось небольшое количество грамматических таблиц, книг для внешкольного чтения и практических работ по специальностям. Кабинет немецкого языка активно посещали студенты. При кабинете имелись особые дни для консультаций. Кроме учебной и консультативной работы, по линии общественной работы преподаватели вели занятия по немецкому языку с преподавателями пединститута и педрабфака [5. Д. 232].

Преподаватели иностранных языков в предвоенный период, кроме учебной, начали заниматься и научно-методической работой. Они, в частности, занимались «составлением списка слов и выражений, которые должны были быть усвоены студентами пединститута» [5. Д. 232].

Во время Великой Отечественной войны произошло расширение практики преподавания иностранных языков в пединституте. Наряду с немецким языком студенты стали изучать и английский язык. Первый преподаватель английского языка Коми государственного педагогического института Клавдия Васильевна Громова была принята на работу в 1942 г. Она уволилась в 1944 г., и в связи с этим в порядке перевода из Усть-Вымской средней школы старшим преподавателем английского языка с 20 июня 1944 г. была назначена Дора Ланровна Липниц [2. Л. 24].

В 1946 г. уже была организована самостоятельная кафедра иностранных языков, в распоряжении которой имелся кабинет иностранных языков. В штате кафедры состояли: один преподаватель английского языка и два преподавателя немецкого языка, а также

один лаборант кабинета иностранного языка. Один из преподавателей немецкого языка (А.Г. Юрцев) также вел практические занятия по английскому языку [5. Д. 409. Л. 14]. Таким образом, в первый послевоенный год численный состав преподавателей иностранных языков Коми государственного педагогического института оставался таким же, каким был и в предвоенный год.

В 1948 г. были получены новые программы по иностранным языкам от Министерства высшего образования, которые, по словам тогдашней заведующей кафедры иностранных языков М.В. Малевинской, почти не расходились со старыми программами [5. Д. 458. Л. 29].

В первые послевоенные годы существенно изменился подход к работе преподавателей иностранных языков пединститута. В конце 1940-х гг. преподаватели кафедры иностранных языков стали активно заниматься научной работой. Так, заведующая кафедрой М.В. Малевинская работала над диссертацией «Роль немецкого ре-акциона в технике перевода», старший преподаватель немецкого языка А.Г. Юрцев работал над диссертационным исследованием по теме «Полисемантизм предлогов в немецком языке», а старший преподаватель английского языка М.К. Дорн работала над научно-методической темой «Роль предлогов в английском языке» [5. Д. 409. Л. 14–15].

Также преподаватели кафедры иностранных языков Коми государственного педагогического института оказывали методическую помощь преподавателям иностранных языков средних школ, обменивались педагогическим опытом, посещали их занятия и обсуждали результаты. Поддерживалась связь кафедры иностранных языков с кафедрой русского языка.

Следует отметить активную работу кабинета иностранного языка, при котором проводился инструктаж студентов по самостоятельной работе, консультации при проработке учебного материала, занятия с отличниками, желающими усовершенствовать свои знания по иностранному языку, а также занятия с отстающими учащимися. Кабинет иностранных языков выпускал два номера стенгазеты на иностранном языке, занимался изготовлением наглядных пособий и составлял списки дополнительной художественной литературы по иностранным языкам для студентов всех курсов и таблицы необходимых идиоматических выражений и пословиц на иностранном языке. В связи с такой интенсивной работой кабинета иностранных языков одного лаборанта было недостаточно, так что в 1949 г. на работу был принят еще один лаборант. Однако позднее штатный состав преподавателей и лаборантов опять был пересмотрен в сторону уменьшения. Так, в 1951/52 уч. г. на кафедре работали лишь два штатных преподавателя (М.В. Малевинская и Т.А. Томарина (Игнатова)), один преподаватель на условиях почасовой оплаты (Т.В. Селезнева) и один лаборант [3].

Конечно, кафедра иностранных языков испытывала и некоторые затруднения в работе, связанные с ненадлежащим снабжением ее учебной и методической литературой. По словам заведующей кафедрой М.В. Малевинской, не хватало учебников по иностранным языкам и художественной литературы для самостоятельного перевода, а также почти не было словарей [5. Д. 402. Л. 10–16]. Преподаватели вынуждены были составлять словари, адаптированные к условиям обучения на разных отделениях и факультетах.

Таким образом, за двадцать лет, прошедших после создания Коми государственного педагогического института, было налажено преподавание иностранных языков в вузе. Студенты пединститута в рамках утвержденной программы стали получать знания по английскому или немецкому языкам. Было создано методическое подкрепление процессу преподавания в виде кабинета иностранных языков. Значительно изменился состав преподавателей иностранных языков. В 1930-х гг. иногда это были случайные люди, не имевшие специального образования, но являвшиеся носителями языка (например, К.Г. Вернер окончил 8 семестров Берлинского университета по географическому факультету и не имел диплома о высшем образовании) [6, с. 173]. Уже в послевоенную пятилетку вакансии преподавателей стали занимать люди, получившие специальное образование и занимающиеся научными исследованиями по профилю преподавательской работы. Естественно, они давали студентам более фундаментальные знания по своему предмету.

Список литературы

1. Архив Коми государственного педагогического института (КГПИ). Кн. приказов № 1.
2. Архив КГПИ. Кн. приказов № 16.
3. Архив КГПИ. Кн. приказов № 28.
4. Государственное учреждение Республики Коми Национальный архив Республики Коми (ГУРК НАРК). Ф. П-1 (Коми обком ВКП(б) – КПСС). Оп. 3. Д. 135. Л. 84.
5. ГУРК НАРК. Ф. Р-194 (Коми государственный педагогический институт). Оп. 1.
6. Жданов Л.А. Нашли «свободу» в Коми // Коми пединститут: становление и развитие. 1932–1941. Документы, материалы, воспоминания. – Сыктывкар, 2007.
7. Жданов Л.А. Судьба перебежчика // Коми пединститут: становление и развитие. 1932–1941. Документы, материалы, воспоминания. – С. 66, 68.
8. Золотарев О.В. Коми учительство в 1920–1930-х годах // Повседневная жизнь Коми края. – Вып. 1. Сыктывкар, 2006. – С. 98–100.
9. История Коми АССР с древнейших времен до наших дней. – Сыктывкар, 1978. – С. 327–329.
10. Коми пединститут: становление и развитие. 1932–1941. Документы, материалы, воспоминания. – Сыктывкар, 2007.
11. Очерки по истории Коми АССР. Т. 2. – Сыктывкар, 1962.

УДК 930.2(470.45)«196/197»

А. В. Хорошенкова

Научно-исследовательская деятельность историков Волгоградского государственного педагогического института в 60-е – 70-е гг. XX в.

В статье проведён анализ научно-исследовательской деятельности преподавателей-историков кафедр истории России и всеобщей истории Волгоградского государственного педагогического института в 60-е – 70-е гг. XX в. Рассматривается деятельность таких учёных, как В. А. Козюченко, Б.С. Абалихин, А.С. Скрипкин и др.

In an article the analysis of the research activities of teachers of historical subjects of the departments of Russian history and world history in Volgograd state pedagogical institute in 60-th – 70-th of the XX c. Reviews the activities of scholars such as Kozyuchenko V. A., Abalihin B. S., Skripkin A. S. et al.

Ключевые слова: Волгоградский государственный педагогический институт, историческая наука, профессорско-преподавательские кадры.

Key words: Volgograd state pedagogical institute, historical science, professor and teaching staff.

После завершения «оттепели» в конце 1950-х – начале 1960-х гг. и смены лидеров КПСС наступил «золотой век» партийно-государственной бюрократии. Структурный кризис политической системы и всевластие номенклатуры усилили противоречия во всех сферах советского общества, включая систему высшего образования. Так, в сентябре 1966 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению подготовки специалистов и совершенствованию руководства высшим и средним специальным образованием в стране» [3, с. 51].

Данное постановление было призвано остановить или замедлить те негативные процессы, которые развивались в области высшего образования в связи с быстрым увеличением количества вузов и студентов в них. В связи со стремительным расширением подготовки специалистов возникало немало проблем, связанных с обеспечением новых вузов учебно-методической базой, научно-педагогическими кадрами, трудоустройством выпускников. Данные

проблемы отразились и на деятельности историков Волгоградского государственного педагогического института. Одним из важнейших направлений их деятельности, безусловно, являлась научно-исследовательская работа.

Региональные исторические исследования – неотъемлемая составляющая развития исторической науки и образования в российском обществе. После кризиса в отечественной исторической науке в первой половине 1990-х гг. и часто не вполне обоснованных попыток отрицания достижений советских учёных возрос интерес к изучению её истории на российском и региональном уровнях.

Направления научных исследований Волгоградских историков были разнообразны. Исследования проводились как по всеобщей, так и по отечественной истории различных периодов, а также активно изучалась история региона.

В.И. Бабкин – заведующий кафедрой истории СССР – готовил докторскую диссертацию на тему «Классовая борьба в Отечественной войне 1812 г.». В научно-методическом отделе работой по краеведческому материалу занимались А.Н. Климов, П.А. Бутылкин и Г.С. Каден [4. Д. 16. Л. 273]. Заведующий кафедрой всеобщей истории В.А. Козюченко работал над темой «В.И. Ленин о германском рабочем движении» [4. Д. 16. Л. 296]. В ноябре 1966 г. он представил к защите докторскую диссертацию на тему «Рабочий класс и социал-демократия в ноябрьской революции 1918 г. в Германии».

На заседаниях кафедр многие преподаватели подчёркивали, что проведению научно-исследовательской работы мешают трудности, связанные со сложностью в получении творческих отпусков, ограниченным доступом к архивным материалам и публикацией статей. [4. Д. 51. Л. 2].

В план научной работы ВГПИ на 1965–66 уч. г. была внесена подготовка целого ряда докторских диссертаций по исторической проблематике. П.А. Бутылкин готовил диссертацию на тему «Аграрные преобразования Великой Октябрьской социалистической революции в Нижнем Поволжье». Г.С. Каден проводил исследование по теме «Царицын в годы Гражданской войны». Готовились докторские диссертации и по истории КПСС. В.С. Красавин работал над темой «Партийные организации Нижнего Поволжья в период Великой Отечественной войны», Н.С. Агринский – «КПСС в борьбе за развитие культурной революции в Нижнем Поволжье в 1953–63 гг.» [4. Д. 121. Л. 12], С.П. Люшин – «Восстановление и развитие Волгограда (1943–62 гг.)» [5. Д. 199. Л. 1].

В начале 1960-х гг. в ВГПИ, безусловно, преобладали исследования по истории Нижнего Поволжья. Преподаватели кафедры подготовили коллективную монографию «Вопросы развития

производительных сил в школьном курсе истории». М.Я. Бромберг закончил работу над монографией «Работа коммунистической партии по индустриализации Нижнего Поволжья», Г.П. Ленков – «Сталинградская партийная организация в борьбе за освоение целинных и залежных земель», С.П. Люшин – «Деятельность коммунистической партии по восстановлению г. Сталинграда», Е.В. Слуцкер – «Борьба коммунистической партии за подъём материального благосостояния рабочих промышленных предприятий Нижнего Поволжья в годы первой пятилетки», Ф.Т. Зиннуров – «О соотношении стихийного и сознательного в историческом процессе», А.Н. Климов – «Сталинград в годы Великой Отечественной войны» [5. Д. 61. Л. 3–4].

При обсуждении выполнения решений учёного совета института о научной работе кафедры всеобщей истории в апреле 1965 г. заведующий кафедрой В.А. Козюченко в своём выступлении отметил, что научную работу всех членов кафедры объединяет изучение классовой борьбы и работа над сборником научных статей по историографии. Было принято решение об осуществлении установки на разработку крупных научных исследований с участием всех членов кафедры [4. Д. 110. Л. 17]. Общей темой исследования коллектива была определена тема «Проблемы международного рабочего движения в новейшее время» [4. Д. 138. Л. 12].

В середине 1970-х гг. научные исследования сотрудников кафедры всеобщей истории велись по трём основным направлениям: «Сарматская археология» (А.С. Скрипкин), «Историческое прошлое Нижнего Поволжья» (З.М. Шарапова), «Международное коммунистическое, рабочее и национально-освободительное движение в современную эпоху» (В.А. Козюченко, А.Я. Серебряный, В.Н. Попов, Е.Г. Блосфельд) [4. Д. 586. Л. 1–2].

В 1971–72 гг. Е.Г. Блосфельд подготовила кандидатскую диссертацию на тему «Борьба в лейбористской партии Великобритании по внутривнутриполитическим проблемам в 1931–37 гг.» [4. Д. 391. Л. 6].

В 1970 г. кандидатская диссертация В.Н. Попова «Развитие химической промышленности в ГДР» была рекомендована кафедрой к защите, а в мае 1971 г. успешно защищена [4. Д. 209. Л. 11].

А.С. Скрипкин работал над докторской диссертацией на тему «Азиатская Сарматия в IV в. до н. э. – I в. н. э.». Им были обработаны архивные материалы экспедиций Ростовского университета, Азовского музея, Уральского пединститута, ряда экспедиций института археологии АН СССР. Были произведены раскопки в Быковском и Калачёвском районах Волгоградской области и исследовано около 20 курганов [5. Д. 1295. Л. 2–3].

Кафедра всеобщей истории выступила инициатором проведения научной конференции, посвящённой 25-летию создания СЕПГ

(15–17 апреля 1971 г.). В ней приняли участие сотрудники посольства ГДР в СССР, представители педагогического института Эрнста Шнеллера Цвиккау (ГДР) и института истории АН СССР, а также историки Саратовского и Вологодского педагогических институтов. С докладом на тему «Уроки Ноябрьской революции 1918 года и борьба за создание и идеологическое укрепление СЕПГ (1945–48 гг.)» выступил профессор В.А. Козюченко.

Исследования волгоградских учёных-историков вызывали профессиональный интерес коллег в нашей стране. Заслуженным уважением в научном сообществе пользовался профессор В.А. Козюченко. Он выступил первым оппонентом на защите кандидатской диссертации Н.М. Кудаева в Саратовском государственном университете, оппонировал на защите докторской диссертации А.М. Меркинда на тему «Под знаменем коммуны Германская социал-демократия против реакции милитаризма в 1871–75 гг.» в Институте всеобщей истории АН СССР [5. Д. 455. Л. 5].

Кафедра истории СССР выпустила исследование на тему: «Классовая и национально-освободительная борьба в дореволюционной и Советской России» [5. Д. 455. Л. 19]. В 1976 г. кафедра запланировала исследование новой научной темы «Нижнее Поволжье с древних времён до настоящего времени». Мотивом послужило отсутствие целостного исторического исследования по истории региона в советской историографии [5. Д. 955. Л. 1].

Научные интересы сотрудников данной кафедры также были разнообразны. А.П. Сергеев работал над кандидатской диссертацией «Промышленность Нижнего Поволжья в начале XX века» [4. Д. 316. Л. 8–9]. Профессор В.И. Бабкин, защитив докторскую диссертацию на тему «Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г.», продолжал исследование на тему «Историография народного ополчения 1813–14 гг.». Профессор И.С. Шепелев изучал «Земские соборы в Русском государстве во второй половине XVI – первой половине XVII вв.» и «Донское и волжско-терское казачество в освободительной и классовой борьбе в первой четверти XVIII века» [5. Д. 283. Л. 28].

На кафедре обсуждалась докторская диссертация Б.С. Абалихина на тему «Борьба русского и украинского народов против иноземных захватчиков в конце XVIII – начале XIX века». Учёный работал в архивах Москвы и Киева. Благодаря его кропотливому труду в оборот были введены новые исторические источники. Им были найдены ежегодные отчёты губернаторов за 1801–1814 гг., рукопись неизвестного автора о жизни и деятельности М. И. Кутузова, план Киева-крепости 1812 г. В 1968 г. учёный выступил на межвузовской конференции в г. Воронеже с докладом на тему «К вопросу

о количестве тайных обществ в России в первой половине XIX века» [5. Д. 283. Л. 2].

Борис Сергеевич опубликовал целый ряд статей, посвященных изучению Отечественной войны 1812 г.: «К вопросу о пропагандистской деятельности штаба М.И. Кутузова в 1812 году», «Русская пропаганда в Польше в 1812–13 гг.», «Украина в стратегических планах Наполеона», «Кутузов и Украина» и др. В сотрудничестве с другими членами кафедры была подготовлена монография «Классовая борьба в годы Отечественной войны 1812 года» [4. Д. 393. Л. 22–30].

В 1966 г. на кафедре активно шла подготовка сборника «Нижнее Поволжье в XIII – XVII веках» [4. Д. 426. Л. 11–12].

Кафедра истории СССР поддерживала связи с научными учреждениями Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Саратова, Воронежа, Куйбышева, Казани, Ростова. Сотрудничество велось с институтами истории АН СССР в Москве, Ленинграде, Киеве, библиотеками им. В.И. Ленина, исторической библиотекой в Москве, библиотекой им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, с архивами ЦГАДА, ЦГАОР, с Саратовским и Ростовским педагогическими институтами и университетами этих городов. Международное сотрудничество развивалось с педагогическими институтами Ополе (Польша) и Цвиккау (ГДР) [6. Д. 118. Л. 48].

К 1979 г. в основу научно-исследовательской работы кафедры были поставлены следующие проблемы: «Национально-освободительная борьба в дореволюционной и Советской России» и «Социально-экономическое развитие Нижнего Поволжья в дореволюционный и советский периоды». Успешное исследование именно этой тематики было обусловлено как возможностями местных архивных документов и доступа к ним, так и общими задачами в области исторической науки, которая должна быть максимально «приближена к жизни и производству» конкретного региона.

Важным событием в жизни учёных-историков, безусловно, стало открытие диссертационного совета. В соответствии с приказом № 320-В от 26 июня 1969 г. по Министерству высшего и среднего специального образования СССР «Об утверждении списка высших учебных заведений (факультетов) и научно-исследовательских учреждений (секций), получивших право приёма к защите диссертаций в 1969 году» Волгоградский педагогический институт им. А.С. Серафимовича получил право приёма к защите кандидатских диссертаций и присуждения учёной степени кандидата наук по историческим наукам. Председателем совета стал Д.П. Журавлёв. Первая защита в новом совете успешно прошла 26 февраля 1970 г. Рафаэль Закиевич Муксинов представил диссертацию на тему «Печать Нижнего Поволжья в период Великой отечественной войны 1941–45 гг.».

Официальными оппонентами выступили доктор исторических наук, профессор М.А. Водолагин и кандидат исторических наук, доцент В.С. Красавин [4. Д. 349. Л. 21].

В декабре 1970 г. состоялась защита кандидатской диссертации Владимира Александровича Хлыстова на тему «Деятельность КПСС по развитию цветной металлургии в годы первых пятилеток (на материалах Урала)». В феврале 1971 на заседании учёного совета ВГПИ по присуждению учёной степени кандидата исторических наук успешно прошли защиты В.Д. Фадеевой и П.Г. Крюкова. В.Д. Фадеева представила диссертацию на тему «Деятельность партийных организаций предприятий химической и нефтеперерабатывающей промышленности по повышению культурно-технического уровня рабочих (1959–65 гг.)». П.Г. Крюков защитил диссертационное исследование на тему «Идеологическая работа партийных организаций Нижнего Поволжья на завершающем этапе социалистического строительства (1953–58 гг.)» [4. Д. 424. Л. 1–38, 66–92].

Анализируя тематику диссертационных исследований, можно сделать вывод о том, что в 70-е гг. XX в. отчётливо прослеживалась следующая тенденция – на рассмотрение учёного совета ВГПИ преимущественно представлялись диссертации, посвященные изучению истории КПСС. Диссертаций по отечественной и всеобщей истории крайне мало. В аспирантуре обучались аспиранты по истории КПСС, а аспирантов по другим историческим дисциплинам в ВГПИ в данный период не было [2].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на развитие исторической науки и образования в Волгоградском педагогическом институте влияли проблемы и противоречия, характерные для большинства советских вузов при подготовке кадров историков-профессионалов.

Первой тенденцией стало увеличение исследований, посвященных советскому периоду. Это объяснялось спецификой партийно-государственной политики в сфере исторического образования и необходимостью идеологического обоснования советской политической системы.

Во-вторых, в 60-е гг. XX в. усилилась тенденция к написанию коллективных работ. Результаты деятельности коллектива публиковались в кафедральных сборниках работ по одной теме, часто приуроченных к юбилейным датам.

Историки избегали больших комплексных тем и сосредотачивали свои усилия на тщательном изучении отдельных вопросов истории края или области, работе над обобщением уже известных вопросов в многотомниках, прикладных разработках и т. п.

Вместе с тем следует отметить тенденцию, связанную с постепенным переходом историков к новым исследовательским темам, а также с изучением проблем, в предшествующие периоды не исследовавшихся: история Великой Отечественной войны, рабочего движения и социально-экономического развития современных капиталистических стран, духовная культура и менталитет человека Средневековья и Античности.

Список литературы

1. Болотова Е.Ю., Крылова Н.Б. Отечественная война 1812 г. в трудах Б.С. Абалихина // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. – 2012. – № 9. – С. 4–9.
2. Болотова Е.Ю., Хорошенкова А.В. Развитие исторической науки и образования в Волгоградском государственном педагогическом институте в 60-е – 70-е гг. XX века // Материалы 7-й междунар. науч.-практ. конф. «Новейшие достижения европейской науки». – 2011. – Т. 26. История. София: «Бял ГРАД-БГ» ООД. – С. 9–15.
3. Высшая школа: сб. основных постановлений, приказов и инструкций. Ч. 1. – М., 1978.
4. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 6056. Оп. 2.
5. ГАВО. Ф. 6056. Оп. 5.
6. ГАВО Ф. 6056. Оп. 6.

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(470.5)«1801/1850»:316.342.4-51

Е. В. Банникова

Коммуникативные поведенческие практики в купеческой среде дореформенного Урала

В статье дан анализ поведенческих практик купечества Урала в первой половине XIX в. Рассматриваются различные варианты взаимодействий коммерсантов с представителями аристократии, коллегами, работниками, членами семей. Предпринимается попытка выяснить причины складывания тех или иных моделей поведения предпринимателей.

Article is devoted to the analysis of behavioural practitioners of merchants of Ural in the first half of the XIX century. The author considers various options of interactions of businessmen with representatives of the aristocracy, colleagues, workers, members of families. The author makes an attempt to find the reasons of formation of different models of behavior of businessmen.

Ключевые слова: коммуникация, коммуникативные практики, коммуникативное поведение, купечество, Урал.

Key words: communication, communicative practitioners, communicative behavior, merchants, Ural.

Коммуникации разного рода как обмен разнообразной информацией между субъектами часто становятся объектом внимания исследователей. Как правило, к этому феномену обращаются социологи и психологи, но в рамках развития современной исторической науки в XXI в. коммуникативное пространство приобрело также свойство объекта исторического исследования [13; 22]. При этом под коммуникацией понимается не только общение с помощью вербальных средств, но и повседневное поведение в различных социальных группах как средство, с помощью которого люди конструируют и поддерживают свои отношения.

Согласно определению, данному В.В. Зотовым, «коммуникативные практики – это упорядоченные совокупности образцов рациональной деятельности, направленной на передачу/прием социально-значимой информации» [12].

Коммуникации в купеческой среде могли осуществляться в самых широких границах – с представителями власти, «коллегами по

цеху», членами городского общества, работниками, родственниками и т. д. При этом следует понимать, что в сознании широкой общественности купец всегда представлялся представителем «подлого» сословия, неполноправным членом социума (в том числе как подвергающийся телесным наказаниям), человеком невежественным и необразованным. Отношения с купечеством строились соответственно этим сформировавшимся и очень устойчивым (о чем свидетельствует художественная литература) представлениям. Высшие чиновники ни в столицах, ни в провинции с купечеством не церемонились. Так, московский военный генерал-губернатор А.А. Закревский «с лицами купеческого сословия ... вел разговор обыкновенно на "ты"» [17, с. 89–90]. Полиция и чиновники, на которых была возложена обязанность надзора за действиями коммерсантов, были чужды даже малейшего понятия о специфике их деятельности и считали своим долгом исключительно «в каждом торговце отыскивать нарушителя установленных обрядов и форм» [14, с. 260].

В воспоминаниях Н. Найденова читаем: «в 1851 году я приступил к установлению личного знакомства с давальцами – лицами, с которыми мы (торговая фирма – *прим. Е.Б.*) имели дело ... представлялось необходимым заискивать расположение различных приказчиков, от которых всегда зависело многое, а оно могло быть приобретено средствами, к которым я прибегать не мог...» [17, с. 85–86]. То есть как высшее, так и промежуточное звено деловых операций, как обычно, хотели денег. Как отмечал О. Еленский, когда «жизнь регламентируется не только законом, но и произволом высших и низших органов правительства и каждый человек на каждом шагу может быть лишен чести и свободы по усмотрению какого-либо самодура, – существование взятки было спасительно... и в то ужасное время она была его конституцией, единственной его защитницей» [10, с. 684].

Обладая иногда очень крупными капиталами, купцы не входили в разряд аристократии, привилегированного населения. Данное обстоятельство всячески подчеркивали представители местной власти, обращаясь с коммерсантами как с простонародьем, обирая их, решая любое дело исключительно с помощью взяток. Купцы прекрасно понимали свое униженное положение, которое в итоге компенсировалось своеобразным «отыгрыванием» на покупателях-некупцах.

Наглядным примером может служить Михаил Зайчиков, бывший маркитантом отряда оренбургского военного губернатора В.А. Перовского во время его похода на Хиву зимой 1839 г. Согласно описаниям этого похода, «фунт баранок, стоивший в Оренбурге три копейки, Зайчиков продавал по 50 коп., четверка Жукова табаку,

вместо 15 коп., продавалась по рублю; бутылка водки стоила рубль и 1 р. 50 коп. ассигнациями, а в городе она стоила тогда 35 коп. асс. или 10 коп. на серебро. Когда офицеры окончательно истратились, то Зайчиков, с разрешения генерал-адъютанта Перовского, которым он заручился еще на Эмбе, стал отпускать все припасы для офицеров в кредит, и таким образом приобрел, за время похода, большие деньги...» [11, с. 107].

Исправить ситуацию могло только первое лицо государства, законодательно расширив права купечества, защищая его честь и достоинство. В итоге, пожалуй, единственным субъектом, к которому купечество всегда относилось с огромным почтением и трепетом, был монарх. Купечество Урала первой половины XIX в. неоднократно принимало участие во встречах с царствующими особами, совершающими поездки по стране. В ходе таких контактов подкреплялись монархические установки общественного сознания сословия. Однако предприниматели использовали эти встречи и в практических целях. Участвуя в них, купцы имели возможность проявить приверженность существующему общественному устройству, облакая ее в материальную форму, а также выразить надежды на благоприятный для сословия курс в социальной политике властей. Монархи в рамках этих встреч демонстрировали себя как мудрые отцы нации, искренне пекущиеся о благе подданных.

Так, например, в мае 1798 г. Степан и Афанасий Яковлевичи Машковцевы, Василий Лаврентьевич Калинин и Феофилакт Михайлович Рязанцев в составе вятской купеческой делегации ездили в Казань на встречу с императором Павлом I. Во время первой встречи они преподнесли Павлу и его сыновьям – Александру и Константину – хлеб и соль на специально изготовленных, позолоченных блюдах с изображением гербов, в том числе и города Вятки. Дары должны были символизировать благосостояние купечества, пользу его деятельности для государства. Во время второй встречи между купцами и императором состоялся продолжительный разговор. Павел спрашивал: «... о торговле из Вятки в Архангельский и оттуда по морю в чужие края, особливо отпускали ли в Голландию и как переписку на каком языке ведем, потом о расстояниях от Казани до Вятки и от Вятки до разных мест, о лесах, растущих около Вятки, Камы и Ветлуги и о прочем». На эти вопросы Машковцевы дали ответы «со всяким благоговением и краткою ясностью». «Прощайте друзья, я рад, что с вами познакомился и желал бы у вас в Вятке быть, но жалею, что от дороги вы удалели!», – произнес в конце встречи император [15, с. 11].

Тесная и весьма выгодная связь русской торговой буржуазии с правительством исключала необходимость сплочения внутри соци-

альной группы, которое могло бы привести к выработке собственной сословной идеологии, осознанию корпоративных интересов и организации борьбы за их реализацию. В результате в другом коммерсанте, даже в ближайшем родственнике, купец видел не соратника, а конкурента: «Тут купец купцу, отец сыну, хозяин приказчику – волк» [1, с. 179]. То же читаем и у Н.А. Добролюбова: «Быт этого темного царства так уж сложился, что вечная вражда господствует между его обитателями. Тут все в войне: жена с мужем – за его самовольство, муж с женой – за ее непослушание или неугождение; родители с детьми – за то, что дети хотят жить своим умом; дети с родителями – за то, что им не дают жить своим умом...» [9]. М.М. Сомов, говоря о нравственности жителей Уфы, подчеркивал, что отношения членов ... отчасти даже в среднем (классе – прим. Е.Б.) вследствие, вероятно, тяжёлой обстановки, больших трудов и недостатка в образовании, большею частью не отличаются особенной мягкостью обращения» [23].

Дело иногда доходило до открытого внутрисемейного насилия. Так, в материалах 5-й ревизии по г. Оренбургу сообщалось, что жена купца Егора Андреевича Пахотова, дочь уфимского мещанина Василия Подъячева, Афимия со своим маленьким сыном бежала к родне то ли в Уфу, то ли в Белебей, то ли «в другое какое место неизвестно» [4. Оп. 2. Д. 4. Л. 25–25 об.]. Для такого отчаянного поступка у Афимии Васильевны должны были быть очень веские причины. А в ревизских сказках о купцах г. Уржума за 1850 г. было зафиксировано, что жена купеческого сына Александра Филипповича Репина Христина Яковлевна на момент переписи находится «в неизвестной отлучке» [5. Ф. 176. Оп. 2. Д. 1337. Л. 4 об–5]. Если семья не знала, где находится женщина, видимо, между ее членами складывались очень непростые отношения. Авторы-беллетристы в своих произведениях также подчеркивали эту внутреннюю разобщенность купеческих семейств: «Разъединение резкою чертой лежало над семейством, – писал о купеческой семье Тарыкиных А.С. Ушаков. – Скука, однообразие, несогласие и молчаливая, затаенная злость на все, на всех, казалось, нашли здесь свой надежный приют» [25, с. 92].

И.С. Аксаков в своих воспоминаниях писал: «Нельзя себе представить, до какого страшного деспотизма доходит власть отца в купеческом быту и не только отца, но вообще старшего в семье! Им большею частью и не приходит в голову, чтоб у младших могли быть свои хотения и взгляды, а младшим не приходит в голову и мысль о возможности сопротивления» [Цит. по: 19, с. 419]. Ярким примером такой абсолютной власти отца в семье служат воспоминания И.И. Громозова, который шестнадцатилетним «по настоя-

тельному требованию родителя противу воли ... вынужден был вступить в супружество» [7. Л. 169].

С неродственными собратьями по цеху купцы зачастую церемонились еще меньше. Причина могла крыться в имущественных претензиях, личной неприязни, коммерческой конкуренции, разнице в гильдейской принадлежности. Тот, кто считал себя богаче, хитрее, изворотливее, вел себя более нахально и грубо. В глазах не слишком утонченного купеческого сообщества подобное поведение являлось демонстрацией силы, власти, связей, финансовых возможностей.

Примеров история уральского купечества имела предостаточно. Так, в 1804–1806 гг. шло разбирательство по делу бывшего уфимского купца 2-й гильдии Михайлы Петровича Ершова, обвинявшего своего бывшего компаньона – уфимского купеческого сына Василия Петровича Шишковского – в несправедливом разделе находящегося в общем владении имущества (поташного завода и трактира) [3. Оп. 2. Д. 1284. Л. 1].

Но более ярким сюжетом может служить история владельцев Шильвинского медеплавильного завода, расположенного в Оренбургской губернии. В 1797 г. Шильвинский завод был продан Николаем Петровичем Красильниковым уфимскому купцу Алексею Матвеевичу Меньшому-Подъячеву вместе с крестьянами. Купчая была оформлена 28 августа, а 14 сентября Николай Красильников умер, после чего двоюродный брат умершего, Семен Тихонович Красильников, потребовал признания сделки незаконной. Челобитчик сообщал: «Упоминаемый брат мой от излишнего употребления им горячих напитков лишился совершенно рассудка и управлять заводом тем был вне состояния». Этим воспользовались купец Подъячев и городничий г. Мензелинска Иван Иванович Микулов, который напоил Николая Красильникова до такой степени, что «подписать оно не в состоянии, то городничий же, водя его руку с пером и подписал, а денег братом моим за завод Шильвинский ни от кого нисколько взято не было». Однако, хотя 32-х тыс., которые Подъячев должен был заплатить Красильникову за завод, никто так и не обнаружил, купчая была признана юридически правильной и А.М. Подъячев стал хозяином Шильвинского завода [3. Оп. 1. Д. 240. Л. 1–2].

Хозяином Алексей Матвеевич был суровым. Наиболее приемлемым в сложившихся условиях средством обогащения Подъячев считал максимальное использование труда имеющихся в его распоряжении крепостных и сокращение до минимума расходной части производства. А о его преемнике, Николае Николаевиче Подъячеве, даже его собственный управляющий – крепостной крестьянин Козь-

ма Комиссаров – отзывался крайне негативно: «Сей заводчик, человек корыстолюбивый, жестокий и несправедливый, обращаясь с принадлежащими к заводу его людьми точно так, как обращаются варвары с своими пленниками, невольниками, разорил их до крайности и, сделав из них что-то похожее на неразумных животных, поступает с ними, как хочет, как волк со слабыми робкими овцами» [8, с. 402–403]. Испытывая на себе постоянное психологическое (а зачастую и финансовое) давление со стороны власть предержащих и более успешных предпринимателей, купечество стремилось возместить свои моральные потери за счет тех, кто был еще слабее, полностью зависел от воли коммерсанта.

Конечно, нельзя утверждать, что абсолютно все уральские предприниматели были циничными корыстолюбцами, жестокими эксплуататорами и тиранами. Вятский купец Я.А. Прозоров, ведший хлебную торговлю в Архангельске, а затем поставлявший в Европу лен, однажды заявил своему племяннику: «Вот ты видел: от меня сейчас вышли рабочие и мой служащий – торговый приказчик; вот этих людей я ценю, они труженики, и результат их труда – реальная польза...» [20, с. 10]. В журнале «Русский вестник» (№ 4 за 1824 г.) рассказывалось о «благодетельном подвиге П...Ф...В...ва» – уроженца Вятки, жившего в Москве «по производству своей торговли». На его ситцевой фабрике работал некий москвич, подвергшийся «по различным злоключениям разорению» и задолжавший своему хозяину 3 тыс. р. «Видя душевные волнения своего прикащика, благодетельный Вятский уроженец призвал его и сказал: "заемному вашему письму вышел срок: оно ваше, а не мое". Сказал, уничтожил трехтысячный вексель и снял тягостное бремя с души страдальца» [2]. Коммерции-советник, почетный гражданин г. Слободского, купец 1-й гильдии Петр Яковлевич Гусев состоял в одном деле с купцом Аршауловым, а после его смерти, когда была обнаружена недостача в 1 330 р., принял ее на себя, чем спас семейство Аршаулова от разорения [21, с. 86]. Как видим, отдельные уральские предпринимателям были не чужды проявления сострадания и заботы о своих коллегах и работниках.

Можно говорить о неких элементах патерналистского отношения к подчиненным, что хорошо вписывалось в общую традиционалистскую систему ценностей купечества. Как люди, приносящие реальную выгоду и пользу, грамотные приказчики и работники высоко ценились коммерсантами. При этом подчиненные, не обладающие достаточными профессиональными знаниями и навыками, либо замеченные в каких-либо проступках, совершенно резонно вызывали нарекания хозяев. Вот как А. Моралев в письме брату жаловался

на своего конторщика: «Василий Павлович Хохряков пустой человек наплел в книгах такой ералаш...» [6. Оп. 1. Д. 1. Л. 62 об.].

Да и в отношениях с коллегами чаще наблюдалась щепетильная честность в делах. Как писал о дореформенных предпринимателях А.С. Ушаков, «тогда... ведь этих теперешних векселей, да расписок разных и помину не было, а верили, большей частью, просто на честное слово, и слово купеческое свято было, да лучше всяких нонешних векселей...» [24, с. 188]. «Честное купеческое слово» являлось в этом случае специфическим выражением корпоративного идентификационного статуса предпринимателя. «Свои» могли помочь советом, финансово поддержать в период коммерческих неудач.

Местом тишины и отдохновения, островком покоя могла стать также семья. Поэтому, несмотря на сохраняющиеся в купеческих семьях традиционно-патриархальные отношения, жесткую зависимость всех домочадцев от главы купеческого капитала, в ряде семейств существовали очень теплые отношения между супругами, между родителями и детьми. В частности, вятский купец Иван Иванович Громозов в своих мемуарах писал о своей первой жене Устинье Кондратьевне: «Супруга – вернейший из друзей, разумная жена, блистательная в экономике, трудолюбивая хозяйка, она имела более удовольствия быть дома нежели в кампаниях, с удовольствием занималась делом, нежели быть праздною и взамен прислуги исполняла все сама, пекущаяся о воспитании любезнейших детей...», а сама Устинья перед смертью, словами Ивана Ивановича, признавалась ему, что ей «мучительно было жить непривыкшее в стране чужой, не имела родственников близких и только утешалась, смотря, друг, на тебя» [7. Л. 171]. По словам Тамары Константиновны Николаевой, исследовавшей этот источник, отношения Громозова с третьей женой Катериной «так и не вошли в колею обыденности. Всю жизнь он объяснялся ей в любви и всю жизнь в чем-то оправдывался. Эта женщина ... обладала ... талантом женственности и любви» [18, с. 75–76]. Вятский купец Иван Егорович Моралев 17 лет прожил в браке со своей супругой Анной Федоровной (урожденной Веретенниковой), а после ее смерти, вплоть до собственной кончины, еще 17 лет вдовцом [16].

В целом приходится констатировать, что коммуникативные поведенческие практики в купеческой среде дореформенного Урала носили двойственный характер. С одной стороны, многие представители регионального купечества в своих повседневных контактах с окружающими стремились продемонстрировать свои финансовые возможности, связи, силу, власть. Часто это выливалось в открытую агрессию и насилие (физическое, либо моральное). В осо-

бенности такое поведение наблюдалось в отношении тех, кто находился в заведомо менее выигрышном положении – члены семьи, наемные работники, небогатые купцы. С коллегами, являвшимися потенциальными или действующими деловыми партнерами, купечество контактировало более сдержанно. В этой среде каждый был хорошо известен друг другу. Демонстрировать и доказывать что-либо особой необходимости не было. Напротив, в целях укрепления профессионального статуса следовало заручиться уважением и поддержкой других предпринимателей. Фигура монарха вызывала в купеческой среде особо трепетное отношение. Торговцы видели в монархе своего покровителя и заступника (в том числе и перед местными властями). Во время встреч с монаршествующими особами коммерсанты демонстрировали свою покорность, преданность, полное подчинение монаршей воле.

В определенной степени поведение купечества можно определить как «демонстративное». Оно в полной мере отражало то, как купечество и его профессиональная деятельность воспринималась окружающими.

Список литературы

1. Берлин П. Буржуазия в русской художественной литературе // Новая жизнь. – 1913. – № 1. – С. 170–195.
2. Благодетельный подвиг П... Ф... В...ва // Рус. вестн. – М., 1824. – № 4. 11 мая.
3. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6.
4. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 98.
5. Государственный архив Кировской области. Ф. 176.
6. Государственный архив Кировской области. Ф. 533.
7. Громозов И.И. Записки // Фонды Кировского областного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника.
8. Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Из истории южноуральских горных заводов XVIII–XIX веков. Ч. 2. – Уфа, 1993.
9. Добролюбов Н.А. Темное царство // Добролюбов Н.А. Русские классики. Изб. лит.-критич. ст. – М., 1970. (Сер. «Литературные памятники») [Электронный ресурс] Библиотека Максима Мошкова. – URL: http://az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_0180.shtml.
10. Еленский О. Мысли и воспоминания поляка // Русская старина. – 1906. – Т. 127. – № 9. – С. 670–714.
11. Захарьин (Якунин) И.Н. Хива. «Зимний поход в Хиву Перовского» в 1839 году и «Первое посольство в Хиву» в 1842 году. – СПб., 1898.
12. Зотов В.В., Лысенко В.А. Коммуникативные практики как теоретический конструкт изучения общества // Теория и практика общественного развития. – 2010. – № 3. – URL: <http://www.teoria-practica.ru/ru/3-2010.html>
13. Ильина К.А. Информация и профессиональная этика попечителя учебного округа (Казань, первая четверть XIX века) // Науч. ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. – 2010. – Т. 7. – № 14. – С. 111–117.

14. [Кокорев В.А.] Нужды и желания промышленности. Мысли о русской внутренней торговле. От нескольких молодых людей купеческого сословия // Рус. вестн. – 1858. – № 12. – Т. 18.
15. Кувшинский Н. Несколько сведений из Вятской хроники прошлых времен. Со слов Вятского купца Александра Егоровича Рязанцева и некоторых других лиц писано в 1863 г. // Тр. Вятск. учен. архивной комиссии. – Вып. I–II. – Вятка, 1913. – Отд. 3. – С. 1–21.
16. Моралев Иван Егорович. Некролог // Вятские губернские ведомости. – 1849. – № 53. – Неофициальная часть.
17. Найденов Н. Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном (напечатаны для лиц, принадлежащих и близких к роду составителя). Т. 1. – М., 1903.
18. Николаева Т.К. Династия Громозовых. Антон Чехов и Николай Коробов // Купечество вятское: из истории торговли, предпринимательства и благотворительности / ред.-сост. М. Судовиков, Т. Николаева. – Киров; Вятка, 1999. – С. 65–120.
19. Перхавко В.Б. История русского купечества. – М., 2008.
20. Прозоров А.А. Город Вятка и его обыватели: мемуары. – Киров, 2010.
21. Рева А.В. Из истории купеческих родов. Гусевы // Герценка: Вятские записки. Вып. 7. – Киров, 2004. – С. 85–86.
22. Серых А.А. «Мы ведь разных поколений, значит, во многом разных мировоззрений...»: коммуникативная практика поколений историков конца XIX начала XX в. // Изв. Самарского науч. центра Рос. академии наук. – 2010. – Т. 12. – № 6. – С. 56–62.
23. Сомов М.М. Описание Уфы // Оренбургские губернские ведомости. – 1864. – Неофициальная часть. – 17 окт.
24. Ушаков А.С. Барин и купец. Очерки // Ушаков А.С. Из купеческого быта: Повести и очерки. Ч. 1. – М., 1862.
25. Ушаков А.С. Тарыкины // Ушаков А.С. Из купеческого быта. Повести и очерки. Ч. 1. – М., 1862.

В. В. Керов

**«Как положат на Рогоже, так быть... и на всем крещеном миру»:
к вопросу о факторах столичного расположения
духовных и экономических центров старообрядчества
в XVIII – первой половине XIX в.**

В статье выявляются факторы территориального размещения старообрядческих центров в конце XVIII – первой половине XIX в., переместившихся с периферии в Москву и Петербург, крупнейшие торгово-промышленные анклавы Европейской России. Главным конфессиональным центром ведущих согласий стала Москва под воздействием социокультурной традиции и освобожденной от этатизма духовной концепции «Москва – Третий Рим».

The factors of territorial placement of the Old Believe centers in late 18th – to the first half of the 19th century, moved from the periphery to Moscow and Petersburg, the largest commerce and industry enclaves of the European Russia come to light in the article. Under the influence of social cultural tradition and the spiritual concept released from etatism "Moscow – the Third Rome" Moscow became the main confessional center of leading denominations.

Ключевые слова: Старообрядчество, согласия, Москва, Санкт-Петербург, конфессиональный центр, развитие предпринимательства, концепция «Москва – Третий Рим»

Key words: Old Believers, denominations, Moscow, St. Petersburg, confessional center, entrepreneurship development, concept "Moscow – Third Rome".

Одной из важных в истории старообрядчества в целом и старообрядческого предпринимательства в частности является проблема взаимодействия и взаимовлияния конфессиональной и экономической составляющих генезиса и консолидации староверческого социума. Такое взаимодействие сыграло огромную роль в трансформации старообрядчества из конфессиональной общности в конфессионально-экономическую. Но по отношению к некоторым аспектам данного процесса значение духовных факторов кажется не очевидным. К таким аспектам относится формирование и территориальное расположение центров старообрядческих согласий.

На раннем этапе в конце XVII – первой половине XVIII в. в условиях репрессий со стороны государства и акцентированного эсхатологизма сторонников древнего благочестия происходило дисперсное развитие общности на периферии. Возрождение веры

осуществлялось в разрозненных общежителствах – мирских монастырях на окраинах страны и даже за ее пределами, куда старообрядцы бежали под воздействием гонений [15, с. 21]. Именно там, на Выгу, на Ветке и в других подобных местах, создавались анклавные веры, воспроизводившие модель церкви как сообщества верующих, без которого не может спастись даже праведник.

Во многом мифы и чаяния раннего староверия были связаны также с территориальной и социальной периферией – возник ряд легенд. Наиболее известная из которых – легенда о Беловодье, которая связывается исследователями именно со старообрядцами [41; 9; 7].

Затем, в последней трети XVIII – начале XIX в., центры крупнейших согласий старообрядчества стали перемещаться в ведущие города Европейской России.

В литературе упоминаются различные политико-административные (присоединение белорусских районов, в том числе района Ветки и высылка оттуда старообрядцев, смягчение политики Екатерины II в отношении староверия), социальные (эволюция старообрядческой общины от мирских монастырей в иные формы) и прочие факторы. Но обычно перемещение центров объясняется, прежде всего, экономическими причинами, которые довольно широко и подробно рассмотрены в историографии за последние полтора века.

Действительно, огромное влияние оказал тот факт, что старообрядцы уже в первой половине XVIII в. обратились, в значительной степени вынужденно, к предпринимательству как эффективному средству создания материальной базы староверия, способной обеспечить сохранение анклавов и защиту от гонений [17; 19, с. 297–307]. Соответственно, центры старой веры должны были «дислоцироваться» в экономических центрах. Основными такими центрами, без сомнения, были Москва и Санкт-Петербург.

Именно здесь сформировались в 1770–1790-е гг. самые значительные общины ведущих старообрядческих согласий. Две столицы обладали различными отраслевыми и географическими хозяйственными особенностями. В этой связи Петербург в экономическом и организационном отношении консолидировал староверов Северо-Запада¹ и Севера, включая Поморье. Москве «достались» регионы Юга и Юго-Востока. Развивались ее связи и за Урал, а также в Сибирь [37, с. 708–710; 1; 4].

Петербург также имел внерегиональные связи, но речь шла в основном о контактах поморской общины, особенно с Уралом. В

---

¹ Кроме Риги – самостоятельного центра старой веры [см.: 13].

других ведущих тогда согласиях – у «рогожских» (позже «белокриницких» или «австрийских» поповцев), а также у беспоповцев-федосеевцев петербургские общины в большей степени ориентировались на Москву и связывались с другими регионами через московские общины. При этом петербургские сообщества были автономны, что обеспечивалось значительной экономической мощью. Но главное было в том, что петербургские староверы осуществляли необходимые всему согласию коррупционные контакты с правительственными чиновниками. Еще в первой половине XVIII в. в Петербурге «жили почти постоянно по делам Выговской пустыни пустынножители Яков Матвеев, Стахий Осипов, Федор Иванов», специально наладившие контакты, в том числе при дворе [12, с. 319; 31, с. 376]. Именно петербургские федосеевские предприниматели принесли старообрядцам этого согласия победу над российским имперским законодательством, выразившуюся в противозаконном решении Сената в 1818 г. [16, с. 7–17].

В целом экономическая сила столичных общин была сопоставимой в последней трети XVIII в. «Роль главных центров старообрядчества стали играть формировавшиеся промышленные центры», – сделали вывод исследователи [28, с. 44]. Однако на рубеже столетий ведущим центром различных старообрядческих деноминаций стала именно Москва.

Еще до возникновения Белокриницкой иерархии Рогожское кладбище служило поповщине, по признанию товарища министра внутренних дел, ответственного за «искоренение раскола», И.П. Липранди, «как бы митрополией» [22, с. 102]. Причем речь шла не только о России, но и о зарубежных многочисленных старообрядцах [27. Т. 13, с. 210]. «Что положат на Рогоже, на том стоит Городец, на чем стоит Городец – на том и Керженец» – говорили старообрядцы в скитах, селах и городских общинах¹ [10].

Московские общины беспоповцев также приобретали себе руководящую роль [2, с. 195]. После 1809 г. все иногородние общины федосеевцев признали за Преображенской общиной «право поставлять наставников по всему... согласию в России» [32, с. 55].

В свою очередь, постепенное перемещение центров поповщины и беспоповщины в Москву способствовало укреплению торгово-промышленного капитала и превращению Москвы в торговый и промышленный центр. Некоторые историки вообще отмечали здесь первичность экономических факторов. Вполне доброжелательно настроенные по отношению к старой вере историки позапрошлого века настаивали на том, что значение, например, главного центра

---

¹ В другом варианте, принятом в Городце: «Как положат на Рогоже, так быть в Городце; а как на Городце, так и на всем крещеном миру».

федосеевщины Преображенского кладбища «росло с ростом капиталов», а вообще «деньги являлись главным орудием раскола во все эпохи» [2, с. 212, 161; 42, с. 238, 290 и др.] и т. д. Аналогичной была точка зрения известных гонителей староверия архимандрита (а позже – митрополита Макария (Булгакова) [24, с. 300 и др.], Н.И. Субботина и др. Советские историки в основном не отказались от той же позиции, считая, что московский торгово-промышленный центр стал соответственно центром духовным [40, с. 203]. Якобы именно сила рогожских «миллионных капиталов... заставила преклониться перед собою старые центры – Керженец, Стародубье и Иргиз» [30, с. 244; 28, с. 60 и др.] и т. п. Однако высокая оценка экономического потенциала старообрядческих предпринимателей Петербурга в 70–80-е гг. XVIII в. это опровергает [3, с. 8; 27. Т. 14, с. 36 и далее; 33, с. 85–88].

В литературе и источниках подробно описано, какое влияние на старообрядческую экономику оказывали конфессиональные связи [16].

Имея в распоряжении относительно ограниченные, но характеризовавшиеся определенным объемом ресурсы, общины, а точнее, Попечительские советы из крупных купцов использовали их в своих экономических проектах, увеличивая материальную базу общины. Но, прежде всего, многим достойным доверия единоверцам, прибывшим в Москву, из общинной казны на создание новых предприятий выдавались беззалоговые кредиты под низкий процент (до 4 % при принятых тогда вне сообщества до 10 % [29, с. 147–149], которые часто становились безвозвратными. Исследователи старообрядчества отмечали, что многие «из главных московских капиталистов получили капиталы, положившие основание их богатству, из кассы раскольничьих общин» [2, с. 163]. Сеть предприятий ведущих согласий в 10–40-е гг. XIX в. быстро увеличивалась. Так, у федосеевцев на такие «пособия» возникли вокруг Преображенского кладбища свыше 3 тыс. мастерских, лавок и фабрик, в том числе 32 крупных и 120 мелких текстильных фабрик, возникла первая в Москве «фабричная окраина» [8, с. 101; 35, с. 70; 34, с. 89]. Так возникла «первая московская фабричная окраина» – Лефортово. Точно так же поповцами был создан Гуслицкий промышленный район [27. Т. 13, с. 328. Подробнее об этом см. 17].

В результате именно этих процессов старая столица в первой трети XIX в. стала не только духовным, но и организационно-хозяйственным центром старообрядчества. Дореволюционные и советские исследователи подробно аргументировали представления о старообрядческой Москве как о центре разветвленной старообряд-

ческой торгово-промышленной корпорации [2, с. 18], «широкой товаропроводящей сети» [21, с. 186] и т. п.

Важно, что в первой половине XIX в. формирование предпринимательской сети и конфессиональной у старообрядцев проходило в рамках двуединого процесса. Все больше «иногородних» общин в конце XVIII – начале XIX в. добровольно принимали организационно-руководящую и направляющую роль Москвы как руководящего духовного центра. Одновременно эти общины вместе с московскими купцами-староверами формировали комплексную торговую сеть с функциями кредитной системы и простого маркетинга. Здесь уже невозможно определить приоритеты в факторах дальнейшего «возвышения» Москвы в старообрядческом мире. Аналогичным образом в первой половине XVIII в. поморские староверы создавали в Поволжье хлеботорговую сеть, возникновение и развитие (в том числе в плане религиозно-этической мотивации) которой не могло осуществиться не только без организационного, но и прежде всего духовного лидерства Выговской общины, киновиархи которой первыми дали религиозную санкцию «купецкого промысла» на благо общины.

Однако следует выяснить, почему в конце XVIII в. староверы предпочли Москву Петербургу. В этом вопросе вполне очевидно значение «внеэкономических» факторов превращения Москвы в конфессиональный центр старообрядчества. Это подтверждается в том числе сложными взаимоотношениями Москвы, регионов и периферийных (но не по значению) скитско-монастырских духовных очагов. Так, до конца 1770-х гг. Иргизский анклав практически играл роль святительского престола, «митрополии» в поповщине и окормлял приходы многих губерний, за этот статус боролись Стародубье и Керженец, наращивавшие свой авторитет [27. Т. 13, с. 210]. Иргизский анклав признал конфессионально-организационное первенство общины Рогожского кладбища отнюдь не после консолидации пресловутых «рогожских миллионов» в начале XIX в., а после Московского собора декабря 1779 – января 1780 г., где рогожцы (не самые сильные тогда в экономическом плане) доказали свою правоту в важнейшем конфессиональном вопросе¹. После собора Рогожское сообщество приобрело «большую славу в поповщине, оно сделалось центром беглопоповства» [38, с. 21].

В соперничестве Москвы и Стародубья, Москвы и Саратова и т. д. после этого Иргиз неизменно занимал сторону старой столицы.

---

¹ На соборе была окончательно признана законность принятия в старообрядчество (пусть и через миропомазание) «еретиков», пришедших из официальной церкви в том числе, что было самым важным, «священнослужителей господствующей церкви с оставлением их в сущих санах» [6, с. 263]. То есть окончательно было обеспечено собственное старообрядческое священство.

В керженецкие скитах говорили: «На Рогожской дохнут, на Иргизе попа дадут» [27. Т. 13, с. 165]. Даже советский историк Н.М. Никольский, отыскивавший «руку капитала» в казалось бы немислимых ситуациях, вынужден был в данном случае отметить «невыясненность» вопроса, лишь предположив, что «вероятно, за этой церковной борьбой крылась какая-то борьба... групп торгового капитала» [30, с. 251].

Пресловутая «товаропроводящая сеть», совпадавшая с системой конфессиональных связей, поддерживалась не только силой московских «капиталов», но и духовным авторитетом московских центров, которые в то же время учитывали нужды «иногородних» сообществ. Так, попечители московской федосеевской Преображенской общины на определенном этапе готовы были отказаться от безбрачия¹, но не делали этого, чтобы не нарушить связей с более консервативными иногородними общинами, которые могли прервать или ограничить торговые сношения в случае отступления столицы от принятых норм. Как заявил один из попечителей общины: «Пропадет доверие, рухнет и фабрики» [36, с. 221].

Но важны были и другие социоконфессиональные факторы. Приятие староверами различных регионов России духовного лидерства Москвы имело значительную социокультурную традицию в дониконовской Руси.

В процессе общественного развития, когда «вселенское восприятие и переживание Православия в значительной мере сменилось национальным» [11, с. 9], на Руси была создана национальная церковная культура, национальный характер святости. Одновременно складывалось русское национальное самосознание, русское национальное государство. При этом национальное чувство получило религиозные формы, что было с универсальной неизбежностью обусловлено характером средневекового менталитета. Свое идеологическое оформление в России XVI–XVII в. это чувство окончательно нашло в концепции «Москва – Третий Рим», имевшей тогда выраженный этатистский характер.

По отношению к остальной части православного общества актуальность идей Третьего Рима в XVIII в. вызывает дискуссии. Однако старообрядческую приверженность Третьему Риму не отрицали и не отрицают не только критики староверия, но и сомневающиеся в реальности распространения самой концепции. Действительно, в работах близких старообрядчеству различных исторических периодов, вплоть до начала XX в. подчас содержится

---

¹ Рижские федосеевцы, не реализуя функций центра для поволжских, астраханских, казанских и пр. федосеевских общин, отказались от безбрачия, не дававшего возможность наследования родственниками.

прямая апологетика концепции «Москва – Третий Рим», как, например, в известной работе старообрядческого писателя И.А. Кириллова [20].

Уже в период зарождения старообрядчества в среде ревнителей древнего благочестия обострился «церковный национализм» (по выражению Н.А. Бердяева [5, с. 57]) в эсхатологических формах. Этому способствовали не только социокультурный кризис, методы, стиль и направленность церковно-государственной модернизации, но и многое другое. Но при этом крушение истинной веры предполагало гибель Святой Руси в ее прошлом и будущем. Уже раннее старообрядчество в развитии эсхатологии во многом отталкивалось от основных положений учения о Московской Руси как Третьем Риме и о «единственности» русского православия. Староверы особо ценили в этом аспекте «повесть о Белом Клобуке» [14, с. 340], пользовавшуюся идейными отцами старообрядческого движения. Повесть, запрещенная постановлением Собора 1667 г., провозглашала духовное превосходство Руси и содержала явную антикатолическую и особенно антигреческую направленность. В ситуации «последнего отступления» старообрядцы осознавали себя единственными защитниками веры и Руси.

При этом идеи Филофея претерпели в среде староверов серьезные изменения. Уже для раннего старообрядчества хранителем православия стал не русский государь (как это было в Московской Руси), а русская земля, весь русский народ, подлежащий благодати. Именно богоизбранностью Руси протопоп Аввакум аргументировал отрицание «чувственного» (материального) прихода в мир Антихриста [25, с. 361; 26, с. 31, 33, 75, 85]. В идейном наследии Аввакума понятие «Русь», прежде всего, сопряжено (на основе корреляции высокой тесноты) с категорией «истинная вера», а не «российское государство»¹.

Вопрос об эволюции отношения старообрядчества к государству имеет обширную исследовательскую литературу, но очевидно, что в староверческом восприятии концепции Третьего Рима национально-религиозное отделилось от национально-государственного. Об этом свидетельствуют и долгое отрицание молитвы за царя, выход староверов за рубежи России на территорию традиционно враждебных государств и др.

В конце XVII в. Москва представлялась источником преследований, очагом «никонианской ереси», логовом Антихриста, центром «гонительства». Но уже с середины XVIII в., перейдя от экстремист-

---

¹ Был проведен контент-анализ 61 документа (челобитные, послания, письма и пр.), по отношению к которым авторство Аввакума установлено. Методику анализа см.: [18, с. 172–182].

ских форм апокалиптики к массовой активной подготовке к спасению веры в условиях «последних времен», старообрядцы, не возвращаясь к этатисткой направленности традиционного православия, осознали себя единственными защитниками не только истинной веры, но и Руси. И здесь, в рамках концепции, очищенной от этатизма, но характеризовавшейся некоторым дуализмом, древняя столица оставалась эсхатологическим символом истинного православия.

С конфессиональной мессианистской традицией взаимодействовала и общерусская культурно-историческая традиция, в соответствии с которой Москва воспринималась как средоточие национального духа. Под воздействием этой традиции и в официальной имперской доктрине Москва сохранилась как столица, хотя и «вторая» по отношению к Петербургу. В этом смысле справедливо замечание В.В. Андреева о том, что Москва превратилась в старообрядческий центр «как центр русской народности» [2, с. 221]. Здесь соперничество Стародубья с Москвой действительно не имело перспективы. Москва осталась Третьим Римом, но не как центр православной государственности, а как национальный духовный конфессиональный центр.

В этом соревновании Петербург не мог победить. Некоторые ученые считают, в частности, факт перенесения Петром I столицы из Москвы в Петербург «барочно-семиотическим отзвуком» концепции «Третий Рим», но лишь в восприятии реформаторов (оппонировавших католическому Риму), а не масс [23, с. 60–74]. В XVIII – начале XIX в. столица империи была несомненным лидером в формировании новой русской европеизированной культуры. Однако это новое значительное культурное пространство не имело серьезных аллюзий на Московскую православную Русь. А основатель города Петр, по мнению специалистов, воспринимался современниками и, уж конечно, старообрядцами как Антихрист. Причем «действия Петра и не могли восприниматься иначе: целый ряд его поступков более или менее однозначно предопределял соответствующее восприятие в системе фоновых представлений допетровской Руси – примерно с такой же точностью, как если бы Петр сам о себе заявлял» [39, с. 50–59]. Один из основателей отечественной культурной семиотики Б.А. Успенский считает, что Петр прекрасно знал традиционный православный «язык» и сознательно его игнорировал, пытаясь сломать как «неправильный» и заменить на «правильный» импортируемый [39, с. 56]. В этой социально-психологической и культурной ситуации староверы не могли принять Петербург как духовную столицу. Несмотря на это, под воздействием экономических факторов, близости к «административному ресурсу», а главное, как центр важнейшего анклава староверия (Новгород, Поморье и др.)

город Петра приобрел и сохранял свое значение как второго по важности центра старой веры.

Таким образом, обретение староверами ведущих согласий конфессиональных духовно-хозяйственных центров в Москве, как и общее развитие старообрядческой общности, сопровождавшееся развитием своеобразной старообрядческой системы ценностей и этических норм, являло взаимодействие не только духовных и хозяйственных процессов, но и – в ином срезе – модернизационных (формирование широкой разветвленной экономической сети с единым центром и т. д.) и традиционных (национально-религиозных и др.) тенденций. И важной традицией в этой ситуации оказалась освобожденная от этатизма духовная концепция «Москва – Третий Рим».

Список литературы

1. Агеев С. С., Микитюк В. П. Рязановы – купцы екатеринбургские. – Екатеринбург, 1998.
2. Андреев В.В. Раскол и его значение в народной русской истории. Исторический очерк. – СПб., 1870.
3. Архангельский М. Из истории раскола в Санкт-Петербурге. – СПб., 1870.
4. Белобородов С.А. «Австрийцы» на Урале и в Западной Сибири (Из истории Русской православной старообрядческой церкви – белокрыницкого согласия) // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. – Екатеринбург, 2000.
5. Бердяев Н.А. Психология русского народа // Судьба России. – М., 1990.
6. Вургафт С.Г., Ушаков И.А. Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. – М., 1996.
7. Данилко Е.С. «Аркадий Беловодский» и «беловодское согласие» на Урале // Старый Боровск. Сайт Центра истории и культуры старообрядчества. 2013. – URL: http://www.borovskold.ru/content.php?page=lonuemcd_rus&id=86.
8. Дневные дозорные записи о московских раскольниках. Сообщено А.А. Титовым. – М., 1885.
9. Дутчак Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.). – Томск, 2007.
10. Духовные центры старообрядчества // Русская православная старообрядческая церковь. Официальный сайт Московской Митрополии. – URL: <http://rpsc.ru/history/kratkaya-istoriya-starobryadchestva/duhovnyie-tsentryi-starobryadchestva>
11. Единство церкви: Богословская конференция. – М., 1996.
12. Есипов Г.[В.] Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и тайной розыскных дел канцелярии. – СПб., 1861. – Т. 1.
13. Заволоко И.Н. Старообрядцы г. Риги. – Рига, 1933.
14. Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. – М., 1995.
15. История старообрядческой церкви. Краткий очерк. – М., 1991.

16. Керов В.В. «Время купли наступает...»: Медиативные функции корпорации в отношениях старообрядчества и власти в России XVIII – первой половины XIX в. // Вестн. РУДН. Сер. История России. – 2004. – № 3.
17. Керов В.В. «Се человек и дело его...»: конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. – М., 2004.
18. Керов В.В. Опыт контент-анализа «Жития» и других произведений протопопа Аввакума: К вопросу о модернизационном аспекте старообрядчества // Мир старообрядчества. – М., 1998. – Вып. 4.
19. Керов В.В. Старообрядческое предпринимательство XVIII – первой половины XIX в.: генезис и модельные характеристики // Индустриальное наследие: Материалы II междунар. науч. конф. – Саранск, 2006.
20. Кириллов И.А. Третий Рим. Очерк исторического развития идеи русского мессианизма. – М., 1914.
21. Клибанов А.И. Народные противоцерковные движения // Русское православие. Вехи истории. – М., 1989.
22. Липранди [И.П.]. Краткое обозрение существующих в России расколов, ересей и сект как в религиозном, так и в политическом их значении; с некоторыми по сему предмету примечаниями // Сб. правительственных сведений о раскольниках / сост. В.[В.] Кельсиев. – Лондон, 1861. – Вып. 2.
23. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Отзвуки концепции «Москва – Третий Рим» в идеологии Петра Первого // Успенский Б.А. Изб. тр. – М., 1994. – Т. 1.
24. Макарий, митр. Моск. История раскола, известного под именем старообрядчества. – 3-е изд., испр. – СПб., 1889. – Т. 3.
25. Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н.И. Субботина. – [М.], 1879. – Т. V. – Ч. 2.
26. Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н.И. Субботина. – [М.], 1889. – Т. VIII.
27. Мельников П.И. Очерки поповщины // Мельников П.И. Полн. собр. соч. – СПб.; М., 1898.
28. Миловидов В.Ф. Старообрядчество в прошлом и настоящем. – М., 1969.
29. Морозан В.В. История банковского дела в России. – СПб., 2001.
30. Никольский Н.М. История русской церкви. – М., 1983.
31. Письмо о. Павла Н.И. Субботину (1884) // Марков В.С. К истории раскола-старообрядчества второй половины XIX столетия. Переписка профессора Н.И. Субботина, преимущественно неизданная, как материал для истории раскола и отношений к нему правительства (1865–1904 гг.). – М., 1914.
32. Проворихина А.О. Московское старообрядчество // Москва в ее прошлом и настоящем. – М., 1916. – Вып. XII.
33. Расков Д.Е. Купцы-староверы в экономике Санкт-Петербурга // Расков Д.Е. Экономические институты старообрядчества. – СПб., 2012.
34. Расков Д.Е. Новые сведения о московских старообрядцах-предпринимателях // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы. – М., 2002.
35. Рустик О. Старообрядческое Преображенское кладбище (как накопились капиталы в Москве) // Борьба классов. – 1934. – № 7–8.

36. Рындзюнский П.Г. Старообрядческая организация в условиях развития промышленного капитализма (на примере истории московской общины федосеевцев в 40-х годах XIX в. // *Вопр. истории религии и атеизма.* – М., 1950.
37. Старообрядческие скиты в Сибири // *Слово церкви.* – 1917. – № 43.
38. Субботин Н.И. Из истории Рогожского кладбища. – М., 1892.
39. Успенский Б.А. *Historia sub specie semioticae* // Успенский Б.А. Изб. тр. – М., 1994. – Т. 1.
40. Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.). Критические очерки. – М., 1965.
41. Чистов К.В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). – СПб., 2003.
42. Щапов А.П. Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XIX. Опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения русского раскола. – Казань, 1859.

И. В. Синова

Нищенство детей в России во второй половине XIX – начале XX в.

В статье проанализированы причины нищенства детей, дана его классификация, показаны влияние социально-экономического развития общества на семью и подрастающее поколение. Раскрыты формы виктимизации детей для нищенского промысла. Рассмотрены меры, предпринимаемые государством и общественными организациями по борьбе с детским нищенством.

The article analyzes the reasons of begging children, given its classification, shows the influence of the socio-economic development of the society on the family and the younger generation. Revealed the form of victimisation of children for poverty fishery. The measures undertaken by the state and public organizations to combat child poverty.

Ключевые слова: нищенствующие дети, виктимизация, эксплуатация детей.

Key words: the mendicant children, victimization, the exploitation of children.

Печальное и в то же время грозное социальное явление в любые времена – нищенствующие дети. Обычай кормиться сумою освящён веками и крепко держался в народе. Ещё царь Фёдор Алексеевич в 1682 г. повелел своим указом учредить избы для нищенствующих детей, чтобы обучать их наукам и ремеслам. Но избы не привились к жизни из-за отсутствия сознания об их полезности и необходимости.

Затем с течением времени так привыкли к нищенствующим детям, и внимание к ним настолько притупилось, что постепенно утратилась способность вникать во внутренний смысл этого печального социального явления. «Нищенствующие дети – это сироты, брошенные на произвол чёрствым людским эгоизмом, дети разврата и босяцкой среды, посылаемые самими родителями на нищенский промысел. Жалкий вид этих несчастных раннего возраста детей – детей, не знающих ласки матери и заботы отца и выгнанные на улицы голодом и холодом. Ухо прислушалось к воплям этих заброшенных детей, и глаз пригляделся к их жалкому виду, и вся кажется, забота о них сосредоточивается в городском, гоняющих их с больших улиц, и в тех копеечках, которые кто-либо из прохожих бросит им, – а где и в каком обществе эти несчастные проводят ночи? Этот вопрос, по видимому, никого не интересует, а между тем – это берлоги, где ал-

коголики и самый грубый босяцкий разврат, разрушая тело, растлевает душу этих заброшенных детей, культивируя из них самый опасный для общества по своей разнузданности страстей элемент» [1, с. 199–200].

Во второй половине XIX в. наряду с эксплуатацией детского труда в ремесленных мастерских и на фабриках широкое распространение получила аренда детей для нищенского промысла. Достигнуть сострадания и милостыни у прохожих легче всего можно было, если помощи просили дети. Их бледные, исхудалые лица вызвали жалость даже в самом жестком сердце. Женщины-нищенки держали грудных детей на руках, а при приближении прохожих старались вызвать плач ребёнка, применяя щипки и уколы острыми предметами.

Детей постарше приглашали «по найму» и платили от 2 до 5 р. в месяц. Наёмный ребёнок должен был разыгрывать роль «сироты», у которого «только на днях умерли мама или папа». А «арендатор» следил за действиями ребёнка и за тем, чтобы он не попался на глаза городовому.

Нередко дети содержали своих родителей, зарабатывая деньги прошением милостыни, так как ребёнку из жалости подавали с большей охотой. В «Отчёте о деятельности Санкт-Петербургского Дома милосердия» за 1912 г. рассказывается о судьбе 11-летней девочки – уроженки Петербурга, у которой родители были алкоголиками. Не имея постоянного заработка, они жили на деньги, зарабатываемые детьми, из которых старший сын имел самостоятельный заработок. А «девочку с тех пор как себя помнила, отец с матерью посылали просить милостыню. Собранные ею деньги они оба вместе пропивали, несмотря на то, что семья всегда находилась в крайней нужде. Не выдержав такой жизни, девочка убежала из дома. Днём она собирала милостыню, а ночью скиталась по ночлежкам» [8, с. 17].

Нищенствовать не стыдились, а даже говорили: «на то богатый, чтобы оделять бедных». В русском купечестве существовал обычай в определённые дни оделять копеечкой всех нищих, которые придут в дом. На каждое лицо подавалась одна медная монета, причем дети шли в счёт наравне со взрослыми. Поэтому нищенка старалась привести с собой несколько детей. И чем больше она приводила ребят, тем выгоднее ей было.

Использование детей для нищенского промысла имело на протяжении веков самое широкое распространение. В Петербургских притонах детей называли «родимчиками», чем несчастнее и слабее они были, тем выше им была цена [4, с. 341]. Некоторые родители даже имевшие средства к существованию и способные содержать

себя и семью без нищенства, не только допускали, но поощряли или требовали, чтобы дети нищенствовали.

Существовал и найм малолетних профессиональными нищими – калунами, которые ежегодно брали по несколько детей в аренду у родителей и опекунов и платили за них довольно высокую плату – 5, 7 и 9 р. Были случаи, когда калуны воровали детей.

Прошение милостыни детьми влекло за собой заключение в тюрьму на срок до трех месяцев. Чтобы замаскировать нищенство и обезопасить детей от уголовного преследования, иногда им раздавали музыкальные инструменты или снабжали малоценными предметами в виде спичек, с которыми они приставали к прохожим [4, с. 342]. При этом назначалась определённая сумма, которую дети обязаны были принести домой. Если эта сумма не была доставлена, то несчастных ожидали самые жестокие истязания.

Нанимаясь к нищим из-за тяжелых условий жизни, надеясь облегчить свое положение, дети нередко погибали. Калуны, взяв в поездку 2–3 мальчиков, часто не привозили обратно ни одного. В романе В.В. Крестовского «Петербургские трущобы» есть леденящая сцена, где нищие подставляют ребёнка под кран кипящего самовара, чтобы дитя «жальчее было».

Даже в конце XIX в. калуны при невозможности нанять калек сами уродовали детей. Чем несчастнее и слабее выглядел ребёнок, тем больше ему подавали милостыни. В ноябре 1899 г. на заседании Санкт-Петербургского отдела защиты детей Зейфер сообщил о вопиющем случае, когда нищие выжгли ребёнку глаза [4, с. 345]. Журнал «Вестник благотворительности» приводил факт, имевший место в приюте Царицы Небесной в Петербурге, где «умерла девочка, отобранная у нищего и, по-видимому, краденая. Глаза у девочки оказались выжженными, страх, который она испытывала каждый раз, когда слышала мужские шаги и голос показывали, что вынесла ослеплённая девочка от своих бывших хозяев-похитителей» [5, с. 25]. В том же приюте находился несчастный мальчик, у которого «и руки и ноги переломлены в нескольких местах под прямыми и тупыми углами. Ему 18 лет, но на вид не более 7. Целыми днями он сидит в углу и шепчет одно слово "няня"» [5, с. 26]. Подросток тоже был жертвой нищих, эксплуатировавших его.

На рубеже XIX–XX вв. нищенство было уделом больших промышленных городов. Оно приносило ежедневный доход, начиная с 20–30 к. до рубля и даже двух. Собранные нищими детьми деньги часто тратились на лакомства, на кинематограф, папиросы, а иногда и на посещение трактиров. Деревня же не знала этого явления вследствие того, что «мир» в каждом случае принимал меры к предупреждению дурных последствий, распределяя сирот по семьям

односельчан, где их приучали к честной трудовой жизни хлебопашца. Воровство в деревне было тоже практически невозможно, потому что, во-первых, все друг друга знают и, во-вторых, сбыть краденое было крайне сложно. В «Журнале Министерства юстиции» в 1904 г. писали: «А разве нашей жизни, нашему имуществу не грозит опасность в будущем от того, что мы, оставляя без призора нищенствующих детей, накапливаем этим самый опасный для общежития элемент, идущий на пополнение подонков общества – среды босняков?» [1, с. 200].

Бедность семьи весьма часто заставляла ребёнка с самых ранних лет принимать активное участие не только в пропитании себя, но и других её членов. Из семьи ребёнок выталкивался на улицу и начинал заниматься нищенством. Причём в большинстве случаев дети в этом отношении делались жертвой виктимизации пьяницы отца или матери, которые часто «ожидали целый день трясущегося на морозе ребёнка, чтобы отнять и пропить набранные им деньги, а в случае неудачного сбора его же избить» [2, с. 48]. Невольно представляется «мальчик с ручкой» Ф. М. Достоевского из «Дневников писателя»: «Перед ёлкой и в самую ёлку пред Рождеством я встречал на улице, на известном углу, одного мальчишку никак более семи лет. В страшный мороз он был одет почти по-летнему, но шея у него была обвязана каким-то старьём; значит его всё же кто-то снаряжал, посылая. Он ходит с «ручкой»; это технический термин, значит просить милостыню. Термин выдумали сами эти мальчишки. Таких, как он, множество, они вертятся на вашей дороге и завывают что-то заунывное; но этот не завывал и говорил как-то невинно и доверчиво смотрел мне в глаза, стало быть, лишь начинал профессию. На расспросы мои он сообщил, что у него сестра сидит без работы больная; может быть и правда, но только я узнал потом, что этих мальчишек тьма тьмущая; их высылают с ручкой хотя бы в самый страшный мороз, и если ничего не наберут, то наверное их ждут побои. Набрал копеечек, мальчик возвращается, с красными, окоченевшими руками, в какой-нибудь подвал, где пьянствует какая-нибудь шайка халатников, из тех самых, которые, «забастовав на фабрике под воскресенье в субботу, возвращаются вновь на работу не ранее как в среду вечером». Там, в подвалах, пьянствуют с ними их голодные и битые жены, тут же пищат голодные грудные их дети. Водка, и грязь, и разврат, а главное, водка. С набранными копеечками мальчишку тотчас же посылают в кабак и он приносит ещё вина. В забаву ему иногда нальют в рот косушку и хохочут, когда он с пресекающимся дыханием упадает чуть не без памяти на пол.

...и в рот мне водку скверную
Безжалостно вливал» [3, с. 247].

В Петербурге в начале XX в. некая Мазуровская, набрав несколько обездоленных детей, так ловко организовала «дело попрошайничества», что к ней отовсюду посылались обильные пожертвования. Дети выдавались ею за круглых сирот, испытывающих жестокую нужду и поэтому требующих безотлагательной помощи. Ей даже удалось поместить в газете воззвание, написанное будто бы 8-летней девочкой, в котором она просила «добрую редакцию» помочь её голодной бабушке. Естественно, Мазуровская все пожертвования забирала себе, а дети при ней находились только для отвода глаз и влачили жалкое существование [6, с. 196–197].

Среди профессиональных нищих в Петербурге одно время часто попадалась прилично одетая дама лет 35 с маленькой девочкой. Она изобрела оригинальный способ попрошайничества. «Обыкновенно выдрессированная девочка, которую она вела за руку, вдруг останавливалась посреди панели и начинала горько плакать.

«Мамочка, купи мне хлеба, есть хочу!» – выкрикивала она. Около неё останавливались люди, и ловкая дама со слезами на глазах объясняла прохожим, что умер муж и оставил её с дочерью без всяких средств к жизни. После этого добрые люди щедро жертвовали "несчастной вдов"» [6, с. 195–196]. Такая форма попрошайничества, связанного с мошенничеством, была эффективным способом разжалобить прохожих и таким образом заработать денег.

Все случаи нищенства в рассматриваемый период можно классифицировать по пяти категориям. Первую составляли родители, которые не имели никаких средств к жизни и сами нищенствовали или находились на грани нищенства. Дети, соответственно, собирали милостыню с ведома и согласия родителей и этим помогали существованию всей семьи. В этой категории находились по большей части многодетные вдовы или женщины, имевшие больных мужей, или брошенные мужьями. Другая группа – это родители, которые имели средства к существованию и могли бы содержать себя и семью без нищенства, но, тем не менее, допускали виктимизацию, поощряли или требовали, чтобы дети нищенствовали. К третьей группе относились родители, которые не поощряли и не вынуждали детей к нищенству, но те сами делали это по шалости, соблазняясь примером других детей или по привычке. Такие малолетние нищенствовали, чтобы добыть себе дополнительную пищу, купить лакомство или посетить кинематограф. Один раз попробовав эти удовольствия, они втягивались в нищенство. Бродя по городу со сверстниками, они делались «стрелками». Попробовавший нищенствовать ребёнок очень быстро от нищенства переходил к более выгодному занятию – вора. И не только более выгодному, но и более интересному, более рискованному, а значит, и заманчивому.

Четвёртая категория – это дети, не имевшие родителей или лиц, которые могли о них заботиться, они нищенствовали, не имея других средств к существованию. И пятая категория – это дети, тоже не имевшие родителей или лиц, которые могут о них заботиться, но нищенствовавшие по шалости, по соблазну других детей или по привычке. К ним, как правило, относились те, которые находились в обучении мастерству или же были после смерти родителей взяты родственниками, но, предпочитая свободу, убегали и начинали нищенствовать [7, с. 79].

Генерал-майор А. Невельской в письме в СПб Городскую и общую Думу в январе 1871 г. высказал свои мысли и предложения по этому вопросу: «Объезжая всю Европу нигде нельзя встретить такого громадного нищенства как у нас в Петербурге... Проезжая по почтовому тракту с западного берега Каспийского моря от Петровска в Пятигорск вы встретите повсеместно превосходный климат с великолепной растительностью на превосходной земле в особенности удобной для разведения превосходного качества Персидского табака, который здесь в Петербурге продаётся по чрезвычайно высокой цене...» [9. Л. 68]. В связи с этим генерал предлагал «развести плантации для сеяния табаку и всех нищенствующих в Петербурге забирать и отвозить туда навсегда или на сроки... Там же завести воспитательный дом для забираемых здесь сирот детей обоего пола, которые там вырастут, акклиматизируются, тамошнюю местность будут считать своею родиной, поселятся и составят колонии» [9. Л. 68 об.].

Высочайше учреждённый Комитет для разбора и призрения нищих по поручению Городской Думы рассмотрел письмо Невельского и посчитал, что «невозможно осуществление данного проекта из-за денежных затруднений, далеко не все нищие могут быть отвозимы туда без коренного изменения целого ряда законов и без уничтожения прав, дарованных разным сословиям от государства, устройство в пустыне воспитательного сиротского дома не может быть по своей цели, рассматриваемо как разведение табаку. Среди нищих есть и калеки и мошенники, первые подлежат попечению, а вторые не заслуживают денежных затрат на их перевозку, устройство помещений, на содержание стражи и т. д.» [9. Л. 76].

Государством и общественными организациями принимались меры и рассматривались пути по борьбе с нищенством, особенно детским. На II съезде русской группы Международного союза криминалистов в феврале 1900 г. говорилось о необходимости решительных действий для уничтожения нищенства. Для этой цели были определены две группы мер. Одни должны были «всячески затруднить появление детей на нищенской бирже, другие улучшить возбу-

ждение уголовного преследования за эксплуатацию малолетних для более успешного сбора подаяний» [4, с. 346]. Ст. 51 «Устава о наказаниях» карала допущение детей к прошению милостыни, а ст. 167 Устава запрещала выдачу паспортов крестьянским детям для следования в столицу. На съезде отмечалось, что «более разборчивое и строгое отношение администрации к выдаче малолетним видов на жительство затруднит отдачу детей в наём нищим... Следует также запретить отдачу мальчиков в поводыри к слепым и калекам» [4, с. 346]. Рекомендовалось при производстве уголовных дел о детях, привлечённых к ответственности за прошение милостыни, перенести центр обвинения с арестованных детей на тех лиц, которые их заставляли «ходить с сумою», т. е. усилия суда и полиции должны были быть направлены на то, чтобы выявить главного виновника, который эксплуатирует беззащитного ребёнка.

Статистические данные начала XX в. указывают, что дети нищенствовали и впадали в преступность от сиротства, голода и холода. Журнал Министерства юстиции в 1904 г. писал, что «общество, в среде которого бродят нищенствующие дети, не может быть... спокойно за своё будущее, и таковое общество помимо велений совести должно стремиться по прямому расчёту своей выгоды, к принятию мер, чтобы из нищенствующих детей сделать полезных членов общества» [1, с. 205].

Список литературы

1. Горановский М. Нищенствующие дети как питомник преступления // Журн. Министерства юстиции. – 1904. – № 1.
2. Дагаев Г. Юные преступники и меры борьбы с ними: По поводу закона 1897 года 2 июня // Вестн. благотворительности. – 1902. – № 9.
3. Достоевский Ф.М. Дневник писателя 1876 г. Собр. соч.: в 15 т. Т. 13.
4. Левестим А.А. Нищие дети. II съезд русской группы Международного союза криминалистов // Журн. Министерства юстиции. – 1900. – № 1.
5. Михаил, иеромонах. Обиженные дети // Вестн. благотворительности. – 1901. – № 9.
6. Никитин Н.В. Петербург ночью. – СПб., 1903.
7. Окунев Н.А. О борьбе с нищенством детей // Трудовая помощь. – 1913. – № 2.
8. Отчёт о деятельности СПб Дома милосердия за 1912 г. – СПб., 1913.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 33. Д. 579.

УДК 338(09)(470.56)«1941/1945»

А. В. Федорова

Промышленное развитие Чкаловской области в годы Великой Отечественной войны

В статье рассматривается процесс значительного расширения производства в Чкаловской области в годы Великой Отечественной войны. Автор анализирует увеличение объемов выпускаемой продукции, характеризует перестройку всей промышленности области на военный лад. Сделан вывод о том, что за годы войны Чкаловская область стала крупным индустриальным центром СССР.

The article deals with a significant production expansion in Chkalov region during World War II. The author analyzes the production volume increase; she characterizes the restructuring of the entire industry during the war. The conclusion that for years of War the Chkalov region became the large industrial center USSR is drawn.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Оренбуржье, промышленность, расширение производства, эвакуация предприятий, план, завод.

Key words: Great Patriotic War, Orenburg, industry, production expansion, the evacuation of businesses, plan, factory.

Великая Отечественная война по-новому определила развитие страны и вызвала необходимость пересмотра установок третьего пятилетнего плана [7; 9]. В директиве Совета народных комиссаров СССР и ЦК ВКП (б) от 29 июня 1941 г., в речи Председателя Государственного Комитета обороны И.В. Сталина 3 июля 1941 г. были намечены программы мобилизации сил страны на борьбу с агрессором и масштабы практических мероприятий по созданию в короткие сроки быстрорастущего военного производства [4].

Становление военной экономики Чкаловской области проходило в два этапа: первый связан с размещением и вводом в строй эвакуированных предприятий, с переводом гражданских отраслей промышленности и транспорта на обслуживание нужд фронта; второй – с дальнейшим развитием и совершенствованием производства в рамках единого слаженного военного хозяйства. Промышленный потенциал области значительно возрос в связи с

прибытием и вводом в строй предприятий из западных районов страны.

Коллективы предприятий преодолевали невероятные трудности при демонтаже и перевозке промышленного оборудования, особенно металлургических, машиностроительных и военных заводов [11]. На Восток вывозились рабочие и специалисты, их семьи [14]. Полтавский станкостроительный завод «Коммунар» разместили на производственных площадях Саракташской МТС, Николаевский инструментальный завод занял территорию завода им. С.М. Кирова в г. Бузулуке, завод «Спартак» из г. Днепропетровска доставили в поселок Кумак, сигнальный завод Наркомпути приняли в Новосергиевке. Из Луганска удалось эвакуировать 863 станка и пять прессов патронного завода № 545. Ровно через пятнадцать дней завод дал первую продукцию, которая поступала на фронт в течение всей войны.

В числе полностью прибывших предприятий находились: завод «Фрезер», несколько станкостроительных заводов, заводы «Автозапчасть», «Профинтерн», Клинцевская швейная фабрика и др. Благодаря самоотверженному труду рабочих и инженеров происходил быстрый ввод в строй эвакуированных предприятий. На Южный Урал в годы Великой Отечественной войны вместе с заводами, фабриками и учреждениями прибыло значительное количество рабочих, служащих и их семей.

На первом этапе промышленные предприятия области были перестроены на выпуск продукции для фронта. К октябрю 1941 г. из 25 фабрик и заводов г. Чкалова 12 предприятий наладили выпуск оборонной продукции. Завод «Трактородеталь» в числе первых дал оборонную продукцию – мины. Паровозоремонтный завод запустил производство снарядов, взрывчатки, реактивных установок БМ-13 (легендарных катюш). Орский мясокомбинат помимо основной продукции выпускал гранаты и 12 видов лекарств. Шорно-седельная фабрика производила конное снаряжение и солдатское обмундирование.

Из Одессы вывезли оборудование «Автозапчасти» наркомата среднего машиностроения, из Полтавы перебазировали мясокомбинат, из Луганска – завод № 545 наркомата вооружения, из Днепропетровска – артель «Красный штамповщик». Одним из первых в областной центр прибыли киевские пивзавод и дрожжевой завод 25, из Харькова – завод медицинской аппаратуры [13. Л. 6; 18. Л. 40].

Чкалов стал местом пребывания эвакуированных из Москвы и Московской области завода сверл, путеремонтного механического завода № 2, шнуроплетельной фабрики № 5, завода масел № 8, полиграфического комбината. Из Ленинграда прибыл 174-й завод,

разместившийся на базе Чкаловского ПВРЗ. Этот завод приступил к выпуску танков [16, с. 27–47].

Из западных областей страны в Чкаловскую область было эвакуировано 60 промышленных предприятий, из них 30 имели статус союзного значения. Прибывшие предприятия, кроме областного центра, разместили в Бугуруслане, Орске, Бузулуке [2, с. 88]. Часть из них нашли пристанище в Медногорске, Саракташе, Кувандыке, Акбулаке [17, с. 3–16]. Первостепенной стала задача в максимально короткие сроки осуществить монтаж оборудования и производство продукции, необходимой фронту.

Важнейшим местом передислокации предприятий тяжелой промышленности и тяжелого машиностроения стал Орск, где обосновалось 19 предприятий, из них четыре оборонных [1, с. 200]. В ноябре 1941 г. в Орск начало поступать оборудование Новокраматорского машиностроительного завода, на базе которого возник Южно-Уральский машиностроительный завод. Девять предприятий разместились в г. Бузулуке, три из них оборонных, г. Медногорск принял пять предприятий, одно из них – оборонное.

Ввод в строй некоторых эвакуированных предприятий требовал длительного времени и закончился в основном весной 1942 г. В первой половине 1942 г. перестройка экономики области на военный лад была полностью завершена. Теперь перед областью встал задача дальнейшего развития и совершенствования производства. Начался второй этап развития экономики области, на котором осуществлялась программа промышленного и транспортно-строительства.

С июня 1942 г. стал давать продукцию Южно-Уральский машиностроительный завод в Орске. Нарастивал объемы производимой продукции Южно-Уральский никелевый комбинат. Производимая им продукция была необходима танковой и авиационной промышленности. С 1942 г. комбинат наряду с кобальтом стал производить никель высокой чистоты. Орск с этого же года по выпуску валовой продукции превзошел областной центр. Предприятие за заслуги в обеспечении Советской армии и Военно-морского флота наградили орденом Отечественной войны I степени. Рядом с никелькомбинатом рождался завод по обработке цветных металлов. В невиданно короткий срок на 257-м заводе Орска началось производство снарядов для 76-мм горных, 122-мм корпусных, 102-мм морских орудий. Только в 1943 г. завод выпустил 11,9 млн латунных гильз [20. Л. 67–69].

Эвакуированный из Брянска в Бузулук спеццех «Красного профинтерна» наладил выпуск 122-мм снарядов и 50-мм мин. Обустроившийся на площадях завода им. С.М. Кирова Николаевский

инструментальный завод начал выпуск 45-мм снарядов [2, с. 90–91]. Одесский машиностроительный завод, станкозавод из Ленинграда разместились на площадях Соль-Илецкой машинно-тракторной мастерской. Здесь было налажено производство деталей для танка Т-50 [6, с. 5].

Наиболее крупными предприятиями местной промышленности в Чкаловской области были заводы: паровозоремонтный, лесопильный, комбикормовый (второй по мощности в СССР, три мелькрупзавода). Среди чкаловских предприятий в годы войны выделялся механический завод им. С.М. Кирова наркомата среднего машиностроения. Для фронта он выпускал цилиндры 82-мм мин, а также тракторные запчасти.

В Чкаловской области в 1942 г. строилось около 100 объектов. Большое масштабное строительство наблюдалось в г. Орске. Здесь возводились, по существу, заново заводы № 257, 322, 728, 516, 20, бурового оборудования, цементный завод, швейная фабрика, биофабрика, строился и рос Орско-Халиловский комбинат и другие предприятия. Вступили в строй новые цеха никелькомбината, нефтеперегонного завода. Большое строительство заводов вела ОСМЧ-23 г. Орска. Из 6 098 рабочих строительной части 3 770 чел. составляла молодежь (примерно 61,8 %) [21. Л. 54, 55; 22. Л. 35, 36, 37].

Серьезной проблемой для растущей промышленности области стала нехватка электроэнергии. В конце декабря 1942 г. Государственный Комитет Обороны принял постановление, в котором предложил усилить мощность Чкаловской электростанции «Красный маяк», смонтировать и ввести в строй новые турбогенераторы на Орской и Медногорской электростанциях, построить новую электростанцию на бугурусланских нефтепромыслах.

Война поставила сложные задачи перед промышленностью. Уход в армию сотен тысяч квалифицированных рабочих вызвал на предприятиях огромную нехватку рабочих рук. На заводы приходили в основном молодые рабочие, большинство из которых не имело навыков производственной работы. Все трудоспособное население, по большей части женщины и молодежь, было немедленно привлечено к обучению и работе на производстве. Этим во многом объясняется начавшийся с 1942 г. впечатляющий подъем советской промышленности, перешедшей на выпуск вооружения.

Много внимания уделялось повышению производительности труда. Предприятия Чкалова, Орска, Медногорска, Бузулука и другие переводились на поточный метод работы, что давало возможность резко увеличивать производительность труда не только отдельных рабочих, но и в целом предприятия. В Чкаловской облас-

ти в 1943 г. образовали 735 комсомольско-молодежных бригад, включавших 7 530 чел., 238 бригад получили звание фронтовых.

Массовая мобилизация в действующую армию, проведение эвакуации промышленных предприятий на территории Южного Урала, необходимость срочного наращивания оборонных возможностей предопределяли потребность в значительном увеличении трудовых ресурсов в этом регионе. Уже осенью 1941 г. стали формироваться строительные батальоны и рабочие колонны. Служба в них приравнивалась к военной. К концу ноября 1941 г. только в Чкаловской области на строительстве заводов и железнодорожных линий трудились десять колонн и один стройбат, насчитывавший 8 778 чел. К апрелю 1942 г. в Чкаловской области в составе рабочих колонн числилось уже 26743 чел. [1, с. 280].

На предприятия и стройки Чкаловской области стали прибывать строительные батальоны и рабочие колонны, сформированные в республиках Средней Азии. В 1943 г. в Чкаловской области трудилось около 8 тыс. узбеков, таджиков, туркмен и казахов. Основная их масса – 7 тыс. чел. – была размещена на предприятиях г. Орск [1, с. 281].

В годы войны велось строительство новых участков железных дорог. Пущены в строй железнодорожные линии Гурьев – Кандагач – Орск и Орск – Домбаровка. На 17 станциях уложили дополнительные пути. На 30 разъездах произвели работы по удлинению путей, а на 49 отдельных пунктах построили механическую централизацию стрелок.

Железная дорога в основном справилась с задачами военного времени. Перевозки по ней из года в год возрастали. В связи с недостатком угля повышенного качества все больше машинистов использовали смеси высококалорийных углей с бурными отходами топлива. На таких смесях водили даже тяжеловесные поезда. Опыт показал, что на тощих углях можно водить поезда без опоздания в пути.

В ряде депо Оренбургский дороги для заправки паровозов применялся главным образом камыш. Использование камыша давало большой экономический эффект, сокращался простой локомотивов под экипировкой – за год дорога в результате сэкономил 80 тыс. р.

План военных перевозок в 1941 г. был выполнен на 101 %, в 1942 г. – на 103 %, в 1943 г. – на 106 и в 1944 г. – на 117 % [10, с. 96]. Это имело исключительное важное значение в обеспечении фронта.

Большую роль в снабжении топливом промышленности Чкаловской области сыграл Домбаровский угольный бассейн. За 1941–1943 гг. домбаровцы отгрузили промышленно-оборонным предпри-

ятиям и бытовым учреждениям 297 270 т угля, из них в 1943 г. – 145.080, на 80 % больше, чем в 1942 г. [19. Л. 5].

Промышленность и транспорт Чкаловской области внесли весомый вклад в дело достижения победы в Великой Отечественной войне. Выпуск валовой продукции предприятиями союзного, республиканского, областного и районного подчинения за годы войны увеличился в области по сравнению с 1940 г. в 3,9 раза, цветной и угольной промышленности – в 4 раза, производство электроэнергии выросло в 2,5 раза, производство станков – в 26,5 раз. За годы войны в области пробурили 449 и сдали в эксплуатацию 374 нефтяные скважины, что дало возможность увеличить добычу нефти по сравнению с 1940 г. в 9 раз. Бугурусланские нефтяники в фонд Верховного Главнокомандования отправили 117 эшелонов сверхплановой нефти.

В 1940 г. в Чкаловской области насчитывалось 18 крупных предприятий союзного значения, а к концу войны предприятий союзного значения стало 74 [23, с. 90].

За годы войны Чкаловская область стала одним из мощных арсеналов страны, крупным индустриальным центром. В отчетном докладе на VI областной партийной конференции 25–27 января 1945 г. отмечалось: «... Построено 12 заводов. По сравнению с 1941 г. в 1944 г. выпуск оборотной продукции на предприятиях увеличился в 27 раз. ... Созданы новые отрасли промышленности, главные из них: производство боеприпасов, вооружения, авиационная, станкостроение, тяжелое машиностроение и текстильная. Производство станков за годы войны выросло в 26,5 раза, никеля – на 320 %, серы – на 104 %, нефти – на 888,9 %, производства газа – на 927 % и производство меди – на 915 %, выработка электроэнергии – на 264 %» [23, с. 27].

За самоотверженный труд в годы Великой Отечественной войны четыре предприятия Чкаловской области наградили орденами: Орский механический завод № 257 – орденом Ленина, орденами Трудового Красного Знамени – Орский мясокомбинат, трест «Южуралтяжстрой» и артиллерийский арсенал № 1. В послевоенный период за заслуги в годы войны орденов Отечественной войны I степени удостоились: Орский нефтеперегонный завод и комбинат «Южуралникель» [12].

Несмотря на разного рода трудности и издержки, руководители региона сумели организовать работу всех промышленных предприятий на выполнение планов военного времени. О героическом труде чкаловцев свидетельствует тот факт, что знамена победителям Всесоюзного соревнования вручались Чкаловской области 153 раза.

Среди наград шесть Красных знамен ГКО, ЦК ВКП (б) и наркоматов остались в коллективах на вечное хранение.

Список литературы

1. Великий подвиг советского народа в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). – Оренбург, 2010.
2. Вклад Южного Урала в победу над фашизмом. – Оренбург, 2001.
3. Дьяков Ю. Л. Промышленное и транспортное строительство в тылу в годы Великой Отечественной войны // Ист. зап. – М., 1978. – Т. 101. – С. 99–125.
4. Кантор Л. М. Промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. – СПб., 1991.
5. Ковалев И. Война и железные дороги // Железнодорожный транспорт. – М., 1942. – № 12. – С. 3–10.
6. Место эвакуации – Чкаловская область. – Оренбург, 2010.
7. Никитин А. Перестройка работы военной промышленности СССР в первом периоде Великой Отечественной войны // Военно-ист. журн. – 1963. – № 2. – С. 11–20.
8. Новое в стахановском движении на транспорте в период Отечественной войны. – М., 1942.
9. Парамонов В.Н. Проблемы перестройки промышленности в начале Великой Отечественной войны // Актуальная история: Новые проблемы и подходы. – Самара, 1999. – С. 75–100.
10. Патриотизм оренбуржцев в Великой Отечественной войне. – Оренбург, 2003.
11. Петерсон Л. Отечественная война и размещение промышленности СССР // Пропаганда и агитация. – Л., 1944. – № 19. – С. 20–26.
12. Правда. – 1985. – 6 мая.
13. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8476. Оп. 1. Д. 357.
14. Савин А. Перебазирование промышленности в восточные районы страны // Спутник агитатора. М., 1942. – № 21 – 22. – С. 12–15.
15. Тельпуховский В. Б. Изменения в составе промышленности рабочих СССР в период Великой Отечественной войны // Вопр. истории. – 1960. – С. 27–42.
16. Федорова А. В. Оренбург в годы Великой Отечественной войны. – Оренбург, 1995.
17. Футорянский Л. И. Оренбуржье – великой Победе. – Оренбург, 1994.
18. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДННАО). Ф. 371. Оп. 5. Д. 114.
19. ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 343.
20. ЦДННАО. Ф. 748. Оп. 1. Д. 706.
21. ЦДННАО. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 582.
22. ЦДННАО. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 779.
23. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. – СПб., 1997.

Прифронтовые города и проблема нормированного снабжения их жителей (на примере Вологды и Череповца)

В статье рассматривается, как во время Великой Отечественной войны работала система нормированного распределения продуктов. Автор показал эффективность такой системы снабжения, её преимущества и недостатки.

This article discusses how to work the food distribution system during the Great Patriotic War. Author shows the effectiveness of the food distribution system, its advantages and disadvantages.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, прифронтовые города, питание.

Key words: The Great Patriotic War, the front-line town, supply.

Одной из самых острых проблем Великой Отечественной войны была проблема питания населения тыла. Армия поглотила значительные ресурсы, противник захватил многие плодородные земли, что привело к возникновению продовольственного кризиса и товарного дефицита как его последствия.

В исторических источниках разных категорий проблема продовольственного снабжения трактуется неоднозначно. Официальные документы (в данном случае это протоколы и решения городских исполнительных комитетов) дают представление о мерах, которые принимались органами управления для развития и поощрения разнообразных форм организации питания населения. В то же время в них содержатся и негативные свидетельства о недостатках и злоупотреблениях в этой сфере. Источники личного происхождения демонстрируют нам субъективный взгляд лиц, получающих продукты питания, что позволяет ответить на вопрос: эффективными ли были принимаемые меры для местных жителей? В этой статье мы рассмотрим организацию нормированного снабжения прифронтовых городов Вологды и Череповца в 1941–1945 гг., показав при этом степень его эффективности путём сопоставления документальных и частных свидетельств.

Проблема продовольственного снабжения тыла в годы Великой Отечественной войны и нормированного распределения продуктов в частности достаточно хорошо освещена в исторической литературе [18].

В 1940–50-е гг. этот вопрос рассматривался как в работах общего характера по истории войны, развитию военной экономики СССР [3; 15, с. 549–556; 20], так и в специальных исследованиях [22, с. 117–136; 33, с. 88–98; 34]. В то время как в работах первой группы обозначались лишь общие принципы и формы продовольственного снабжения населения, в специальных исследованиях детально рассматривались отдельные аспекты проблемы. Большой вклад в изучение вопроса внёс У.Г. Чернявский. Автор, проанализировав разные формы продовольственного снабжения, впервые разделил его на две категории: централизованное и децентрализованное. Он пришёл к выводу о том, что государство путём нормированного распределения сумело обеспечить всё население продуктами питания, хоть и в ограниченном объёме. Впоследствии эти тезисы неоднократно повторялись и развивались в работах советских и российских исследователей. В 1965–1985 гг. тема получила дальнейшее развитие [8; 19]. Одним из самых значительных трудов этого периода стала монография бывшего наркома торговли СССР А.В. Любимова. В ней рассматривается развитие торговли продуктами и предметами быта. Нормированная система признаётся единственно верной формой снабжения, обеспечившей в условиях дефицита экономное и целесообразное расходование имеющихся в наличии товаров.

Со второй половины 1980-х гг. появилось несколько новых подходов в изучении интересующей нас проблемы. Многие исследователи, занимающиеся вопросами социальной политики государства, в качестве отдельного аспекта рассматривали организацию питания на общероссийском [11; 12; 13, с. 117–126; 17] и региональном уровнях [14; 16; 23; 26; 35]. При исследовании продовольственной проблемы учёные, следуя уже заложенной традиции, разделяли все формы питания на две группы: централизованное (карточная система, общественное питание) и децентрализованное или дополнительное (подсобные хозяйства, рыночная торговля). В работах подчёркивались положительные и отрицательные стороны разных форм снабжения, повторялись выводы о значении снабжения, заключающегося в обеспечении минимальных потребностей населения. В то же время исследователи отмечали и тот факт, что объёмы этого обеспечения были недостаточными, социальная сфера финансировалась по остаточному принципу – все ресурсы перераспределялись в пользу фронта, а население испытывало постоянную острую нужду в самом необходимом.

В современной историографии выходят специальные исследования, посвящённые проблемам питания в тылу [7; 29]. В этих работах выделены региональные особенности материального снабжения

и в то же время показаны те общие черты, которые были замечены ранее. Некоторые авторы отмечают недостатки: условный характер равного распределения продуктов при нормированном снабжении, бюрократический характер системы и пр. Проблемы питания рассматриваются также в исследованиях, посвящённых повседневной жизни, социально-экономическому развитию отдельных городов или групп городов в военный период – как прифронтовых [9; 36], так и расположенных в глубоком тылу [4; 27]. Наконец, выходят монографии общего характера, в которых описывается характер продовольственного снабжения различных категорий населения в отдельных регионах, обладавших определённой спецификой в военное время [30].

Местные краеведы рассматривают проблему питания в контексте работ, касающихся различных аспектов истории региона в военный период [25, с. 45–55; 28, с. 68–74].

Советские авторы, идеализируя систему снабжения, в то же время пришли к важным выводам. Современные учёные, частично соглашаясь с ними, используют новые подходы в изучении вопроса, применяя критичный подход и делая неоднозначные выводы. На локальном примере этот вопрос не получил всестороннего и глубокого изучения.

Продовольственный кризис проявил себя уже с первых месяцев войны в таком явлении, как дефицит, что отчетливо прослеживается по воспоминаниям современников: «Люди начали скупать всё, что можно. Девочка хорошо запомнила, как однажды мама принесла домой переспелые груши – последний сладкий подарок перед голодом войны» [37, с. 25]. Другой свидетель вспоминает: «В начале войны была большая неразбериха. Хлеб из магазинов исчез в одночасье. Потом появились мешочки: те, кто работал организованно на своём предприятии, сдавали свои мешочки для хлеба, их выдавали обратно с хлебом. Так было до введения карточной системы» [2, с. 7].

Карточная система нормированного распределения продуктов на территории Вологодской области была введена в сентябре 1941 г. [5. Д. 1187. Л. 100]. Всё городское население поделили на четыре группы: рабочие и приравненные к ним, служащие и приравненные к ним, иждивенцы, дети до 12 лет. Рабочие и служащие по снабжению в свою очередь подразделялись на две категории. К первой относились лица, занятые трудом на предприятиях тяжёлой, в том числе оборонной, промышленности, на железнодорожном и водном транспорте, а также все те, кого причисляли к первой категории специальным решением правительства. Ко второй – рабочие и служащие предприятий и учреждений других отраслей промыш-

ленности и народного хозяйства, а также городское население, не отнесённое к первой категории [6. Д. 4. Л. 96]. Другие профессиональные группы населения прикрепляли к категории служащих или рабочих в зависимости от степени важности и тяжести выполняемой ими работы.

По карточкам люди снабжались разными продуктами, но во всех видах источников особое внимание уделяется проблеме снабжения хлебом как определяющей, что подчёркивает значимость этого продукта в обществе военной эпохи.

Суточная норма хлеба составляла: для рабочих – от 500 до 1000 г (в зависимости от категории и характера работы), для служащих – 400–450 г, для иждивенцев и детей – по 300 г [32. Д. 69. Л. 16]. Местные органы власти могли приравнять рабочих к той или иной категории, улучшить их питание в соответствии с законом, принимая в расчёт тяжесть и большой объём выполняемых работ [5. Д. 1208. Л. 142; Д. 1209. Л. 80, 147; Д. 1210. Л. 9–10; 32. Д. 59 Л. 104; Д. 69. Л. 178], их срочность и важность [5. Д. 1208. Л. 248], работу сверхурочно и перевыполнение норм [5. Д. 1252. Л. 23]. Для продажи карточек в прифронтовых городах начала работу сеть карточных бюро, претерпевшая в ходе войны некоторые изменения [5. Д. 1187. Л. 100; Д. 1225. Л. 100–101].

Рассмотрим особенности реализации этой системы.

Во-первых, получение продуктовых карточек для простого горожанина оказалось сложной бюрократической процедурой. В домовом управлении гражданин должен был оформить стандартную справку, в которой указывались Ф.И.О. получателя, адрес, категория снабжения, количество иждивенцев. Одновременно заполнялся контрольный талон, который оставался в управлении. Управдом ставил свою подпись в документах. Стандартная справка предъявлялась в карточном бюро, гражданин получал карточки в зависимости от категории снабжения и отоваривал их в магазине. В первые месяцы работы системы возникли дополнительные трудности: «Через некоторое время после введения карточек горожан обязали зарегистрировать их в том же бюро. Снова нужно было брать домовую книгу, документы и стоять огромную очередь. О прохождении регистрации свидетельствовал специальный штамп, ставившийся на карточках. По незарегистрированным карточкам хлеб не выдавался» [24, с. 83]. Порядок выдачи хлеба в магазинах по карточкам был следующим: «Хлеб можно было получить в магазине за один или два дня, за текущий и завтрашний. За прошедшее время хлеб не выдавался, его можно было получить только с разрешения торгового отдела горисполкома» [24, с. 82].

Такая бюрократическая процедура организовывалась с целью предотвращения многочисленных злоупотреблений: кражи карточек и получение хлеба по ним за других лиц, питание по карточкам недавно умерших родственников, лиц, попавших в тюрьму и призванных в армию, подделки документов и др. [5. Д. 1210. Л. 108; Д. 1222. Л. 170; Д. 1265. Л. 4; 31. Д. 480. Л. 87; Д. 481. Л. 63; 32. Д. 64. Л. 27; Д. 69. Л. 45].

Во-вторых, даже после введения ограничения на продажу хлеба и других продуктов в виде карточной системы производящие и торгующие продуктами организации не могли обеспечить бесперебойного снабжения магазинов – происходили срывы в поставках хлеба; отдельные магазины продавали хлеба больше, чем требовалось по прикрепленным к магазину контингентам, в результате чего впоследствии хлеб отсутствовал в продаже более двух дней [5. Д. 1225. Л. 62]. В Череповце перебои с хлебом по причине плохой работы производящих и торгующих организаций были на протяжении всего 1943 г. [31. Д. 500. Л. 2] и 1944 г. [32. Д. 64. Л. 4], продолжились зимой 1944–1945 гг.: «Несмотря на имеющиеся возможности (наличие хлеба на хлебокомбинате), Волоблторг не обеспечил бесперебойную продажу хлеба для населения в течение всего дня, как правило, хлеб бывает только до 12 часов дня» [32. Д. 69. Л. 8].

Постоянным явлением стали очереди [31. Д. 500. Л. 2]. Типичную картину военной эпохи рисуют в своих воспоминаниях её современники: «Мы с подружкой Галей Володиной с утра занимали очередь, а хлеб привозили только в шесть часов вечера. Хлеб – по два килограмма "в одни руки" – давали в деревянном ларьке между двумя деревянными магазинами, находившимися на углу улиц Ленина и Горького. <...> Мы занимали очередь, дожидались, когда за нами в неё встанут несколько человек, и, пользуясь тем, что были свободны от домашнего надзора, мчались по своим делам. <...> Обежав чуть не весь город, мы мчались проверять свою очередь, потом домой – пообедать, а часа в четыре шли в очередь уже окончательно». В очередях были заведены свои правила, о которых сообщает тот же автор: «Перед привозом хлеба к нам приходили домашние. <...> Это было узаконено очередью, и никто не протестовал: родственники приходили ко всем. Не разрешалось "примазываться" лишь знакомым, и за соблюдением этого правила следили бдительно» [24, с. 81].

В-третьих, даже получив на стол заветную буханку, изголодавшийся потребитель мог разочароваться. Очень часто вкусовые качества хлеба оставляли желать лучшего. Факторы разного плана – как связанные со сложившейся обстановкой в городах (тяжёлые условия изготовления, определяемые военной обстановкой, режим

экономии, установленный законом), так и целиком определяемые людьми, изготавливающими хлеб (халатность, простое нежелание работать), влияли на конечное качество продукта. Население Череповца в 1944 г. из-за безответственного отношения лиц, руководящих заготовкой сырья и выпечкой из него хлеба, получало себе на стол сырой, а иногда, наоборот, горелый хлеб с большой примесью отходов [32. Д. 64. Л. 4].

Качество хлеба, впрочем, начало снижаться законным образом ещё раньше. 15 ноября 1943 г. СНК СССР, руководствуясь соображениями экономии, издал постановление, согласно которому в муку при изготовлении хлеба предполагалось добавлять в качестве примеси картофель в определённом процентном соотношении [32. Д. 59. Л. 182]. Разрешалось даже продавать в счёт хлеба картофель в чистом виде. На практике руководители многих предприятий и организаций Вологды лишь частично применяли картофель в хлебопечении или же вовсе не применяли [5. Д. 1251. Л. 47]. Этому же принципу следовали и торгующие организации Череповца: «Из установленных планом расходования картофеля на декабрь месяца 134 тонны, фактически израсходовано 25 тн. Руководители торгующих организаций не обеспечили своевременного завоза картофеля из имеющегося в наличии, полученного с подсобных хозяйств на Хлебокомбинат. Последний, получив от торгорганизации во II декаде картофель в достаточном количестве, не обеспечил установленного процента примеси картофеля. До сего времени руководители торг[овых] организаций не выслали в районы представителей для получения картофеля по выделенным нарядам и доставке в город. Как результат, картофель на Хлебокомбинат доставляется из р-на только отд. Волоблторга, остальные торг. организации не доставили на Хлебокомбинат ни одной тонны картофеля из районов в свои хранилища» [32. Д. 59. Л. 182]. Всё это, с одной стороны, положительно отражалось на качестве продукта, с другой – влекло за собой перебои в снабжении хлебом города. Хлеб содержал меньше примесей, но не всегда был доступен потребителю.

Воспоминания современников свидетельствуют о том, что нормы выдаваемого хлеба были недостаточными. Бывшая ученица 1-й школы Череповца вспоминает: «Питались скудно, голодно было. Получали иждивенцы (все, кто не работает) по 300 г хлеба в день и ничего больше». Далее выясняется, что девочка всё-таки получала в школе дополнительное питание, по её словам, тоже недостаточное: «И в школе нас подкармливали: каждый получал на перемене кусочек в 50 г хлеба, очень вязкого, тёмного, горького, пустые щи или стакан кипятку с сахарином» [21, с. 65]. Таким образом, на одно-

го школьника Череповца в день приходилось 350 г хлеба, из которых 50 – не лучшего качества.

Рабочие Вологды также считали своё питание недостаточным – Борис Васильевич Зеленин так описывает свою жизнь: «Отработав смену на заводе, шли дежурить (Зеленин дежурил по городу в составе истребительного батальона – прим. Авт.). Голодные. Чего там эти 800 граммов хлеба? За один раз его съел – и всё. Согласия нашего никто не спрашивал: раз-два – и десять лет» [2, с. 7]. Администрация завода, на котором работал автор воспоминаний, ввела дополнительное питание – 1–2 кружки тёмного калорийного пива, которые выдавались нерегулярно [2, с. 7]. Дочь работницы Вологодской библиотеки вспоминает, как они буквально выживали вдвоём с матерью в 1942 г. в Вологде: «У мамы была иждивенческая карточка на меня. Это всего-то 300 грамм хлеба. Её паёк – 400 грамм. Раз в месяц по талонам выдавали 200 грамм крупы или муки. Поэтому маме приходилось сдавать кровь, ведь на донорский паёк можно было прожить несколько дней, а ей нельзя было это делать часто из-за больного сердца. Редкой радостью была картошка, которую запекали прямо в печке в библиотеке» [37, с. 25]. Некоторые доведённые до отчаяния люди вынуждены были искать дополнительные источники питания самого невероятного свойства: «Она (мать автора воспоминаний – прим. авт.) работала на бойне. Вечером рабочим, отстоявшим очередь, доставались кости и головы. Ещё приносила "ханыгу" (соскоб с брюховины вместе со всеми остатками, в которых иногда ползали червяки). Промывала и тушила на воде. Ели ворон, которых стреляли в Соляном [саде]» [1, с. 8].

Отношение к продуктам изменилось – во время войны ценность их по причине постоянной нехватки значительно возросла. Воспоминания молодой художницы Нины Железняк, жившей в Вологде в военные годы, хорошо передают чувства, которые она испытала при получении обычной буханки хлеба: «В конце октября я ходила рисовать солдат уже в другой госпиталь, что находился в железнодорожной поликлинике. <...> Рисовала с утра до вечера три дня. Каково же было моё удивление и радость, когда начальник госпиталя, поздравив меня с наступающим праздником Великого Октября, поднёс целую буханку хлеба! С этюдником в одной руке и буханкой, завернутой в газету, в другой, счастливая, отправилась домой...» [10, с. 2].

В период войны качественное и количественное содержание питания претерпело эволюцию. Положительные изменения хорошо можно проследить по воспоминаниям Н. Железняк: «В 1942 году я выстаивала ночами в магазине ГОРТа, чтобы отovarить хлебную карточку. К счастью, Союз художников прикрепил на отovarивание

к буфету драмтеатра. Там очереди были небольшие, и отоваривали даже крупы». Далее в воспоминаниях описывается, как осенью 1944 г. муж Н. Железняк «получил на продукты карточку "Литер Б". Из Америки стали поступать литровые банки с очень жирной тушёной, из Канады – двухлитровые кубические – с мясными консервами. Давали ещё банки с крабами, сливочное масло, крупы и сахар, часть которого мы меняли у хозяйки на картошку. Мы перестали варить в русской печке кашу из сырой ржи. Для меня началась новая счастливая полоса в жизни, хотя начинали мы оба как приезжие в чужой город – с нуля» [10, с. 2].

В сплошном однообразном потоке военных будней особо запоминались людям праздничные дни. Одна из причин, по которым это происходило, заключалась в том, что питание было разнообразнее и выдавалось в больших количествах, чем обычно. Особым явлением была праздничная торговля. Перед годовщинами Октябрьской революции и 1 мая власти города всегда старались улучшить снабжение населения. Городские исполнительные комитеты Череповца и Вологды постановили за два дня до празднования годовщины Октябрьской революции продавать хлеб на два дня вперёд в потребном количестве, для чего хлебокомбинат должен был обеспечить выпечку, а торговые организации создать запас хлеба в магазинах для бесперебойного снабжения населения [5. Д. 1210. Л. 82; Д. 1225. Л. 26–27; 31. Д. 500. Л. 86]. Современники вспоминают, как они отмечали новогодние праздники: «Каждый год устраивалась ёлка для детей, проводились вечера для взрослых. Готовили большой таз винегрета, наливали всем по 100 грамм водки, которую выдавали на праздники по талонам, угощали кусочками хлеба» [37, с. 26].

Собрав воедино все отмеченные факты, можно сделать достаточно неоднозначные выводы о значении нормированной системы снабжения для жизни горожан. С одной стороны, благодаря введению подобной системы удалось избежать таких негативных явлений, как дефицит продуктов питания и как его следствие голода в худших его проявлениях. Государство смогло обеспечить самый необходимый минимум снабжения для большинства категорий городского населения – минимум для того, чтобы выжить. С другой стороны, нормированное снабжение породило массу недостатков, среди которых стоит отметить местные злоупотребления разного рода, одной из причин которых являлась недостаточность снабжения как неотъемлемая часть всей системы. По причине этой недостаточности многие люди находились в полуголодном состоянии и вынуждены были самостоятельно добывать средства для своего питания.

Таким образом, государство смогло создать определённый минимум для выживания граждан, но ему не удалось обеспечить людей продуктами в достаточном количестве.

Список литературы

1. Амосова В.А. Дети войны // Голос Череповца. – 2008. – № 15.
2. Ананьева С. Трудармия // Русский север. – 2001. – № 36.
3. Вознесенский Н.А. Военная экономика в период Отечественной войны. – М., 1947.
4. Гонцова М.В. Повседневная жизнь населения индустриального центра в годы Великой Отечественной войны (на материалах г. Нижний Тагил): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Нижний Тагил, 2011.
5. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 366. Оп. 1.
6. ГАВО. Ф. 2588. Оп. 1.
7. Демина Е.В. Торговля и снабжение населения Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Красноярск, 2007.
8. Дихтяр Г.А. Советская торговля в период построения социализма. – М., 1965.
9. Дружинина-Зайцева М.Г. Деятельность местных органов власти по организации повседневной жизни населения прифронтового Мурманска в период Великой Отечественной войны (22 июня 1941 – октябрь 1944 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Пенза, 2007.
10. Железняк Н. Жизнь продолжалась // Красный север. – 1995. – № 53.
11. Загвоздкин Г.Г. Социальная политика ВКП(б) и Советского государства в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... д-р ист. наук. – Л., 1991.
12. Зинич М.С. Будни военного лихолетья. – Вып. 1–2. – М., 1994.
13. Зинич М.С. Социальная политика военного времени (1941–1945 гг.) // Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии. Материалы к Всерос. науч. конф., посвящ. 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. – Вологда, 1995.
14. Зяблицева С.А. Социально-бытовая сфера Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Кемерово, 1995.
15. История Великой Отечественной войны Советского Союза: в 6 т. Т. 2. – М., 1961.
16. Исхакова Г.Р. Социальная политика Советского государства в годы Великой Отечественной войны (на материалах Башкортостана): дис. ... канд. ист. наук. – Уфа, 2002.
17. Кожурин В.С. Неизвестная война. Деятельность Советского государства по обеспечению условий жизни и труда рабочих в годы Великой Отечественной войны. – М., 1990.
18. Козлов Н.Д. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. Некоторые аспекты современной российской историографии // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. Т. 4. История. – 2012. – № 2. – С. 93–110.
19. Любимов А.В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. – М., 1968.
20. Митрофанова А.В. Рабочий класс Советского Союза в первый период Великой Отечественной войны. – М., 1971.

21. Митрофанова И.Н. Дети войны // 130-летие Череповецкой средней школы № 1 им. Максима Горького. Исторический очерк развития школы за 130 лет (1865–1995 годы). – Череповец, 1996.
22. Москвин В.И. Советская торговля в годы Великой Отечественной войны // Сов. торговля за 30 лет. – М., 1947.
23. Нечепан В.Г. Деятельность местных органов власти Европейского Севера в социальной сфере в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1994.
24. Новикова Н.И. Из воспоминаний череповецкого старожила // Череповец. – Краеведческий альманах. – Вып. 2. – Вологда, 1999.
25. Першина А.Б. Заводские военные будни (по документам Вологодского паровозовагоноремонтного завода за 1941–1945 гг.) // Историческое краеведение и архивы: материалы обл. науч. конф. Вып. 12. Ч. 1. – Вологда, 2005.
26. Похилук А.В. Война, власть, народ (Деятельность государственных и военных органов по защите и обеспечению жизнедеятельности населения прифронтовых и освобождённых районов Северо-запада СССР в период Великой Отечественной войны). – СПб., 1998.
27. Рубин В.А. Города Южного Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) Оренбург, 2007.
28. Сизоненко Т.В. Некоторые аспекты из жизни г. Череповца в 1939–1940 и 1944 гг. // Историческое краеведение и архивы: материалы обл. науч. конф. Вып. 12. Ч. 1. – Вологда, 2005.
29. Смирнова Л.Н. Продовольственное снабжение гражданского населения Северо-западного региона РСФСР в период Великой Отечественной войны (На материалах Ленинградской, Псковской, Новгородской областей). – СПб., 1996.
30. Филиппов Э.В. Питание в годы Великой Отечественной войны. Челябинск, 2005.
31. Череповецкий центр хранения документации (ЧЦХД). Ф. 7. Оп. 1.
32. ЧЦХД. Ф. 7. Оп. 5.
33. Чернявский У.Г. Обеспечение городов продовольствием в годы войны // История СССР. – 1959. – № 4.
34. Чернявский У.Г. Война и продовольствие. Снабжение городского населения в Великую Отечественную войну (1941–1945 гг.). – М., 1964.
35. Шалак А.В. Вопросы социальной политики в деятельности партийных комитетов Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 1991.
36. Шматов Е.Н. Города Среднего Поволжья в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Самара, 2006.
37. Шутова Ю. Детство, опалённое войной // Вологодская афиша. – 2010. № 1.

Р. Р. Хисамутдинова

Нарушения колхозного землепользования на Урале в 1940–1950-е гг.

В статье рассматриваются нарушения Устава сельскохозяйственной артели, принятого в 1935 г. Раскрыты масштабы нарушения колхозного землепользования, меры, принятые советским руководством, по ликвидации этих нарушений. Показаны как положительные, так и негативные последствия возвращения колхозных земель.

On the materials of The Urals this article describes the violations of Charter of an Agricultural Artel, issued in 1935. It is revealed the scale of violation in kolkhoz land tenure, the actions of Soviet leadership to eliminate the violations. Positive either negative consequences of returning of collective farming lands are also shown in the article.

Ключевые слова: колхозное землепользование, нарушения, устав сельскохозяйственной артели, ликвидация.

Key words: kolkhoz land tenure, violations, Charter of an Agricultural Artel, elimination.

В тяжелом для сельских жителей 1946 г., когда основные зерновые районы СССР были охвачены страшной засухой, которая привела к третьему советскому голоду 1946–1947 гг., государство занялось укреплением колхозов. 19 сентября 1946 г. Совет Министров и ЦК ВКП(б) издали постановление «О мерах борьбы с нарушениями Устава сельскохозяйственной артели в колхозах», которое обязывало руководителей партийно-советских организаций союзных и автономных республик, краевых и областных организаций восстановить в полной мере действие постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания».

В сентябрьском постановлении отмечались получившие широкое распространение нарушения, выражавшиеся «в неправильном расходовании трудодней, расхищении общественных земель колхозов, в растаскивании колхозной собственности, злоупотреблениях со стороны районных и других партийно-советских работников, нарушении демократических основ управления делами сельскохозяйственной артели – выборности правлений и председателей колхозов, их подотчетности перед собраниями колхозников».

С данными нарушениями и связывалось неблагоприятное положение «во многих колхозах», поэтому постановление обязывало руководителей всех уровней положить конец этим «противоколхозным и противогосударственным» извращениям и нарушениям, а виновных «привлекать к судебной ответственности как уголовных преступников» [17, с. 336, 339].

Этим же постановлением отменялся п. 2 действовавшего на время войны постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 апреля 1942 г. о предоставлении на время войны совнаркомам союзных и автономных республик, краевым и областным исполкомам при отсутствии свободных городских земель и земель госфонда права разрешать промышленным предприятиям, учреждениям, организациям и воинским частям производить временно посе́вы на неиспользуемых землях колхозов с согласия последних, а земли, временно переданные по этому постановлению, вернуть соответствующим колхозам в срок до 15 ноября 1946 г. [17, с. 340].

Действие апрельского (1942 г.) постановления было рассчитано на военный период. Но и после окончания войны земли колхозов, отданные во временное пользование, оставались у тех же владельцев. Именно на них и приходилась основная доля так называемых «разбазаренных земель» (термин государства). В этом были заинтересованы не только «новые хозяева», но и колхозы, которые не могли в силу объективных причин, сложившихся в послевоенные годы, освоить всю закрепленную за ними землю. Однако налоги платили, поскольку с 1940 г. обязательные поставки зерна и других продуктов государству стали исчисляться с каждого гектара пашни колхозов, поэтому колхозы готовы были отдать неиспользуемые земли как подсобные хозяйства промышленным предприятиям, учреждениям хоть на время, лишь бы с них не платить налоги.

Сразу же после выхода в свет указанного постановления партийные и советские органы Урала провели ряд организационных мероприятий. Данное постановление опубликовали во всех областных и районных газетах Урала, выпустили специальные брошюры с постановлением. Так, в Чкаловской и Молотовской областях уже 21 сентября постановление опубликовали в областных газетах «Чкаловская коммуна» и «Знамя» и в тот же день передали по местному радиовещанию. Одновременно с ним вновь было опубликовано постановление правительства и ЦК ВКП(б) от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания». В БАССР оба постановления появились на страницах всех трех областных газет и были переданы по местному радиовещанию, а также с приложением Примерного устава сельскохозяйственной артели изданы специальной брошюрой тиражом 50 тыс. экземпля-

ров, из них на русском языке 25 тыс., башкирском 10 тыс. и татарском 15 тыс. экземпляров [22. Л. 107; 23. Л. 61; 5; 8; 29; 21, с. 78].

23 сентября бюро Башкирского обкома партии и Совет министров БАССР, обсудив постановление Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября, разработали мероприятия и приняли специальное постановление о практических мерах, направленных на неуклонное выполнение указанного постановления. Для организационной помощи районам были командированы из Министерства земледелия Башкирии 23 чел., из Министерства животноводства 16 чел., а также работники Министерства финансов, Госбанка и Сельхозбанка.

Постановление обсуждали на совещаниях районного актива, пленумах райкомов партии, сессиях райсоветов с участием секретарей первичных парторганизаций, председателей сельсоветов и колхозов, а также на общих собраниях колхозников 4 289 колхозов республики. Вся организационная работа в подавляющем большинстве районов была закончена 5 октября 1946 г. [22. Л. 107].

В период с 22 по 30 сентября во всех районах Курганской области были проведены собрания районного партийного и советского актива и по 10 октября – колхозные собрания с обсуждением данного постановления. Для оказания помощи колхозам по выполнению постановления из районных центров было направлено свыше 800 чел. актива [1. Л. 30.]

24 сентября бюро Молотовского обкома обсудило данное постановление. 25 сентября исполнительный комитет Свердловского облсовета депутатов трудящихся и обком партии вынесли совместное постановление «О мероприятиях по выполнению постановления Совмина СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах». Для оказания практической помощи обком командировал в районы 40 руководящих работников, облземотдел 15 чел. [31. Л. 219, 220; 4. Л. 218].

26 сентября на совместном заседании Чкаловского облисполкома и бюро обкома партии было принято решение в двухмесячный срок провести по каждому колхозу в натуре обмер и сличение с записями в земельных шнуровых книгах количества общественных земель и приусадебных участков, излишки возвратить колхозам, а также незаконно взятое у них имущество, скот и денежные средства. В ноябре созвать сессии райсоветов депутатов трудящихся, на которых обсудить меры по ликвидации нарушений Устава. В помощь райисполкомам и райкомам в организации выполнения данного постановления было командировано 50 чел. (по другим данным 75) [11. Л. 1] областного партийного и советского актива и специалистов

сельского хозяйства, в помощь колхозам был послан районный партийный советский актив и счетные работники в количестве 1 679 чел. [24. Л. 18].

В Челябинской области в помощь районам было направлено 208 чел. партийно-советского актива, 329 коммунистов и 30 специалистов сельского хозяйства (на 23 мая 1947 г.) [11. Л. 14]. С 27 сентября по 10 октября 1946 г. данное постановление обсуждалось и во всех районах Удмуртии на партийных собраниях или пленумах райкомов ВКП(б) [26. Л. 79].

Союзные, республиканские и областные руководители планировали в ударном темпе решить поставленные задачи, однако их реализация заняла не два и не четыре месяца, как планировалось, а растянулась на годы.

Райкомы и райисполкомы в свою очередь создавали комиссии из представителей сельсовета и двух мерщиков. В полномочия комиссии входили: проведение в колхозе обмера в натуре и сличение с записями в земельных шнуровых книгах количества общественных земель; проведение обмера приусадебных участков колхозников, а также организаций и учреждений, взявших под подсобные хозяйства земли, и возвращение их колхозам. В Чкаловской области было создано 969, в Челябинской – 828, в Свердловской – 1 673, в Курганской – 675 и в Молотовской области – 790, в Башкирии – 1 203, в Удмуртии – 510, всего по Уралу 6 648 комиссий [22. Л. 107; 27. Л. 57; 25. Л. 19; 10. Л. 70; 1. Л. 31; 15. Л. 125–128; 26. Л. 79; 11. Л. 2–4, 15, 18, 19, 25, 28–31]. По колхозам Урала принимали участие в работе комиссий 1 584 специалиста сельского хозяйства [19, с. 661; 31. Л. 219, 220].

В Чкаловской области в порядке проверки выполнения постановления на бюро райкомов партии были заслушаны отчеты о ходе ликвидации нарушений колхозного Устава: в октябре – 46 председателей райсоветов, в декабре – 37 заведующих райотделами сельского хозяйства и 49 председателей райисполкомов (всего районов в Чкаловской области 50), на бюро обкома партии – отчеты четырех секретарей райкомов партии, на заседаниях облисполкома восемь председателей райисполкомов [23. Л. 61, 62].

Башкирским обкомом ВКП(б), Советом министров БАССР, Министерством земледелия республики всего заслушано с сентября 1946 по 1950 г. 85 районов (всего 62 района), на бюро обкома отчеты секретарей райкомов и председателей райисполкомов 30 районов [12. Л. 8; 22. Л. 107 об. *Подсчитаны авт.*]. Также ход выполнения постановления обсуждался на сессиях райсоветов республики в 1947 г. в семи районах, в 1948 г. – в 63, в 1949 г. – в 34, в 1950 г. – в четырех, на заседаниях исполкомов райсоветов с 1947 по

1950 г. – 669 раза [13. Л. 2]. На 15 декабря 1946 г. на бюро Курганского обкома партии были заслушаны отчеты председателей исполкомов шести районов, на исполкоме облсовета – семь районов [2. Л. 44].

Наибольшее социальное напряжение в среде колхозного крестьянства вызвали меры по борьбе с «расхищением общественных земель колхозов». Эта часть постановления, по сути, дублировала довоенное – от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» [6, с. 107–110]. В них обоим указывалось, что «интересы общественного хозяйства колхоза, основой которого является общественная колхозная земля, приносятся в жертву частнособственническим и рваческим элементам, использующим колхоз в целях спекуляции и личной наживы». Речь шла о размерах приусадебных участков членов колхоза. Уставом сельскохозяйственной артели 1935 г. разрешалось иметь от 0,25 до 0,5 гектара. «Рвачество» колхозников проявлялось в виде небольших прирезок за счет пустующих, неэффективно используемых земельных угодий колхозов, что, естественно, было строгойше запрещено. В годы войны местные власти закрывали глаза на тот факт, что колхозники расширяли приусадебные участки, прекрасно понимая, что без этого они просто не выживут.

По данным на 15 ноября – 1 декабря 1946 г. были закончены обмеры земель в 75 % колхозов Башкирии, 74 – Курганской, 93 – Молотовской, 97 – Свердловской, 45 – Челябинской и 92 % Чкаловской области, 84,9 % колхозов СССР [15. Л. 125–128].

Колхозам Урала возвращено незаконно захваченных земель (от колхозников, организаций, учреждений, частных лиц) – 52 841 га, или 6,4 % земель, возвращенных по стране (825 758 га); от организаций, учреждений, предприятий, переданных им как подсобные хозяйства в годы войны – соответственно 485 422 га, 15 % и 3 225 357 га [18, с. 544]. Таким образом, к концу 1946 г. колхозам страны было возвращено 4 176,5 тыс. га, по Уралу – 723 563 га, или 17,3 % земель, возвращенных по стране [16. Л. 116; 19, с. 661].

Разумеется, попытки государства вернуть колхозам земли были справедливы. Но если учитывать, что за время войны посевные площади в колхозах Урала сократились с 12 460,8 тыс. га в 1940 г. до 8 269,8 тыс. га в 1946 г. (на 33,6 %), т. е. фактически 4 191 тыс. га земли оказались заброшенными, то в сравнении с этим возврат к началу 1947 г. 736 035 га земель, занятых учреждениями и организациями, как правило, под огороды и подсобные хозяйства, колхозниками и разными лицами под приусадебные участки, не мог сыграть существенной роли.

Захват колхозной земли как учреждениями и организациями, так и колхозниками продолжался и в последующие годы. По нашим неполным данным, всего колхозам Урала было возвращено к началу 1950-х гг. около 862 тыс. га земли [20, с. 49–50].

Возвращение колхозам земель, превращенных в годы войны в подсобные хозяйства предприятий и огороды рабочих и служащих, серьезно подрывало экономику сельскохозяйственных артелей. Колхозы не могли освоить всю закрепленную за ними землю, однако налоги платили, поэтому с каждым годом росли недоимки колхозов по обязательным поставкам государству. Если по итогам 1942 г. недоимки по обязательным поставкам зерна составили на Урале 0,3 млн т, в 1943 г. – 1,4 млн т, в 1944 г. – 0,8 млн т, то недоимки 1946 г. составили 1,9 млн т, 1947 г. – 2,6 млн т, 1948 г. – 3 млн т [9, с. 262].

Кроме того, возврат земель горожанами, колхозниками и лицами, не состоявшими в колхозах, ухудшал и без того их тяжелое материальное положение, связанное с питанием, особенно сельских жителей, которые за свой труд в колхозах получали мизерную оплату и на них карточная система не распространялась (отменена только в декабре 1947 г.). В связи с этим приусадебное хозяйство оставалось основным источником их существования, поэтому колхозники и расширяли свои приусадебные участки за счет колхозных земель. Только по 38 районам Чкаловской области самовольный захват колхозной земли произвели 44 705 хозяйств, или 32 % к общему количеству колхозных дворов в этих районах [23. Л. 63].

Количество земли, захваченной членами колхозов, на Урале было мизерным – 32 026 га (7 948 га в Чкаловской области, 3 386 га в Челябинской, 4 092 га в Молотовской, 3 541 га в Курганской, в БАССР – 8 653 га, в Удмуртии – 3 504 га, в Свердловской – 902 га [18, с. 545].

Проблема состояла в том, что часть колхозников старалась свое основное время посвятить личному подсобному хозяйству, так как оплата труда производилась в колхозах по остаточному принципу, что обрекало её на крайне низкий уровень. Неудивительно, что на всем протяжении существования колхозного строя всегда находились колхозники, которые отчасти или полностью уклонялись от участия в коллективном труде. Но из-за таких «уклонистов» основное большинство законопослушных крестьян, боявшихся санкций за невыполнение трудодней, было вынуждено работать с удвоенной нагрузкой, поскольку плановые задания всегда были очень напряженными. Так, в 1946 г. не выработали обязательного минимума трудодней 4,3 млн трудоспособных колхозников по стране, а 260 тыс. – ни одного трудодня [3. Л. 51–52].

Выявленные излишки немедленно конфисковывались, а так как дело проходило осенью, то земля экспроприировалась вместе с выросшим на ней урожаем, даже если он уже был убран и заготовлен [4. Л. 366].

Несмотря на все предпринятые меры, нарушения Устава, связанные с землепользованием, продолжались и в последующие годы. Но они носили скрытую форму, главным образом, за счет мнимых разделов колхозных дворов, а также всевозможных сделок.

Список литературы

1. Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО). Ф. 166. Оп. 4. Д. 221.
2. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 4. Д. 49.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 53. Д. 4415.
4. Государственный общественно-политический архив Пермской области (ГОПАПО). Ф. 105. Оп. 12. Д. 135.
5. Знамя. – 1946. – 21 и 22 сент.
6. История колхозного права: сб. законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. – Т. 2. – М., 1958.
7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1986. 9-е изд., доп. и испр. – Т. 8. – М., 1986.
8. Кызыл Башкортостан. – 1946. – 21 сент.
9. Мотревич В. П. Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941–1950 гг.). – Екатеринбург, 1993.
10. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-1379. Оп. 4. Д. 278.
11. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9476. Оп. 1. Д. 702.
12. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 783.
13. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 765.
14. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 939.
15. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 122. Д. 170.
16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 170. Л. 125–128.
17. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967 гг.: в 5 т. – Т. 3. – М., 1968.
18. Хисамутдинова Р.Р. Аграрная политика Советского государства на Урале после окончания Великой Отечественной войны (июнь 1945 – март 1953 г.). – Оренбург, 2003.
19. Хисамутдинова Р.Р. Аграрная политика Советского государства и её осуществление на Урале (1940 – март 1953 г.): дис. ... д-ра ист. наук. – Оренбург, 2004.
20. Хисамутдинова Р.Р. Аграрная политика Советского государства и её осуществление на Урале (1940 – март 1953 г.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Оренбург, 2004.

21. Хисамутдинова Р.Р. Организационно-хозяйственное укрепление колхозов после окончания Великой Отечественной войны (на примере Южного Урала) // Вестн. ОГПУ. – 1999. – № 5(15). – С. 76–98.

22. Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАООРБ). Ф. 122. Оп. 26. Д. 681.

23. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДННОО). Ф. 371. Оп. 12. Д. 123.

24. ЦДННОО. Ф. 371. Оп. 10. Д. 721.

25. ЦДННОО. Ф. 371. Оп. 10. Д. 117.

26. ЦДННУР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4277.

27. ЦДННОО. Ф. 371. Оп. 11. Д. 886.

28. ЦДННОО. Ф. 371. Оп. 11. Д. 117.

29. Чкаловская коммуна. – 1946. – 21 сент.

О. В. Бузенкова

Особенности социально-экономического развития села к середине 1960-х гг. (на основе архивных материалов по Рязанской области)

В статье рассмотрены особенности сельскохозяйственного развития Рязанской области к марту 1965 г., выявлены основные тенденции региональной аграрной политики на основе архивных и статистических данных. Также в работе раскрыты основные причины низких показателей сельскохозяйственного производства в первой половине 60-х гг. XX в.

The article deals with the distinctive features of agricultural development of Ryazan region and the main tendencies of agricultural policy by March 1965. The work is written on the basis of the historical sources and statistical data. Also the principal causes of low indices of the agricultural output in the first half of the 1960s are revealed in the work.

Ключевые слова: региональная история, сельское хозяйство, аграрная политика, материально-техническая база, интенсификация, колхозы, совхозы.

Key words: history of regions, agriculture, agricultural policy, material and technical base, intensification, collective farms, state farms.

В исторической науке вопросам развития сельскохозяйственного производства в Российском государстве уделяется особое внимание. Эта тема остается актуальной, так как отражает опыт, полученный предшествующими поколениями в данной сфере.

Немалый интерес представляет развитие сельскохозяйственной отрасли в 1960-е гг. В марте 1965 г. была предпринята попытка коренного реформирования аграрной сферы страны. Выяснению вопроса о том, что способствовало стремлению к переменам в сельскохозяйственной отрасли в это время, посвящены работы таких исследователей, как В.В. Милосердова [7], И.Е. Зеленина [3], М.А. Безнина, Т.М. Димони [2] и др. Вместе с тем на региональном уровне вопросы аграрной политики оказываются наименее изученными, в то время как исследование социально-экономической обстановки страны на примере конкретного региона позволит выявить особенности осуществления поставленных сверху директив на местах, а следовательно, определить результаты проводимых преобразований в целом. Одним из примеров может служить Рязанская область как типичный регион Нечерноземной зоны. Различные ас-

пекты развития сельского хозяйства затронуты в работах историка А.Ф. Агарева [1], коллективном труде по рязанской области «История одной губернии: очерки истории Рязанского края 1778–2000 гг.» [14]. При этом некоторые аспекты данной темы до сих пор остаются нераскрытыми.

В первой половине 1960-х гг. основные показатели сельскохозяйственных отраслей в среднем по Рязанской области были низкими, а себестоимость продукции высокой. Слабыми темпами осуществлялось водоснабжение и электрификация районов. Несмотря на списание 36 млн р. подоходного налога и отсрочки платежей по ссудам Госбанка, финансовое положение хозяйств оставалось тяжелым. Просроченная задолженность колхозов на 1 декабря 1960 г. составила 158,7 млн р. [3. Л. 461]. Рязанская область в связи со сложившейся ситуацией оказалась неспособной развивать сельскохозяйственную отрасль без финансовой поддержки сверху.

Одной из причин недостаточных темпов развития сельского хозяйства области являлось отсутствие материальной заинтересованности колхозников и рабочих совхозов в увеличении продукции сельского хозяйства. Заработная плата работника в сельском хозяйстве заметно отличалась от заработной платы промышленника. Так, в 1960 г. среднемесячная номинальная заработная плата работника в промышленности Рязанской области составляла 72,8 р., в сельском хозяйстве – 48,2 р. [20, с. 122]. Следовательно, доходы рабочего заметно превышали доходы сельского труженика, что способствовало поиску последними лучшей жизни в городе. Это в свою очередь вело и к нехватке специалистов и работников массовых профессий в этой сфере производства.

Кроме того, остро стоял вопрос развития материально-технической базы. На производстве все еще преобладал ручной труд, производительность труда была низкой.

Следует отметить, что для решения сложившихся проблем в аграрной сфере предпринимались некоторые меры. В первую очередь, как и в прежние годы, для улучшения показателей производства использовались призывы к социалистическому соревнованию на предприятиях. Колхозам – победителям соревнований – райком и райисполком области вручали переходящее Красное знамя. Передовики колхозов и совхозов получали переходящие красные платки и вымпелы [8. Л. 10–11]. Лучшие работники награждались премиями, нагрудными значками «Отличник социалистического соревнования сельского хозяйства РСФСР». На базе лучших колхозов и совхозов области создавались школы передового опыта по изучению передовых приемов ведения полеводства и животноводства.

Агитаторская работа активно использовалась и в прессе. Также для поднятия инициативы специалистов производства проводились конкурсы и смотры.

Определённые шаги были сделаны в отношении поднятия интереса к работе у колхозников. В 1962–1964 гг. колхозы области стали переходить на денежную оплату и хозрасчет, что благоприятно отразилось на деятельности хозяйств. Известен опыт перехода на денежную оплату труда колхоза «Россия» Старожиловского района. Председатель колхоза Н.Е. Самофал ввел еще и поощрение к месячному заработку за перевыполнение заданий. Эти нововведения поначалу вызывали сомнения у колхозников, а со временем привели к повышению производительности труда в этом хозяйстве [18, с. 163–164].

Проводилась и работа по укреплению материально-технической базы. Понемногу область начала переходить на беспривязное и бесстаночное содержание скота. Зачинателями перехода области на новый метод содержания коров были доярки, Герои Социалистического Труда Анна Федоровна Ивкина и Александра Степановна Николаева. В 1961 г. в колхозах и совхозах области работало 378 доильных установок типа «ёлочка». В связи с этим количество доярок сократилось, себестоимость молока снизилась на 20–25 %, а производительность труда повысилась в четыре раза [3. Л. 104–105].

Все же особое внимание при рассмотрении вопросов развития сельского хозяйства Рязанской области уделялось организационным методам, а именно: преобразованию колхозов в совхозы, укрупнению хозяйств, а также преобразованиям в управленческих структурах. Однако зачастую подобная политика негативно отражалась на развитии хозяйств. Так, председателем колхоза им. Куйбышева А.Д. Кирюшкиным на XII областной партийной конференции 28–29 сентября 1961 г. был поставлен вопрос о возникновении череполосицы после трех объединений с соседними артелями, что, по его мнению, осложняло использование техники и способствовало экономическим потерям [3. Л. 28].

В марте 1962 г. состоялся Пленум ЦК КПСС и Совета министров СССР, по результатам которого было издано постановление «О перестройке управления сельским хозяйством». Для контроля над исполнением решений в области сельского хозяйства были созданы территориальные производственные колхозно-совхозные или совхозно-колхозные управления со штатом инспекторов-организаторов [15, с. 48]. Кроме того, в 1962–1964 гг. в областных партийных органах на основании решений ноябрьского (1962 г.) Пленума ЦК КПСС была проведена реорганизация по производственному принципу, в ходе которой образовались две самостоятельные партийные орга-

низации – промышленная и сельская со всеми руководящими органами. Однако эта структура оказалась громоздкой и сложной, на местах присутствовала частая смена руководящих кадров. Реформа не дала желаемых результатов, вследствие чего на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС в 1964 г. было принято решение вернуться к построению партийных организаций и их руководящих органов по территориально-производственному принципу [19, с. 403].

В 1963–1964 гг. Н.С. Хрущев попытался провести более осознанные реформы. Данный курс реформ отразился на последних Пленумах в декабре 1963 и феврале 1964 г.

Декабрьский Пленум ЦК КПСС 1963 г. был посвящен ускоренному развитию химической промышленности как важнейшего условия подъема сельскохозяйственного производства. В частности, в постановлении говорилось о необходимости технического оснащения колхозов и совхозов машинами и механизмами для внесения удобрений и средств защиты растений, а также расширения подготовки специалистов-агрохимиков, агрономов, зоотехников [16, с. 378–386].

Руководством страны были предприняты попытки обеспечить сельскохозяйственную отрасль квалифицированными специалистами. В целом по Рязанской области в указанный период времени проводилось обучение колхозников, рабочих совхозов и специалистов сельского хозяйства на семинарах, в агротехнических школах, школах передового опыта, в школах механизаторского всеобуча, на четырехмесячных курсах в училищах механизации [10. Л. 82]. В то же время специалистов сельского хозяйства по-прежнему не хватало, особенно в экономически слабых хозяйствах. В колхозе «Новый труд» Рязанского района в 1962–1964 гг. школу окончили 85 юношей и девушек, но только 6 чел. остались работать на селе [5. Л. 46]. Вследствие большой текучести кадров и неправильного их распределения по местам работы в 1964 г. 84 колхоза области, в том числе 18 отстающих, не имели ни одного специалиста сельского хозяйства, в 132 колхозах не было зоотехников, свыше 200 хозяйств не имели инженеров или техников-механиков [9. Л. 82].

Одной из основных причин этого являлись плохие материально-бытовые условия жизни. Так, зоотехники Морозова и Шкарова колхозов «Победа» и «Путь к победе» Шацкого производственного управления вынуждены были уйти с работы в связи с тем, что им длительное время не платили заработную плату. В колхозах «Свобода», «Заветы Ленина» и им. Дзержинского Рязанского производственного управления зарплата специалистам задерживалась на 3–4 и даже 5 месяцев.

Следует отметить, что далеко не все производственные управления, колхозы и совхозы посылали на учебу передовиков сельского хозяйства с выплатой им стипендий за счет хозяйств, как это было предусмотрено постановлением Совета Министров СССР от 18 сентября 1959 г. «Об участии промышленных предприятий, совхозов и колхозов в комплектовании вузов и техникумов и в подготовке специалистов для всех предприятий». Из обучающихся в Рязанском сельскохозяйственном институте и сельскохозяйственных техникумах области от хозяйств были направлены и получали стипендию только 60 чел. [10. Л. 60].

На Пленуме ЦК КПСС в феврале 1964 г. был обсужден вопрос «Об интенсификации сельскохозяйственного производства на основе широкого применения удобрений, развития орошения, комплексной механизации и внедрения достижений науки и передового опыта для быстрейшего увеличения производства сельскохозяйственной продукции». На Пленуме также были затронуты вопросы улучшения материально-технической базы колхозов и совхозов, повышения производства минеральных удобрений и увеличения капиталовложений в сельское хозяйство с 985 млн р. в 1953 г. до 5 млрд 100 млн р. в 1963 г. [19, с. 398–400]. Предполагалось проводить интенсификацию сельского хозяйства посредством достижений науки и передового опыта.

В социальной политике села была предпринята попытка превратить сельских жителей в сельскохозяйственных рабочих, приблизить их уровень жизни к жизни в городе. 15 июля 1964 г. Верховный Совет СССР принял Закон о пенсиях и пособиях членам колхозов. В советской деревне впервые устанавливалась государственная система социального обеспечения колхозников, вводились пенсии по старости, для мужчин – с 65 лет, а для женщин – с 60 лет. Выплаты производились за счет отчислений от доходов колхозов и ежегодных ассигнований государственного бюджета [13, с. 89]. Ранее пенсионное обеспечение колхозов осуществлялось за счет средств колхозов и не носило обязательный гарантированный характер. С января 1965 г. все нетрудоспособные члены артелей стали получать пенсии [21, с. 543].

Несмотря на определённые подвижки, условия быта в районах Рязанской области по-прежнему существенно отличались от жизни в городе. Так, в течение 1964 г. из 752 населенных пунктов Рязанской области пользовались электроэнергией только 434 населенных пункта или 29 570 дворов из общего количества 48 011, что составило 61,6 % [12. Л. 87]. Торговля была развита слабо. Часто, имея деньги, сельское население ничего не могло на них купить, так как в магазинах отсутствовал товар.

Исходя из приведенных данных, можно сделать вывод, что несмотря на предпринятые попытки, сблизить условия жизни городских рабочих и сельских жителей к середине 1960-х гг. так и не удалось. Отсутствие материальной заинтересованности, скудность бытовых услуг сельскому населению – все это влияло на стремление сельских жителей переехать в города, что, в свою очередь, приводило к нехватке специалистов в сельскохозяйственном производстве, а следовательно, не способствовало дальнейшему развитию сельскохозяйственной отрасли.

О результатах проводимой в области аграрной политики можно судить исходя из показателей сельскохозяйственного производства. В 1964 г. план по производству валовой продукции по совхозам области был недовыполнен на 13,3 млн. р., или на 15,6 %: в том числе по растениеводству на 7,1 млн р., или 13,8 %, и по животноводству на 6,2 млн р., или на 18,3 %. Особенно плохо был выполнен план по производству валовой продукции технических культур (82,1 %), кормовых культур (74,8 %), по пчеловодству (68,8 %), овцеводству (61,7 %) и свиноводству (55,9 %). Из 73 совхозов только 19 закончили 1964 г. с прибылью, а 54 – с убытком. По финансовым результатам сумма убытка составила 8 626 р. В то же время по сравнению с предыдущим годом валовое производство продукции сельского хозяйства было увеличено [12. Л. 6, 85, 88, 137–138].

Невысокая урожайность объяснялась недостаточным количеством вносимых удобрений, малой обеспеченностью сортавыми кормами. В сводном годовом отчете управления по основной деятельности подчеркивалось, что в большинстве совхозов не были созданы семеноводческие отделения. Отмечались также неблагоприятные погодные условия [12. Л. 114–116]. Основными причинами невыполнения плана по производству животноводческой продукции являлись неполноценное кормление в зимний период молодняка крупного рогатого скота, низкий уровень проведения ветеринарной работы.

Не удалось также снизить себестоимость продукции. Так, фактическая себестоимость молока оказалась больше плановой на 33,3 %, мяса свиней – на 64,4 %, шерсти – на 50,3 %, а себестоимость яиц – на 68,8 %. Причиной превышения плановой себестоимости было удорожание фактической себестоимости кормов против плановой. Так, фактическая себестоимость собственных кормов в среднем за 1964 г. была выше плановой на 35–50 % [12. Л. 119].

Закупочные цены на ряд продуктов сельского хозяйства, в первую очередь животноводческой отрасли, не покрывали затрат на их производство, вследствие чего колхозы и совхозы области терпели убытки. Достаточно сказать, что цена реализации мяса крупного ро-

гатого скота в колхозах в 1964 г. составила 77 р. 71 к., а себестоимость приравнивалась к 85 р. 23 к., в совхозах дело обстояло еще хуже: при себестоимости 130 р. 24 к. цена реализации центнера мяса составляла 87 р. Подобные явления происходили и при производстве мяса свиней, яиц [6. Л. 4]. Приведенные данные позволяют заключить, что чем больше производилось в хозяйствах мяса, яиц, тем больше они терпели убытков. Все это требовало перемен в аграрной политике.

Итак, несмотря на некоторые улучшения по сравнению с предыдущим годом, результаты оставались весьма неудовлетворительными. Техника, имевшаяся в совхозах, использовалась недостаточно, а новой техники в хозяйствах было мало. Трудоемкие процессы в животноводстве были механизированы слабо: механизированную подачу воды имели 47% крупного рогатого скота, 49,6 % свиней, 20,8 % овец, 69,5 % птицы, механизированную раздачу кормов – только 0,2 % крупного рогатого скота, 4,4 % свиней, 1,4 % птицы, механизированным доением обслуживалось 20 % коров [12. Л. 162].

В ряде колхозов недостаточно внимания уделялось улучшению организации и оплаты труда, повышению материальной заинтересованности колхозников и рабочих совхозов, неудовлетворительно велась работа по введению хозрасчета, аккордно-премиальной оплаты труда, сокращению и удешевлению административно-управленческого аппарата, внедрению в производство достижений науки и передовой практики. Наблюдались серьезные упущения по подбору руководящих кадров [4. Л. 3]. Планы закупок сельхозпродуктов доводились до колхозов и совхозов с опозданиями, более того, они неоднократно менялись.

14 октября 1964 г. Пленум ЦК КПСС удовлетворил просьбу Н.С. Хрущева об освобождении его от обязанности Первого секретаря ЦК КПСС, члена Президиума ЦК КПСС и председателя Совета министров СССР [16, с. 418]. Началась критика политики Н.С. Хрущева, что было отражено и в документах Рязанской области. На XIII Рязанской областной партийной конференции 15 декабря 1964 г. объявлялось, что ноябрьский Пленум осудил бесконечные, непродуманные перестройки в управлении народным хозяйством, проводимые товарищем Хрущевым, а также безответственные рекомендации по руководству сельским хозяйством и другим вопросам, которые приносили большой ущерб делу коммунистического строительства [5. Л. 4].

На собрании Рязанского областного партийного актива в апреле 1965 г. констатировалось, что, несмотря на упорную работу областной партийной организации по исправлению положения дел в сель-

ском хозяйстве, большого улучшения экономического положения в колхозах и совхозах добиться не удалось [6. Л. 5].

Вышесказанное позволяет сделать вывод о достаточно низком уровне развития сельского хозяйства к середине 1960-х гг. Поставленных целей по поднятию качественных и количественных показателей сельскохозяйственного производства выполнить не удалось. Не были решены вопросы усовершенствования материально-технической базы, поднятия заинтересованности сельскохозяйственных работников.

В то же время следует отметить определенные прогрессивные тенденции. К ним можно отнести возрождение идеи организации системы сельскохозяйственных звеньев для того, чтобы заинтересовать работников в результатах труда. Участники механизированного звена отвечали за весь технологический цикл, а оплата их труда производилась в зависимости от количества и качества произведенной продукции [22, с. 327]. Так, звеньевой механизатор Рязского района из колхоза им. Советской армии Алексей Иванович Романов на площади 81 га вырастил сахарную свеклу по 250 ц с гектара или более 2 000 т, что составило одну десятую часть валового сбора всего Рязского района [5. Л. 12–13]. В области имелись и другие подобные примеры.

При анализе событий тех лет нельзя не остановиться и на рассмотрении истории отдельных личностей, оказавших влияние на развитие своего района. Талантливые руководители хозяйств, такие как Иван Егорович Балов, Герой Социалистического Труда, почётный гражданин Рязанской области, руководитель колхоза им. Ленина Старожиловского района с 1954 г. Сергей Васильевич Бакулин, возглавивший в 1962 г. колхоз им. Коминтерна Сараевского района, и некоторые другие способствовали превращению своих хозяйств в передовые. Неслучайно особое внимание партийных руководителей области вместе с Первым секретарём Рязанского обкома КПСС К.Н. Гришиным [19, с. 481] было обращено на укрепление партийных организаций всех уровней и подбор руководящих партийных кадров, улучшение состава партийных комитетов [19, с. 400].

Итак, к середине 1965 г. в связи с низкими показателями развития сельскохозяйственного производства стала очевидной необходимость решения сложившихся проблем. Опыт предшествующих лет говорил о невозможности совершенствования аграрной отрасли без привлечения больших материальных вложений. В свою очередь следует учитывать преобладающий характер аграрной политики последующих лет. Курс, направленный на интенсификацию сельскохозяйственного производства на основе широкого применения удобрений, развития орошения, комплексной механизации и вне-

дрения достижений науки и передового опыта для быстрого увеличения производства сельскохозяйственной продукции, провозглашенный в феврале 1964 г., нашел свое отражение в постановлениях 1965 г. Кроме того, такие начинания, как преобразования колхозов в совхозы, укрупнение хозяйств, использование системы механизированных звеньев были продолжены.

Список литературы

1. Агарев А.Ф. Суровая правда. Рязанское крестьянство в послевоенные годы (1960–1964): события, факты, лица в документах. – Рязань, 2007.
2. Безнин М.А., Димони Т.М. Российская аграрная модернизация 1930-х годов – начала XXI века // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография; методы исследования и методология; опыт и перспективы. XXXI сес. симпозиума по аграрной истории восточной Европы: тез. докл. и сообщений. Вологда, 23–26 сент. 2008. – М., 2008. – С. 156–157.
3. Государственный архив Рязанской области (далее ГАРО). Ф. П-3. Оп. 7. Д. 4.
4. ГАРО. Ф. П-3. Оп. 7. Д. 281.
5. ГАРО. Ф. П-3. Оп. 7. Д. 282.
6. ГАРО. Ф. П-3. Оп. 7. Д. 304.
7. ГАРО. Ф. Р-2997. Оп. 1. Д. 6873.
8. ГАРО. Ф. Р-2997. Оп. 1. Д. 7574.
9. ГАРО. Ф. Р-2997. Оп. 1. Д. 8168.
10. ГАРО. Ф. Р-2997. Оп. 1. Д. 8169.
11. ГАРО. Ф. Р-2997. Оп. 1. Д. 8317.
12. ГАРО. Ф. Р-2997. Оп. 1. Д. 8396.
13. Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство страны // Отечественная история. – 2000. – №1. – С. 76–93.
14. История одной губернии: очерки истории Рязанского края 1778–2000 гг. / под ред. П.В. Акульшина. – Рязань, 2000.
15. Каландадзе А.М. Основные функции территориальных производственных колхозно-совхозных управлений [Электронный ресурс] // Правоведение. – 1962. – № 3. – С. 48–58. – URL: <http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1129496>.
16. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). – 9-е изд., доп. и испр. – М.: Политиздат, 1986. – Т. 10. 1961–1965.
17. Милосердов В.В., Милосердов К.В. Аграрная политика России – XX век. – М., 2002.
18. На трудной земле: сб. – М., 1978.
19. Очерки истории Рязанской организации КПСС. – М., 1974.
20. Рязанской области 70 лет: юбилейный стат. сб. – Рязань, 2007.
21. Советское крестьянство. Краткий очерк истории. (1917–1970) / под ред. В.П. Данилова и др. – 2-е изд., доп. – М., 1973.
22. Тимошина Т.М. Экономическая история России: учеб. пособие / Т.М. Тимошина; под ред. М.Н. Чепурина; МГИМО (У) МИД России. – 9-е изд., перераб. и доп. – М., 2003.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94(485)«1604/1750»

Р. Н. Ахметшина

Дворянско-помещичья экспансия в Швеции первой половины XVII в.

Дворянско-помещичья экспансия Швеции XVII в. была следствием и проявлением международных и общеевропейских процессов и выражалась в расширении не дворянского домена, а дворянского землевладения и в предоставлении новых податных льгот, включавших прямые уступки по некоторым традиционным государственным платежам крестьян.

The aristocratic landowners' expansion of the XVIIth century was the aftermath and appearance of international and all-European processes and expressed in extension of aristocratic landowning and providing the new tax benefits, including exemptions of some traditional state taxes for peasants, but not the extension of noble domain.

Ключевые слова: дворянское землевладение, крестьянское землевладение, поземельный доход, владельческие права, дворянские привилегии, государственные налоги и сборы.

Key words: Aristocratic landowning, peasant land tenure, land revenue, owner's rights, benefits of aristocracy, state taxes and fees.

В первой половине XVII в., в царствование Карла IX, затем Густава II Адольфа и особенно в годы самостоятельного правления королевы Кристины количество дворян-землевладельцев росло быстрее, чем когда-либо в предшествующую или последующую пору шведской истории. Это объяснялось увеличением количества государственных военно-служилых кадров, по преимуществу кадров дворянского происхождения, соответственно возросшими потребностями в его вознаграждении, земельными домогательствами дворянства и, наконец, нуждой самой казны в деньгах. Сочетание того и другого – роста командного аппарата и земельных appetитов чиновников, генералов и офицеров – с особой силой проявилось как раз в первой половине XVII в.

Таким образом, внутренние социально-политические причины дворянско-помещичьей экспансии трудно отделить от их внешних предпосылок. Внешние завоевания Швеции требовали расширения

аппарата, военного прежде всего, его пополнения своими и иностранными кадрами. Денежные поступления извне – иностранные субсидии и займы, таможенные доходы, спекулятивная торговая прибыль – наряду с вновь завоеванными заморскими территориями облегчали казне расставание с государственным земельным фондом (податным, собственным и коронным). Растущему спросу на шведские земельные выдачи соответствовало и растущее предложение таких земель. Экспансия внешняя и внутренняя, дворянско-офицерско-чиновничья взаимно подстегивали одна другую.

Вместе с тем оба политических процесса – внутренний и внешний – имели и определенные экономические предпосылки. Первая половина XVII в. была периодом продолжавшегося и временно затихавшего роста сельскохозяйственных и сырьевых цен, укрепления крупных дворянско-барщинных имений во всем балтийско-скандинавском регионе, роста балтийского и североморского торгового судоходства, умножения косвенных налоговых поступлений, широкого, еще невиданного в Швеции учреждения новых городов, внутренней колонизации. Все эти обстоятельства осознавались и даже преувеличивались современниками. Отсюда, с одной стороны, готовность шведской казны сравнительно легко пожертвовать своими прямыми, поземельными доходами и, с другой – интерес дворянства к землевладению, к получению натуральных рент, его погоня за земельными выдачами из государственного фонда, к разграблению, пользуясь выражением Маркса в «Капитале», коронных земель [7, р. 735].

Таким образом, дворянско-помещичья экспансия в Швеции была следствием и проявлением больших международных, общеевропейских процессов изменения соотношения сил между державами, экономического роста, свойственных XVI и первой половине XVII в. Именно в первой половине XVII в. Швеция и шведское народное хозяйство, как верно подметил еще Хекшер, оказались впервые под столь сильным международным воздействием.

Предметом дворянско-помещичьей и в то же время военно-чиновничьей экспансии были как недвижимость, земли разного рода, так и – как раз в большинстве случаев – доходы с них, по тогдашнему словоупотреблению, ренты. Земли включали культурные, обжитые, обрабатываемые участки в первую очередь, но также безлюдные пространства, водоемы, рудники, замки. Поземельные доходы – это, как правило, поступления с податных крестьян, их королевские подати (*skatt*).

Пожалования земель и земельных доходов имели в рассматриваемый период несколько разновидностей форм: 1) старинного срочного, в том числе пожизненного, пожалования в лен (*pa livs-*

ochbehaglig tid); 2) столь же традиционного дарения в полную собственность, аллодиального; 3) опять-таки не новых отчуждений за вознаграждения – продажи, заклада, обмена; 4) наконец, дарения феодального (выражение С.А. Нильссона, впервые исследовавшего этот институт), т. е. наследственного ленного пожалования на условиях известного Норчепингского постановления Карла IX от 1604 г. (*Norrköplingsbeslutsgods*), кстати описанного еще в старой русской литературе.

Соотношение этих форм менялось во времени и не может быть восстановлено с точностью. В XVI в. еще преобладали срочные ленные пожалования. Ими вознаграждались служилые дворяне и прочие королевские служащие. Вместе с тем коронные земли дарились в аллод, в полную собственность. Подати в строгом смысле, т. е. поступления с податных земель, становились предметом дарения (*skattedonation*) дворянского права (*Frälserätt*), т. е. уступались отдельным дворянам редко и почти исключительно на земли, уже купленные дворянином у крестьянина. Только в 1594 г., по Нильссону, обнаружен первый случай «податного дарения» земли, не принадлежащей одариваемому, получателю-дворянину. При герцоге Карле, и особенно при его преемниках, оно стало практиковаться все чаще: податные земли вместе с крестьянами, сидевшими на них, стали отчуждаться в форме наследственного, но условного дарения. Эта форма и стала в XVII в. преобладающей, согласно постановлению 1604 г. единственно законной, но на деле, особенно в самостоятельное правление Кристины, опять-таки сосуществовавшей с аллодиальным дарением. Сохраняли свое значение и передачи земли за вознаграждение, в первую очередь их продажа частным лицам. Напротив, срочные ленные пожалования в пору экспансии решительно сократились.

Рост дворянского землевладения, отмеченный ранее для XVII в., особенно для его последней трети, продолжался с нарастанием вплоть до середины 50-х гг. XVII в.

В свете дополнений и уточнений Нильссона рост дворянского землевладения в первой половине XVII в. оказывается более плавным, чем представлял себе Хекшер. В свете нильссоновской критики мы лишаемся возможности оценить темпы роста дворянских земель по периодам: царствования Густава Адольфа, регентства при Кристине и ее самостоятельного правления. Из данных Нильссона явствует, что уже на исходе тридцатилетней войны, в 1648 г., общие размеры дворянского землевладения в Швеции и Финляндии, вместе взятых, по сравнению с 1560 г. удвоились и достигли 34 670 единиц полного обложения (манталей). В 1655 г., т. е. в конце царствования Кристины, цифра эта вновь сильно – в полтора

раза – выросла и достигла 51 134 манталей, или опять-таки 63,3 % от общего размера облагаемых земель в Швеции и Финляндии [9, р. 30].

Не следуя буквально процентным данным Хекшера, можно все же принять его вывод, что на первом месте по объему отчуждений в пользу дворян стояли годы самостоятельного правления Кристины, в особенности начало 50-х гг., затем – правление Густава Адольфа и, наконец, регентство 1632–44 гг. Добавим, что графств и бароний в Швеции и Финляндии насчитывалось в 1632 г. соответственно 3 и 5, а в 1654 г. – 20 и 33 [13, р. 99]. Когда королева в государственном совете говорила в 1649 г., что «вся страна принадлежит дворянству», это не было большим преувеличением [12, р. 3].

К этому времени дворянское землевладение распространялось по обеим странам, составлявшим Шведское государство, крайне неравномерно. Всего выше его удельный вес был в земледельческих и скотоводческо-земледельческих плотно населенных провинциях (ленах) восточной и южной Швеции. Иными словами, оно было распространено прежде всего на лучших равнинных землях. На первом месте тут шли Упланд и Сёдерманланд (83–89 % облагаемой земли), за ними Кальмарский лен – приморская часть Смоланда, Эльфсборгский лен – часть Вестеретланда, а также юго-западная Финляндия. С продвижением на север, на запад и в горы доля дворянского землевладения быстро снижалась. В обширном Коппарбергском лене, т. е. в Даларна, даже в 1654 г. насчитывалось всего 122 помещичьих хеммана. Сходную картину находим в Вестманланде, в лене Эребру. На большей же части Швеции, прежде всего в Норланде, как и на большей части Финляндии, дворянское землевладение отсутствовало даже в пору его наибольшего распространения.

Размеры землевладения были у отдельных дворян весьма различны. 22 семейства в 1653 г. присваивали более одной пятой всех поземельных доходов (рент) в Швеции и Финляндии. Крупнейшими землевладельцами были графы и бароны, имевшие в среднем по 160 полных хемманов. Первым среди них был граф Браге с его 747 хемманами, составлявшими графство Визингсборг в северном Смоланде. Наряду со знатью имелось и множество мелких дворян, владевших в Швеции, и особенно в Финляндии, лишь несколькими – от одного до четырех – хемманами.

В отличие от роста дворянского землевладения в целом вопрос о дворянском хозяйстве, предпринимательстве, о домене исследован применительно к Швеции меньше. Первые общешведские характеристики, как и по многим другим вопросам, дали Х. Форссель в XIX и Э.Ф. Хекшер в первой трети XX вв. В 60–х гг. новые, в том

числе количественные, обобщения были сделаны крупными шведскими исследователями Я.Э. Альмквистом, С. Хельмфридом, С.А. Нильссоном, М. Реверой и И. Мунктелль.

В середине XVII в. дворянские сельские усадьбы вместе с прилегающими к ним близлежащими крестьянскими дворами, а также, конечно, жилищами дворовых слуг составляли в Швеции в совокупности минимум 6100 манталей (единиц полного налогообложения), т. е. около 15 % всей дворянской и 10 % всей облагаемой (культурной) площади. Сами имения занимали, естественно, еще меньшую площадь: 3600 манталей, или 9 % всей дворянской и 6 % всей облагаемой земли в собственно Швеции (в Финляндии несколько больше – 7 %). Укажем для сравнения, что в шведской Эстонии XVII в. господская пашня, домен достигал 25 % всей культивируемой площади. Размещались эти дворянские резиденции в районах преобладающего дворянского землевладения, т. е. в районах наиболее успешного сельскохозяйственного производства – в Упланде, Седерманланде, Эстерьетланде и Вестерьетланде, конечно, и во вновь присоединенных с 1660 г. провинциях крайнего юга [1, р. 441]. До этого приращения насчитывалось в общей сложности более двух тысяч таких формальных имений-резиденций в собственно Швеции. Больше всего их было основано как раз в изучаемом столетии, причем особенно много – в годы после Вестфальского мира. Новых имений было основано одной Финляндией 800. Напомним для сравнения, что к началу века их насчитывалось в Швеции всего около 400 [3, р. 22; 5, р. 153].

Подавляющее большинство этих имений по размерам своей пахотной площади до XVII в. не отличались от полнонадельного крестьянского хозяйства соответствующей местности. Даже у крупной знати на рубеже XV–XVI вв. собственное хозяйство составляло как минимум пять-шесть полных крестьянских наделов [8, р. 121]. В XVII в. размеры их выросли: среднее взвешенное составило для Упланда и Седерманланда уже 37 га, в Эстерьетланде 17 га, в Вестерьетланде лишь 7,5 га. Россенхане определяет размер среднего имения в Упланде и Седерманланде в 25 га пашни. Конечно, на фоне датских (и сконских) латифундий шведские имения XVII в. выглядели весьма скромно [3, р. 23–24].

Сравнительно новое, недавнее, свежее происхождение шведских имений указывает на особые причины, их породившие. С последней трети XVI в. такие имения вместе с близлежащими крестьянскими дворами и усадьбами дворянских слуг и служащих полностью освобождались от государственных податей и повинностей. Поэтому первопричиной быстрого их распространения считаются налоговые льготы [10, р. 116]. К этому неминуемо должны

были добавиться – особенно с сокращением и с прекращением после 1654 г. земельных раздач – также и хозяйственные расчеты на более рентабельное использование земли под именем.

Имена охотно устраивались на стародворянской, т. е. аллодиальной дворянской земле, принадлежавшей дворянину-владельцу на правах аллода, полной собственности. Опасность закрепощения окончательно исчезла для податных и коронных крестьян, и причитающиеся с них натуральные постоянные налоги и повинности были раз и навсегда закреплены без права их изменения. На внеочередные, главным образом военные, нужды взимались подушные чрезвычайные налоги. Владельческие права податных крестьян были благодаря редукции укреплены, их социальное превосходство над двумя другими разрядами крестьян подчеркнуто [4, р. 290–293; 2, р. 354–359]. Объективно антифеодальный характер редукции очевиден, и он был еще усилен военной реформой Карла XI.

Высвобождение для нужд казны крупных натурально-денежных поступлений с отобранных у дворянства крестьянских дворов позволило самодержавному монарху реорганизовать и уплату жалования офицерам и чиновникам и вообще комплектование вооруженных сил страны. Рекрутчина, ненавистная крестьянству, была вместе с тем обременительна для правительства ввиду необходимости всякий раз собирать риксдаг и добиваться его согласия на очередной набор. Отныне же подати с определенных дворов закреплялись¹ за конкретными государственными служащими, офицерами и чиновниками как полагающееся им жалование. Кроме того, предоставлялись казенные усадьбы-бостели (термин из быта позднейшей русской Финляндии от соответствующего шведского *boställe*). Такими усадьбами служили и бывшие дворянские имения-сеттерии. Служащие короны, жившие вблизи, скорее могли удовлетвориться натуральным вознаграждением. Редукция сопровождалась, таким образом, восстановлением натуральных основ шведского государственного хозяйства и чисто формально означала возврат к средневековой бенефициальной системе вознаграждения за государственную службу. Такой порядок, впрочем, существовал и в XVI – начале XVII в. для содержания кавалерийских полков, но был подорван земельными раздачами дворянству. Теперь тот или иной крестьянский двор, податной или коронный, обязывался взамен внесения подати в казну содержать солдата-кавалериста, которому предоставлялась также усадьба с небольшим участком земли (*ryttartorp*). Доход с нее вычитался из жалования кавалериста. По-

---

¹ Шведский термин «indelmning», т. е. закрепление, распределение, был распространен затем на весь новый порядок, включая территориальную систему комплектования рядового состава.

следнего соответствующий крестьянин нанимал, отсюда название для поселенного кавалериста (*aventjänare* – вооруженный слуга). Крестьянин – содержатель кавалериста – получил старинное почетное еще дворянское название «рустгалтер» (*rusthalltär* – тоже из русско-финляндского словоупотребления), но уже без дворянских привилегий. При нехватке его податей для содержания ратника соседние дворы добавляли часть своих податей, так называемое «увеличение», «*autment*». «Рустгалтер» оставался крестьянином, но крестьянином высшей категории [11, p. 323; 6, p. 221, etc. 299–300].

Более распространенной была повинность по содержанию солдат-пехотинцев, кнехтов (отсюда название системы *knektehället*). Для этого вернулись тоже к уже известной со времен Густава Адольфа практике содержания отдельными провинциями полков взамен избавления от рекрутчины. Теперь область, бравшая на себя (первоначально посредством контракта короля с местными землевладельцами, будь то крестьяне или дворяне) обязательство содержать пехотный полк (1200 чел.), делилась на соответствующее (тоже 1200) число по возможности равных «рот», откуда сама разверстка получила название *rotering*, т. е. ротации. Обычно рота состояла из двух полнонадельных хозяйств, то из них, где селился солдат и получал усадьбу-торо с пашней и лугом, называлось «основной ротой» (*stamrote*). Каждая рота взамен освобождения от рекрутчины обязывалась нанять такого солдата, обеспечить его землей (или жильем), обмундированием и годовым жалованием, примерно соответствовавшим тогдашним ставкам батрацкого жалования. Приморские уезды взяли на себя содержание матросов (*bålsmannshället*) по такому же принципу ротации.

Поселенный солдат материально был близок батраку, зачастую и трудился как батрак или ремесленник, однако униформа придавала ему известный социальный вес. Поселенные же офицеры со временем превратились в рачительных сельских хозяев кулацкого типа. При всем своем средневековом обличье поселенная система явилась поначалу благом для крестьянства. Система была однако рассчитана на мирное время, на миролюбивую внешнюю политику, какой в целом держался Карл XI после Сконской войны. В годы Великой северной войны нормы ротации были сильно повышены [4, p. 298–300].

Старая шведская историография, а у нас Берендтс и Виппер, подхватили и приняли всерьез дворянское прозвище Карла XI (и Карла IX) как «крестьянского короля». Для такой оценки нет оснований. Карл XI умело использовал крестьянское сословие в риксдаге как политическую силу, охранял крестьян, особенно крестьянскую верхушку, от произвола отдельных помещиков и чиновников на мес-

тах. Он, в частности, настоял на невмешательстве местных властей в выборы крестьянских депутатов риксдага. При Карле XI существенно улучшилось шведское судопроизводство, и без того сравнительно развитое для своего времени, освободил его от многих феодальных элементов, проистекавших из дворянских привилегий. Последние при Карле XI, как мы видели, многократно нарушались; король осуществлял обложения не одних крестьян, но также горожан и даже дворян, включая ранее не облагавшиеся дворянские имения-сеттерии. Ранее неизвестный налог на имущество вообще мало касался крестьян [4, р.14, 17–18]. Карл XII в отношении крестьянства продолжал сравнительно прогрессивный курс своего отца, насколько это допускали условия Северной войны – первой, какую великодержавная Швеция вела в основном своими людскими силами и на собственные нужды.

Список литературы

1. Hammarström J. Kronnan, adeln och bonderna under 1600-talet. 1964. B. 4.
2. Heckscher E.F. Svensk arbete och liv från medeltiden till nutiden. – Stockholm, 1971. D. 2.
3. Helmfrid S. Die Bauerngesellschaft im Ostseeraum und im Norden um 1600. Asta Viruensia, Visby, 1966.
4. Ingers E. Och Carlsson S. Bonden i svensk historia. – Stockholm, 1943–1956. D. 1.
5. Jutikkala E. Sammanfattning – Från medeltid till valfardssamhälle. – Stockholm, 1976.
6. Jutikkala E. Bonden i Finland genom tiderna. – Helsingfors, 1983.
7. Marx K. Kapital. – M., 1973. T. 1.
8. Munktel I.-M. Gods, godsägare och landbjur 1450–1520. – Göteborg, 1982.
9. Nilsson S.A. På väg mot reduktionen. Studier i svenskt 1600-tal. – Stockholm, 1964.
10. Revera M. Adlig gidschrift i 1600-talets Sverige. Från medeltid till valfardssamhälle. – Stockholm, 1976.
11. Rosen J. Skånska privilegier och reductions frågor 1658-1686. – Lund, 1964.
12. Svenska riksrådets protokoll. XIII.
13. Swedluns R. Grev – och frihetskampen i Sverige och Finland före 1680. – Uppsala, 1936.

Эволюция консервативного движения США в 1986–1989 гг.

Консервативное движение США – классический пример политических объединений, требующих яркого лидера и теряющихся при его отсутствии. В статье рассматривается тот период в истории движения, когда консерваторы находились в поиске лидера для создания единой коалиции, и события, связанные с его потерей. Эволюция консервативного движения США в 1986–1989 гг. прослеживается сквозь призму изменившегося мира – появление предпосылок падения коммунистических режимов в Восточной Европе, объединение Германии и распад СССР – события, которые повлияли на развитие движения.

U.S. conservative movement is a classic example of political associations that require bright leader and getting lost in its absence. The article deals with the period in the history of the movement, when the Conservatives were in search of a leader to create a unified coalition and the events surrounding his loss. The evolution of the conservative movement in the United States 1986-1989 years can be traced through the lens of a changing world - the future fall of the communist regimes in Eastern Europe, the unification of Germany and the collapse of the Soviet Union – the events which influenced the development of the movement.

Ключевые слова: история США, консерватизм, либералы, республиканская партия, Рейган, Буш-ст.

Key words: the US History, conservatism, liberals, Republican party, Reagan, Bush Sr.

Консервативное движение США никогда не было сплоченной политической силой, однако попытки создания коалиции предпринимались в послевоенное время неоднократно и приносили определенные плоды. Консерватизм как идеологическое движение, далеко не полностью совпадающее с идейным полем республиканской партии, но частично выступающее за его пределы, имеет внутри себя примерно пять достаточно отчетливых идейных позиций. На эти идейные различия накладываются множество других: региональных, корпоративных, конфессиональных, этнических и др. Однако эти дополнительные факторы ни в коем случае не оттеняют решающую роль принципиальных идеологических установок, которые, кристаллизуясь вокруг тех или иных фигур, органов печати, мозговых центров, задают всему политическому процессу определенную устойчивость и делают его проницаемым для анализа.

Российский политолог Б.Н. Межуев предложил «бабочкообразную» структуру современного американского консерватизма, которая начала формироваться в конце 80-х гг. XX в. На правом крыле исследователь расположил неоконсерваторов, на левом – палеоконсерваторов, а стягивающий оба крыла республиканский центр автор отдает реалистам, или умеренным республиканцам. «Возможность определения подобной структуры, – отмечает автор, – стало возможно только в конце XX в., когда на повестке дня стоят в первую очередь вопросы внешней политики и когда от решения именно этих вопросов во многом зависит выбор экономической стратегии государства» [1, с. 2].

Изучение консервативного движения Соединенных Штатов особенно важно в связи с необходимостью выявления степени влияния различных фракций на решение основных проблем внутривнутриполитического развития США.

Основная цель статьи – определение тенденций в становлении и эволюции идеологии и организации фракций консервативного движения США.

Консервативное движение Соединенных Штатов изучалось как в отечественной, так и в американской историографии. Достаточное освещение проблема получила в работах историков А.Ю. Мельвеля [3], В.В. Согрина [4] и И.К. Лапшиной [1] Среди современных американских историков следует выделить работы М. Уоттенберга [13], Д. Уайта и Дж. Грина [15].

Американское консервативное движение, набравшее силу в период после Второй мировой войны, к 1980-м гг. превратилось в относительно легко трансформирующуюся политическую силу Соединенных Штатов и мира. Как уже отмечалось, консервативное движение США никогда не было однородным и объединенным в единую коалицию. Однако политические реалии 70–80-х гг. XX в. вынудили консерваторов искать возможные пути интеграции и разрабатывать систему компромиссов для общего консервативного блага.

В начале 80-х гг. XX в., в момент прихода к власти Рональда Рейгана, большинство историков, политологов и заинтересованных лиц задавались одним вопросом: «Каким образом консервативное движение, потерпевшее сокрушительное поражение в президентских выборах 1964 г., всего за 16 лет восстановилось в глазах американского населения к президентской гонке 1980 г.?» На первый взгляд, это политический камбэк века, однако при подробном изучении – это продукт определенного политического момента, который объединил неустойчивое движение. В либеральной прессе консерваторов идеологически относят к правому крылу [9, р. 4]. При де-

тальном рассмотрении же представители консервативного движения столь же разнообразны, как и их оппоненты.

Победа Рейгана в 1980 г. была частично результатом провала внутренней политики администрации Дж. Картера, т. е. итогом безудержного роста инфляции и скандала, названного «Ирангейт». Это был также результат организованной кампании по неоправданному «раздуванию» Советской угрозы.

Консерваторы разделены не только идеологически, так как в изучении консервативного движения как единого целого прослеживается глубокое личностное соперничество, а также организационная слабость ввиду меньшей публичности отдельных ветвей консерватизма. По мнению Пола Вейриха [14, р. 3], либералы имеют преимущество – они более сплоченные, в то время как консерваторы более индивидуалисты. Консервативному мышлению необходимо кого-либо направлять и вдохновлять. Либералы, на его взгляд, были привлекательны по своим идеям и идеологии. Они работают вместе без каких-либо авторитетов.

Многие национальные консервативные организации построены вокруг харизматичных лидеров и могут не пережить их ухода. Признанные мозговые центры – Американский институт предпринимательства, Институт Гувера, Институт Гудзона – наиболее стабильны, но многие из них склоняются к центристам под влиянием неоконсервативной администрации. Американский консервативный союз довольно устойчивая организация, однако система управления строится на авторитете лидера Д. Кина, так же как и американская семейная ассоциация зависит от Д. Вайлдмана. Существуют конкретные примеры организаций, которые самораспустились или были распущены из-за идеологической переориентации их лидеров или из-за их смерти: в 1989 г. был расформирован союз «Моральное большинство и свобода федерации» из-за того, что его лидер, преподобный Дж. Фалуэлл, переориентировался с решений проблем консервативного движения на внутренние проблемы церкви; в 1986 г. Национальный консервативно-политический действующий комитет, который сыграл немалую роль в победе над демократами на президентских выборах 1980 г., не смог оправиться от смерти лидера Т. Долана; личный политический проект Г. Филлипса по созданию национального консервативного совета был приостановлен ввиду переориентации задач создателя, которому были поручены организация и продвижение национальной партии налогоплательщиков Соединенных Штатов, однако проект провалился, и Филлипс был окончательно выведен из игры на долгое время [15, р. 96].

Несмотря на успехи консервативного движения в годы правления Рейгана, некоторые консервативные лидеры беспокоились о

недостаточности правого статуса структуры на низшем уровне. В «Полиси Ревью» [5, р. 26] П. Вайриха отмечал, что многие консерваторы по своим убеждениям остаются монархистами. Пока существует политический институт президентства, то существование самого государства имеет смысл. Вся политика локальна, власть означает способность «держат территорию» на местном и государственном уровне. Консервативный и либертарианский аналитические центры работают в десятках государств и связываются через группу Мэдисон, а через американский законодательный биржевой совет соединены воедино консервативные законодатели.

Консервативное движение разработало несколько структур, которые могут мобилизовать физические лица и организации на местном уровне – фундаменталистская сеть церквей, религиозные радио- и телевизионные сети и кампании вокруг таких вопросов, как противостояние абортам, однополым бракам, контроль над огнестрельным оружием. Консерваторы также мобилизовали местные торговые палаты и бизнес-ассоциации, чтобы конкурировать с либералами, призвали лидеров профсоюзов, чернокожего населения США и испаноязычные организации мобилизовать своих членов в качестве агитаторов. С другой стороны, консерваторы несопоставимы с сообществом сетей прогрессивных организаций, общественных фондов, которые финансируют местные группы, или интернет-блоггеров и других групп, собирающих средства для поддержки кандидатов.

Консервативные лидеры были более искусны в зарабатывании денег для себя и своего дома, чем в получении денежных средств, на которые они поднимаются в большую политику. Молодой консервативный политический деятель Э. Мориц писал в «Хэрикеджд Фаундейшн», что консерваторы утверждают, что денежные средства семи из четырнадцати комитетов идут на агитационные политические действия и просветительскую деятельность, однако на самом деле только два из них активно участвуют в президентских кампаниях и кампаниях по выборам в Конгресс. По Морицу, консервативное движение страдает от «синдрома Джима и Тэмми Баккера» – нежелание и/или неспособность навести у себя порядок в этических вопросах сбора денежных средств на активную политическую деятельность. Социолог Питер Бергер [7, р. 173] выступил с оригинальным предложением разделить все консервативное движение, поскольку большинство консерваторов склонны просматривать историю как неизбежное и постоянное снижение от лучшего времени в прошлом, классифицировать типы консерватизма периодами, которые определяются как «золотой век» и начало упадка:

- традиционные консерваторы – для католических традиционалистов период начиная с XIII в., для англиканских – с XVII в.;

- палеоконсерваторы (так как они более связаны с южными аграрными территориями) – период довоенного Юга;
- представители либертарианского направления – относятся к периоду XIX в. – «золотому веку» для плантаторов;
- правые популисты – также XIX в., однако центром их деятельности стали маленькие города Америки.

Пиком расцвета неоконсервативной ветви считается период до середины 1960-х гг. – абсолютно иное видение проблем нежели у традиционалистов.

Существуют различия в философских обоснованиях неоконсерваторов в либерально-демократической современности (оценки свободы, самоуправления и равенства возможностей) и палеоконсерваторов в средневековой христианской теологии (оценки веры, иерархия и отпущение грехов – индульгенции). Однако антикоммунизм объединяет эти совершенно разные направления – неоконсерваторы против коммунистической идеологии, потому что коммунизм является врагом свободы и демократии, а палеоконсерваторы потому, что это враг религии, традиции и иерархии.

Традиционные консерваторы. Рассел Кирк, автор «Консервативного мышления» [10], был одним из немногих уважаемых представителей традиционалистов. Бакли и его окружение в «Нэшнл Ревью», основанном в 1955 г., представили современную концепцию консерватизма через смесь трех потоков мысли: традиционализм Бурка, свободный рынок либертарианской экономики и антикоммунизм. Несколько бывших коммунистов, в том числе Уиттакер Чемберс, были близки к журналу – а редакторский пост занимали политические деятели, которые ранее были коммунистами (Франк Майер) и троцкистами (Джеймс Бернхэм, Уиллмор Кендалл). Бакли и коллектив «Нэшнл Ревью» превратили консерватизм в интеллектуально респектабельное идеологическое движение и принесли его в политическую жизнь страны.

В 1960 г. состоялось учредительное собрание «Молодые американцы за свободу» в доме Бакли в г. Шарон, штат Коннектикут, на котором была принята декларация С. Эванса о принципах консерватизма, известная как заявление Шарона. Бакли принял участие в создании Американского консервативного союза (ACU) в 1964 г. после поражения Голдуотера. Бакли работал с ACU достаточно продолжительное время, но впоследствии «стал играть больше каталитическую, а не организационную роль». В последние годы Бакли увлекся либертарианской идеологией Тори, отказываясь от защиты прав предприятий организовывать мелкие партии, но выступая в пользу некоторой степени легализации наркотиков и обличая Пэта Бьюкенена за антисемитские заявления. Традиционные

консерваторы старой школы, устав от «идеологического коктейля», созданного Бакли, вновь возвратились к традиционным положениям и называются палеоконсерваторами.

Либертарианское направление. Прогрессивные критики в наше время осуждают данную «анархию с паевыми инвестиционными фондами и горячими ваннами», но ее сторонники считают, что невмешательство в экономическую и социальную философии есть истинный путь к свободе и демократии. Либертарианство построено на основе работ таких экономистов в классической либеральной традиции, как Фридрих фон Хайек, Людвиг фон Мизес. Либертарианцы ратуют за свободные рынки и осуждают все формы государственного контроля, регулирования или вмешательства.

Айн Рэнд вдохновила многих молодых либертарианцев своими романами «Источник» (1943) и «Атланта» (1957). Рэнд разработала философию экономического индивидуализма, получившую название «объективизм», который выделяется экономическим эгоизмом (символом ее героини является знак доллара) [14, р. 91]. Среди круга ее молодых последователей во главе с психологом Натаниэлом Брэндоном был также экономист Алан Гринспен, председатель Федеральной резервной системы с 1987 по 2006 г. Либертарианство как идеологически ориентированное направление в консерватизме приобрело более респектабельный вид в социальной философии Роберта Нозик в романах «Анархия», «Государство и утопия» в ответ на утилитарные заявления Джона Ролза о либеральном государстве благосостояния в романе «Теория справедливости».

Лучших показателей на президентских выборах они добились в 1980 г., когда Э. Кларк и Д. Кох, выставленные в качестве кандидатов на должность президента и вице-президента от либертарианской партии, получили 920 тыс. голосов американцев (1,1 % от общего числа проголосовавших). В 1984 г. партийный список Либертарианской партии возглавил Д. Берглэнд, а в 1988 г. республиканский конгрессмен от штата Техас Р. Пол. В 1992 г. кандидатом в президенты стал А. Марроу. Хотя либертарианцы на самом деле являются «третьей» партией, они слишком далеко позади республиканцев и демократов.

Новые правые. Данное направление было основано молодыми ветеранами кампании «Голдуотер» Ричардом Р. Вигери, Полом Вейрих, Говардом Филлипс – политическими деятелями консервативной идеологии, которые хотели на основе популистского подхода сплотить большинство консервативной коалиции преимущественно вокруг социальных вопросов, а не свободной рыночной экономики. Основой своей поддержки среди американского населения новые правые считали избирателей Дж. Уоллес – белых американцев с

низким и средним доходом, избирателей сенатора Дж. Маккарти, представителей среднего класса Севера Соединенных Штатов, а также демократически настроенных «синих воротничков», истинных католиков, которые не всегда слепо следовали за каждым кандидатом от демократической партии [6, р. 498]. Новые правые постоянно подвергались нападкам традиционных консерваторов за элементы элитарности в их деятельности и их неспособность «пачкать руки» в практической политике.

Говард Филлипс создал консервативный совет, и в середине 1980-х рекламировал «международную организацию борцов за свободу», состоявшую из руководителей контра в Никарагуа, Анголе, Мозамбике, Афганистана. Прекращение активной политической деятельности консервативного совета относят к 1991 г., когда Филлипс направил все усилия совета в сторону оказавшихся бесполезными усилий по созданию новых малых партий и партии американских налогоплательщиков.

Религиозные правые. Правые христиане были активны в политике задолго до конца 1970-х – вспомним хотя бы 1950–1960-е гг. и доктора Фреда Шварца, христианский антикоммунизм Крузаде, христианский крестовый поход Б. Дж. Харгис и радиовыступления преподобного Карла Макинтайр. Новые правые телеевангелисты в некоторой степени основывали свои взгляды на консервативных идеях, однако преподобный Джерри Фалуэлл и преподобный Пэт Робертсон привлекли свою аудиторию в реальную большую политику [15, с. 95]. Фалуэлл создал организацию «Моральное большинство», Робертсон же использовал 700 членов клубной публики в качестве базы для поддержки движения против выставления Джорджа Буша в качестве кандидата в президенты от республиканской партии в 1988 г.

В начале 1980-х гг. антикоммунистическая теория Муна оказалась в сочетании с консервативной программой Рейгана; но уже спустя 10 лет, в августе 1990 г., на конференции в Сан-Франциско Мун объявил себя мессией и перешел в более радикальное направление консерватизма, устроив авторитарную революцию в «Церкви объединения». В последнее время один из лидеров религиозных правых более заинтересован в создании заводов в России, Китае и Северной Корее, т. е. бывших основных объектов критики антикоммунистической коалиции. Консервативные лидеры отказались от преподобного Муна как лидера одного из движений консерватизма.

Неоконсерваторы. Время от времени неоконсерватизм, казалось, развивался под влиянием двух нью-йоркских семей: основатель неоконсервативного движения Ирвинг Кристал, его жена

Гертруда Химмельфарб, историк, и их сын Дан Кристол, а также редактор Норман Подгорец, его жена, писатель и редактор Дектер Мидж, и пасынок Эллиот Абрамс. Журнал Кристола «Паблик Интерест», который перестал выходить в 2002 г., был глашатаем неоконсервативной позиции по внутренней социальной политике, а «Нэшенл Интерест» в основном занимался вопросами внешней политики [8, р. 159]. Конечно, двумя представителями неоконсервативное направление не ограничивается. Джин Киркпатрик получила должность посла ООН в администрации Р. Рейгана за статью о различиях между авторитарным и тоталитарным обществами. Она утверждала, что авторитарное общество в результате сложных и болезненных реформ всех сфер общественной жизни может быть изменено в демократическом направлении, а вот тоталитарное общество трансформации не подлежит [11, р. 16]. Бывший социал-демократ, исполнительный директор Карл Гершман, стал помощником Киркпатрик в ООН, а затем директором Национального фонда за демократию. Видные религиозные политические деятели также вошли в состав неоконсерваторов – католический теолог Майкл Новак, лидер католиков лютеранского толка Ф. Дж. Р. Нейгауз. Однако некоторые интеллектуалы и политики, которым было предложено войти в состав неоконсерваторов, отказались, это в первую очередь социолог Дэниэл Белл и сенатор-демократ от Нью-Йорка Патрик Мойнихан.

Неоконсерваторы достигли наибольшего влияния в течение первого срока администрации Джорджа Буша-младшего. Улучив удобный момент, предоставленный известными событиями 11 сентября 2001 г., неоконсерваторы Пол Вулфовиц и Дуглас Фейт, работавшие в администрации Буша с вице-президентом Диком Чейни, подтолкнули страну к войне с Ираком, заручившись поддержкой внешних консультантов, таких как Ричард Перл, а также журналистов и экспертов – Уильяма Кристола, Чарльза Краутхаммера и Иона Голдберга. Однако в течение второго срока Джорджа Буша мрачные перспективы войны в Ираке вынудили Вулфовиц и Фейт выйти из состава правительства и этим самым значительно уменьшить влияние остальных неоконсерваторов.

Палеоконсерваторы. Палеоконы в качестве мозгового центра использовали Рэдфордский институт под руководством Аллана Карлсон и его публикации [8, р. 72], такие как: «Журнал американской культуры» под редакцией Томаса Флеминга, «Нью Лефт Скриннинг», который черпает вдохновение от теорий южных аграрных консерваторов и вербует местных обозревателей, таких как Джон Шелтон Рид. Патрик Бьюкенен, с его кампанией «Америка прежде всего», представляет собой еще один аспект этой традиции,

его этническое, католическое и изоляционистское, националистическое крыло.

Крайние правые. Дж. Берч, вынужденный уйти от традиционалистов из-за интриг и заговоров, перешел в крайние правые. В общество, которое смогло пережить смерть своего основателя Роберта Уэлш в 1985 г. и получило новое название «Общество Дж. Берча». Однако популярность данного направления неуклонно снижается – с 100 тыс. членов в период своего расцвета до 1964 членов в настоящее время. После серии фракционных споров и раскола общества в 1989 г. Г. Аллен Буболц перенес штаб-квартиру из г. Белмонт, штат Массачусетс, в Эпплтон, штат Висконсин, родной город сенатора Джо Маккарти. После Дж. Берча пост председателя в 1991 г. занял писатель и редактор Джон Мак Манус.

Правые националисты. «Лобби свободы» во главе с Уиллисом Карто стало на некоторое время, как их назвала организация «Антидиффамационная лига», «самой активной антисемитской организацией в стране». Тираж газеты организации «Спотлайт», основанной в 1955 г., доходил несколько раз до более 100 тыс. экземпляров, но вышел из бизнеса в 2001 г. Несколько сотрудников «Лобби свободы» и партнеры вступили в популистскую партия в 1982 г. и выдвинули Дэвида Дюка на пост президента в 1984 г.; раскол партии в 1986 г. лишил Карто авторства идеологии правых националистов. В 1987 г. Карто бежал в Луизиану и вступил в ряды республиканской партии Соединенных Штатов. После долгой судебной баталии оставшиеся активы «Лобби свободы» были переданы «Легиону за выживание свободы», родительской корпорации Института исторического обзора, который пытается опровергнуть факт Холокоста.

Таким образом, за период с 1986 г., времени плодотворного сотрудничества консервативной коалиции во главе с президентом Рейганом, по 1989 г., когда созданный с большим трудом союз консервативных сил начал разваливаться, можно отметить несколько важных тенденций в эволюционном развитии движения. Во-первых, идеологические постулаты фракций изменились за короткий промежуток времени за счет влияния менявшейся международной обстановки. Если в середине 80-х гг. XX в. религиозные правые осуждали коммунистов и получали с этого определенные дивиденды, то к концу 1980-х гг. подобная политическая платформа не давала преимуществ и существенно снизила роль фракции в коалиции. Во-вторых, результатом исследования консервативного движения следует считать определение роли сильного лидера для лоббирования между интересами консервативных организаций. После окончания срока президентства Рейгана коалиция, не увидев в Буше-ст. достойной

замены ушедшему президенту, предпочла действовать собственными силами, что привело к ее распаду.

Перечисленные выше партии не играли самой большой роли в политической жизни США в период после эпохи Рейгана. Но их деятельность внутри консервативного движения привела к интеграции консерваторов. Их приверженность своим идеям не могла не отразиться на общей направленности деятельности Республиканской партии в указанный период, что в свою очередь повлияло на разработку политических платформ и деятельность администраций Рональда Рейгана и Джорджа Буша-ст.

Список литературы

1. Лапшина И.К. Разделенное правление в постиндустриальном обществе США // Вопросы истории. – 2006. – № 10.
2. Межуев Б.Н. Раздел наследства: Рейган и консервативное движение Америки [Электронный ресурс] // Рус. журн. [Офиц. сайт]. – URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/Razdel-nasledstva-Rejgan-i-konservativnoe-dvizhenie-Ameriki> (дата обращения: 24.12.2010).
3. Мельвель А.Ю. Социальная философия современного американского консерватизма. – М., 1976.
4. Согрин В.В. Политическая история США. – М., 2001.
5. Bennett W.J. Completing the Reagan Revolution // Police Review. – Spring.1989; 1:35.
6. Bennett W.J. The Party Of Fear: The American Far Right from Nativism to the Militia Movement. – NY, 1995.
7. Berger P.L., Luckman Th. Social Construction of Reality: a treatise in the sociology of knowledge. – NY, 1966.
8. Berman W.C. America's right turn: From Nixon to Clinton / W.C. Berman, S.I. Kutler. – Baltimore, 1998.
9. Carlson Al. The Family Factors // Touchstone. – 2006; January: 32–35.
10. Kirk R. The Conservative Mind: From Burke to Eliot. – Wash., 2001.
11. Kirkpatrick J.J. The Reagan Doctrine and U.S. Foreign Policy. – NY., 1985.
12. Miller J. The Republicans: Can They Get It Together // The New York Times. 1992; August, 16.
13. Wattenberg M.P. The decline of American political parties 1952–1994. – Cambridge, 1996.
14. Weirich P. The next conservatism and power // Renew America. – 2006. July, 31.
15. White J.K. The politics of ideas: Intellectual challenges facing the American Political parties / J.K. White, J.C. Green. – NY., 2001.

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

УДК 94(47).073

А. В. Россохина

Решение аграрного вопроса в первом варианте Конституции Н.М. Муравьева

В статье рассмотрен первый вариант Конституции Н.М. Муравьева, а именно решение крестьянского вопроса и тесно связанная с ним проблема земельной собственности. Анализируются положения конституционного проекта по реформированию крестьянской деревни, комментарии к ним С.П. Трубецкого, а также оценка содержания данных положений в советской и российской историографии.

This article deals with the first version of the Constitution drawn by N.M. Muraviev, in particular, how this Decembrist suggested solving the peasant issue and the land ownership issues closely related to the former. The article analyzes provisions of the constitutional draft on reforming a peasant village, commented by S.P. Trubeckoy, as well as assessment of those provisions and their contents by the Soviet and Russian historiography.

Ключевые слова: крепостное право, крестьяне, земледелие, право собственности на землю, Конституция Н.М. Муравьева.

Key words: the serfdom, peasants, agriculture, land ownership, the Constitution by N.M. Muraviev.

Одним из конституционных проектов декабристов стала Конституция, написанная Никитой Михайловичем Муравьевым. Представитель одной из самых знатных и аристократических дворянских семей Российской империи, получивший блестящее образование и имевший огромные возможности применения своих способностей на государственной службе и хорошие перспективы роста по ней, выбрал конспиративную деятельность и стал одним из лидеров Северного общества декабристов. Будучи хорошим знатоком правовых аспектов функционирования как Российской империи, так и других стран, а также знакомым с трудами европейских просветителей, он составил свой проект устройства России – Конституцию, которая должна была стать программным документом тайного общества декабристов.

Сохранилось три варианта Конституции Н.М. Муравьева, которые в декабристской историографии были названы: вариант консти-

туции, найденный в бумагах Трубецкого (хронологически первый вариант, его также именуют «минским» вариантом по месту его написания), Пущинский вариант (хронологически второй вариант, его также называют иногда «рылеевским вариантом» или «музейным») и тюремный вариант (наиболее поздний из написанных автором, который был им составлен в Петропавловской крепости в ходе следствия).

В данной статье рассмотрен первый вариант Конституции Н.М. Муравьева, при изучении которого внимание уделено реформированию крепостнической деревни и непосредственно связанной с этим вопросом проблеме наделения крестьян землей после проведения преобразований в аграрной сфере.

Н.М. Муравьев, как и все декабристы, крайне негативно относился к крепостному праву как к постыдному праву обладания другими людьми и возможностью распоряжаться их жизнью. Поэтому по его проекту крепостное право подлежит обязательному и немедленному уничтожению. В ст. 1 главы 1 первой редакции провозглашалось: «Русский народ свободный и независимый, не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства». В ст. 6 главы 3 утверждалось, что крепостное право отменяется [4, с. 255].

Позиция автора по аграрному вопросу отражена в следующих статьях:

«25. Земли помещиков остаются за ними. Особый закон определит вознаграждение, которое обязаны им сделать поселяне, которые вздумают оставить свое селение и переселиться в другое место – за временное прерывание в порядке получения доходов с возделываемой сими поселянами земли.

26. Крестьяне так называемых ныне Экономических и удельных волостей взносят также своему обществу единовременное вознаграждение в подобном случае – за плату земских повинностей вместо их.

27. Крестьяне Экономические и удельные будут называться общими владельцами, равно как и ныне называются вольными хлебопашцами, поелику земля, на которой они живут, признается их собственностью и предоставляется им в общественное владение.

28. Последующие законы могут определить впоследствии каким образом сии земли поступят из общественного в частное владение каждого из поселян и на каких правилах будет основан сей раздел общественной земли между ними» [4, с. 256].

Таким образом, основным положением его крестьянской программы была отмена крепостного права и предоставление крестьянам всех личных прав, установленных для каждого гражданина

России законами (что подтверждается ст. 13, 17, 18, 19 исследуемого варианта Конституции). Как отмечает П.Ф. Никандров, Н.М. Муравьев главный источник зла видел в личной зависимости крестьянина от помещика [10, с. 63], и принцип немедленного освобождения крестьянина автором конституции рассматривался в первую очередь. Об этом же говорит и Э.А. Павлюченко, отмечая, что центральной идеей для Н.М. Муравьева является неотъемлемая свобода индивидуальности, на которую не должно посягать государство [8, с. 41].

Негативное отношение к владению крепостными крестьянами отражается и в п. 24, согласно которому право собственности может распространяться только на одни вещи. В этом положении, как заметил С.А. Егоров, заключался основной принцип естественно-правовой доктрины – человек не может быть ничьей собственностью, и Муравьев старается это подчеркнуть, выделить в своей работе [6, с. 33].

Обратим здесь внимание на еще одну деталь: освобождение личности крестьянина планировалось Н.М. Муравьевым без какого-либо выкупа. В то же время Н.М. Дружинин выводит точку зрения, что выкуп личности крестьянина Муравьевым все-таки предусматривался в «замаскированном» варианте, что отражается в положении ст. 25 Конституции. Автор монографии исходит из того, что уход крестьянина с земель, на которых он ранее проживал и на которых он работал, по сути оставит помещика без работника, и в этом случае полный разрыв помещика с крестьянином должен был «предваряться единовременным, но замаскированным выкупом личности» [4, с. 148]. Более жестко об этом положении Конституции высказался Г.И. Габов. По его мнению, крестьянин в этом случае остается крепостным, так как он «не имел бы права владеть собственностью, ему только разрешалось бы при желании и при наличии на это средств выкупать себя у помещика» [3, с. 156]. Однако отметим, что Муравьевым в конечном итоге не предусматривалась выплата выкупа крестьянином за свое освобождение как таковое. Положениями ст. 25 устанавливалось вознаграждение, которое крестьянин должен уплатить в связи с уходом с земель помещика, т. е. предоставить некую оплату в связи с переходом на другие земли. Такой же точки зрения придерживался и Н.М. Лебедев, утверждая, что этой нормой крестьянин ограничивался в своей свободе ухода с земли помещика, но не более того [5, с. 345]. Данной статьей не предусматривается, что крестьянин должен заплатить помещику за свою личность и возможностью обладания теми правами, которыми Муравьев наделял всех граждан.

Согласно исследуемому проекту Муравьев мыслил безземельное освобождение помещичьих крестьян. Он полагал, что все земли, являющиеся собственностью помещиков, после отмены крепостного права должны остаться в собственности последних без какого бы то ни было наделения крестьян земельным наделом. Ст. 25 жестко прописывает, что все земли помещиков остаются за ними. При этом Муравьев, по-видимому, мыслил, что крестьяне должны будут остаться у этого же помещика на землях и работать на принадлежащей помещику земле. При этом в отличие от законов, предусмотревших отмену крепостного права в Прибалтийских губерниях, в его проекте ничего не сказано об арендных договорах, которые крестьянин сможет заключить с собственником земли. Но в то же время представляется, что именно такой путь отношений и мыслился автором проекта, более того, он предполагал, что крестьяне должны будут остаться на тех же землях, на которых они находились до отмены крепостного права. Об этом свидетельствует положение ст. 25 главы 3 о том, что в случае, если поселянин намерен будет перейти в другое место, то он должен будет выплатить помещику вознаграждение за «прерывание в получении доходов с возделываемой сими поселянами земли». То есть Муравьевым допускалась возможность ухода крестьянина с земель помещика, но только после уплаты соответствующей компенсации. При этом речь у него не идет о выкупе крестьянином самого себя (крестьянину предоставляется весь объем прав и правомочий, который изложен в конституции), а именно о восполнении помещику ухода с его земель и невозможности обрабатывать его землю. Как видно, этим положением не прекращается объем правомочий, предоставленных крестьянам, а снижается его возможность в передвижении на другие земли. Это положение конституционного проекта, по сути, еще более, чем положения законов об отмене крепостного права в Эстляндской, Курляндской и Лифляндской губерниях, привязывало крестьянина к наделу и помещику, на земле которого он находился и работал, так как по принятым законоположениям прибалтийский крестьянин лишался права выезда за пределы определенной территории, но не привязывался к землям своего бывшего господина.

Обратим внимание и на положения ст. 18 и 19 Конституции: «Всякий имеет право заниматься тем промыслом, который ему покажется выгоднейшим: Земледелием, Скотоводством, Охотой, Рыбной ловлею, Рукоделами, Заводами, Торговлею и так далее. Всякий русский вправе ехать, оставаться, словом делать все, что не ограничено и не воспрещается Законом и частными постановлениями, лишь бы он не вредил и не касался чужой собственности» [4, с. 255]. То есть Муравьев полагал, что каждый освобожденный от

крепостной зависимости крестьянин, который в соответствии со ст. 13 Конституции наделялся всеми правами, установленными для гражданина, имеет право самостоятельно выбирать свой род деятельности, и это не обязательно должно быть земледелие. Таким образом, по мысли Муравьева, крестьянин самостоятельно мог выбрать себе род деятельности, и ничто не запрещало ему уйти с земель помещика или поменять его. Но в то же время этим положением ст. 25 он стремился обезопасить помещика от возможного массового перехода крестьян с его земель и занятия ими иным промыслом. В связи с этим можно полагать, что Муравьев рассчитывал, что крестьяне должны будут заключать именно арендные договоры с собственниками земли, исходя из положений о свободе выбора деятельности и положении о принадлежности земли дворянам.

Один из выводов, который можно сделать при изучении этого варианта Конституции, состоит в том, что для Муравьева достаточно важным был принцип неприкосновенности частной собственности, и в исследуемом документе в конкретных положениях встречаются довольно четкие фразы, которые свидетельствуют об этом. Ст. 24 гласит, что право собственности священно и неприкосновенно; ст. 19 говорит о том, что всякий может делать все, что не ограничено постановлениями, лишь бы он не вредил другому и не касался чужой собственности. Нужно признать, что согласно российскому законодательству земля действительно принадлежала помещикам, что закрепляло неограниченные права собственника за помещиками в отношении своего земельного надела. И помещики вовсе не намерены были отказываться от своих прав на землю. Но в то же время подчеркнем, что и крестьяне себя без земли не мыслили, она давала им пропитание, они жили и работали на ней. И это была одна из самых серьезных проблем авторов подобных проектов – каким образом соединить права собственника-помещика и интересы крестьян? А.Н. Муравьев в своем первом варианте конституционного проекта устанавливал, что право собственности на землю остается за дворянами.

Исследуемый вариант Конституции содержит также положения об экономических и удельных крестьянах. Согласно ст. 27 земля, на которой эти категории крестьян работали до отмены крепостного права, «признается их собственностью и предоставляется им в общественное владение». Ст. 28 предусматривается, что в дальнейшем может быть принят закон, которым будет определен порядок перехода этих земель из общественного владения в частное. Основываясь на этом положении Конституции, М.В. Нечкина отмечала, что Муравьевым не предусматривалось безземельное освобождение

ние крестьян, так как отдельным категориям этого сословия он предусматривал передачу в их пользование, а в дальнейшем и в собственность земель [9, с. 385].

Однако по этому поводу хотелось бы заметить, что в Конституции Муравьева явно имеется одно серьезное противоречие: с одной стороны, он утверждает, что эти земли являются собственностью крестьян, которые на них работали, а с другой, – говорит о том, что они переходят в общественное владение, т. е., по сути, принадлежат государству. По-видимому, автор проекта хотел сказать, что эти земли будут находиться в общественном владении до тех пор, пока не выйдет новый закон, который бы передал их в собственность крестьянам, однако в своем проекте он не предусмотрел обязанность издания такого закона, в ст. 28 прописывается, что «последующие законы могут определить» порядок перехода этих земель из категории общественных в частные. Нужно учитывать, что такое положение очень неопределенно – до издания конкретного закона говорить о том, что земли находятся в собственности крестьян необоснованно, так как с юридической точки зрения после освобождения крестьян они по данному проекту должны находиться в общественной собственности, а вот вопросы о том, когда будет принят закон о переходе их в частный фонд, на каких условиях это будет производиться и, наконец, будет ли принят такой законодательный акт вообще (если дословно трактовать текст конституции, то его может и не быть вообще), могли бы породить множество конфликтных ситуаций. Эта норма о землях экономических и удельных крестьян данного варианта Конституции является некорректной и непродуманной в свете возможности реализации такого положения на практике.

К данному проекту на полях были приписаны замечания к тексту Конституции. Они были написаны той же рукой, что и сам текст Конституции, в связи с чем можно установить авторство этих замечаний – им был С.П. Трубецкой. К ст. 25 Трубецкой сделал следующее замечание: «При срочных свободных условиях сие постановление не нужно. А на первой случай должно освобождение так устроить, чтобы подобных разорительных как для помещиков, так и для крестьян переходов не было» [4, с. 256]. Поправка к ст. 25 многими исследователями (М.В. Нечкиной, Н.М. Дружининым) характеризовалась как более демократическая формулировка положений Конституции Муравьева, т. е. позиция Трубецкого выставлялась как более демократическая по отношению к точке зрения Муравьева. М.С. Белосусов высказывает иную точку зрения. Он полагает, что своим комментарием к ст. 25 Трубецкой высказывает критическое отношение не к «замаскированному выкупу личности крестьянина», а кри-

тическое восприятие усложнения процесса освобождения и растягивания сроков, полагая, что в комментарии Трубецкого необходимо сделать упор на слово «срочное». Белоусов полагает, что, по мнению Трубецкого, освобождение должно произойти вместе с введением Конституции, и он своим комментарием именно на это и обратил внимание автора конституционного проекта [1, с. 169].

Однако это мнение достаточно спорное, так как из текста Конституции Н.М. Муравьева не следует, что освобождение крестьян должно быть затянато во времени и что оно не произойдет сразу с объявлением Конституции. Как уже отмечалось ранее, ст. 16 не дает иной трактовки, кроме как немедленного освобождения крестьян от крепостной зависимости, и не определяет каких-то сроков или ограничений. Можно предположить, что, написав комментарий: «при срочных свободных условиях сие постановление не нужно», автор строк, по-видимому, подразумевал освобождение крестьян без уплаты какого-либо выкупа и в дальнейшем заключение с помещиком арендных договоров. То есть под «срочными свободными условиями» Трубецкой подразумевал именно заключение таких арендных («срочных») договоров, согласованных сторонами (на свободных условиях), в связи с чем поправка Муравьева об уплате вознаграждения теряла свой смысл, так как в этом случае помещик ничего лишиться и не должен. Что касается второй части его поправки, то, вероятно, автор имел в виду необходимость установления определенных условий при заключении этих арендных договоров. Фактически этой поправкой он говорит о том, что при освобождении крестьяне должны будут заключить договоры аренды на земельные участки, но при этом на «первое время» необходимо установить определенные условия, которые могли бы быть наиболее выгодными обеим сторонам, т. е. на законодательном уровне определить положения, которыми помещики и крестьяне должны руководствоваться при заключении таких договоров и которые могли бы дать возможность той и другой стороне заключать соглашения на выгодных, а не кабальных для себя условиях.

Можно предположить, что Трубецкой, вероятно, зная о порядке и условиях освобождения крестьян в Прибалтийских губерниях, в какой-то степени намерен был примерить этот порядок и на русских крестьян. Об этом можно также судить, основываясь на показаниях С.П. Трубецкого в ходе следствия, а также «Записках», написанных им после осуждения. Так, согласно его показаниям в ходе следствия, он полагал, что после освобождения крестьян в Немецких губерниях «сия же мера распространится и на Российские и Польские губернии» [2, с. 9]. Аналогичное мнение он высказывал и в своих «Записках» [7, с. 23, 25]. Обратим внимание на еще один нюанс. Как

справедливо отметила в своей монографии М.В. Нечкина, данным замечанием Трубецкой не оспаривал права помещиков на все земли, имеющиеся у них в собственности, следовательно, был согласен с позицией безземельного освобождения [9, с. 395]. Его поправки касались лишь самого порядка, который должен был установиться после реформы. Также известно и его крайне отрицательное отношение к конституционному проекту лидера Южного общества П.И. Пестеля, предусматривающего конфискацию помещичьих земель и передачу их крестьянам. В своих показаниях он писал: «мне не нравилась Конституция Пестелева и я ее совершенно оспаривал» [2, с. 101]. Хотя здесь он не уточнил, что и в аграрном вопросе он также не солидарен с Пестелем, но, учитывая его крайне отрицательную оценку «Русской Правды», можно предположить, что и в данном вопросе он не поддерживал позицию лидера южан.

У нас имеется еще одно интересное свидетельство. Рылеев в ходе своих показаний указал, что С.П. Трубецкой просил его (Рылеева) написать манифест к русскому народу, в котором он также должен был изложить «увещевание, чтобы народ остался в покое, что имущество, как Государственное, так и Частное, остаются неприкосновенными» [2, с. 187–188]. Трубецкой в ходе очной ставки с Рылеевым с этими показаниями последнего согласился [2, с. 104–105]. Анализируя данное свидетельство, можно сделать вывод, что Трубецкой полагал, что все положения российского законодательства относительно прав собственности, в том числе и прав собственности на землю, останутся неприкосновенными, т. е. земля после отмены крепостного права останется за помещиками. И судя по имеющимся у нас в распоряжении документам, С.П. Трубецкой так и остался на позиции безземельного освобождения крестьян. По крайней мере, у нас нет доказательств, которые свидетельствовали бы об обратном. Проанализировав данные комментарии к Конституции Муравьева, его отношение к проведенным реформам в Остзейских губерниях и замалчивание позиции по земельному вопросу (в том числе и в его «Записках»), можно сделать вывод, что, вероятнее всего, он стоял именно на позиции безземельного освобождения крестьян.

Рассматривая поправки С.П. Трубецкого к тексту Конституции, также хочется обратить внимание на замечание к ст. 27, которое звучит следующим образом: «верный способ для стоячего положения земледелия. При общей собственности оно никогда преуспевать не может в усовершенствовании» [4, с. 256]. С.П. Трубецкой также достаточно жестко защищал право частной собственности, полагая, что только по отношению к своей собственности каждый гражданин будет поступать более бережно, ответственно и эффективно.

Анализ первого конституционного проекта свидетельствует о том, что на данном этапе разработки Конституции Муравьев полагал возможным освобождение крестьян без земли и без уплаты последними выкупа за свою личность. Однако в дальнейшем, разрабатывая уже второй и третий варианты проекта государственного устройства, А.Н. Муравьев отказался от этой идеи и прописал в Конституции, что крестьянам должна быть передана земля, хотя и в мизерном количестве. Это свидетельствует о том, что идея об освобождении крестьян с земельным наделом возобладала над идеей безземельного освобождения. На этой же позиции стояла и верховная власть, о чем свидетельствуют проекты, разработанные по указанию императора Александра I.

Список литературы

1. Белоусов М.С. Комментарии С.П. Трубецкого к «Конституции» Н.М. Муравьева // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. История. – 2011. – Вып. 3. – С. 166–172.
2. Восстание декабристов. Материалы по истории восстания декабристов. Дела Верховного Уголовного суда и следственной комиссии, касающиеся государственных преступников. Т. 1 / под общ. ред. М.Н. Покровского. – М., 1925.
3. Габов Г. Общественно-политические и философские взгляды декабристов. – М., 1954.
4. Дружинин Н.М. Революционное движение в России в XIX веке. – М., 1985.
5. Дружинин Н. М. Очерки из истории движения декабристов: сб. ст. – М., 1954.
6. Егоров С.А. Политическое и правовое наследие декабристов Северного общества: историко-юридическое исследование. – Ярославль, 1997.
7. Мемуары декабристов / сост., вступ. ст. и коммент. А.С. Немзера. – М., 1988.
8. Муравьев Н.М. Сочинения и письма. Т. 1. Письма / изд. подготовлено Э.А. Павлюченко. – Иркутск, 2000.
9. Нечкина М. В. Декабристы: в 2-х т. Т. 1. – М., 1955.
10. Никандров П.Ф. Революционная идеология декабристов. – Л., 1976.

**Государственная дума Российской империи
на страницах газеты «Новое время»**

В статье рассмотрена малоизученная проблема – возникновение и развитие парламентской журналистики в России в 1906–1917 гг. В центре внимания вклад журналистов газеты «Новое время» в развитие отечественной парламентской журналистики. Особенно подробно рассматривается журналистская деятельность сотрудников газеты А.А. Пиленко, А.И. Ксюнина, В.В. Розанова в Государственной думе Российской империи. Статья написана на основе воспоминаний, писем, дневников журналистов и депутатов Государственной думы, а также материалов периодической печати того времени, новых архивных документов.

The article is devoted to the little-study problem – the beginnings of the parliamentary journalism in Russia in 1906–1917. During forty years from 70th years of the XIX century till the beginning of the XX century the newspaper «Novoye Vremya» was one of the most popular in Russia. The contribution of the newspaper «Novoye Vremya» to the development of the parliamentary journalism is in our focus. The activities of the leading journalists of the newspaper A.A. Pilenko, A.I. Ksiunin, V.B. Rozanov in the State Duma of the Russian Empire are considered especially detailed. These journalists did not only describe the legislative process but openly demonstrated their civil position. The article is written mainly on the basis of the memorials, the letters, the diaries of the journalists and the deputies of the State Duma and also the periodical press of the beginning of the twentieth century, the new archival documents.

Ключевые слова: газета «Новое время», парламентская журналистика, парламентские корреспонденты, думские журналисты, журналисты в Государственной думе, парламентский репортаж.

Key words: the newspaper «Novoye Vremya», parliamentary journalists, journalists in the State Duma, the State Duma of the Russian Empire, parliamentary reporting.

Петербургская газета «Новое время» являлась одним из наиболее значительных российских изданий в течение 40 лет, с 70-х гг. XIX в. и вплоть до 1917 г. Трудно согласиться с утверждением некоторых современных исследователей, что в 1905–1907 гг. «Новое время» стало «клониться к упадку» [2, с. 92]. Ведь именно на эти годы пришлось становление первого российского парламента, и газета «Новое время» заняла лидирующие позиции в освещении его работы. ««Новое время» искренне и бесповоротно стоит за парла-

ментаризм в европейском смысле этого слова», – выразил единодушное мнение редакции ее ведущий публицист М.О. Меньшиков [4]. История российского парламента представляла на страницах газеты захватывающей и интересной.

Владелец газеты А.С. Суворин стремился превратить ее в «парламент мнений». Правомонархические взгляды на страницах «Нового времени» отстаивала в своих ярких политических фельетонах С.И. Смирнова-Сазонова. Позицию «левее кадетов» занимал В.В. Розанов. От имени умеренных политиков высказывались брат знаменитого премьера А.А. Столыпин, член Петербургского ЦК «Союза 17 октября», публицисты А.А. Пиленко и А.И. Ксюнин. С большими аналитическими статьями регулярно выступал самый высокооплачиваемый журналист страны М.О. Меньшиков, не имевший четко выраженной политической позиции. Этим столь разных по своим взглядам и убеждениям журналистов объединял в газете А.С. Суворин, сам оригинальный и блестящий писатель-публицист. По свидетельству друзей, Алексей Сергеевич каждый вечер, лежа на кушетке в своем кабинете, «выслушивал от сотрудников, посещавших его, разные новости и советы: что предпринять в "Новом времени", что писать, чтобы заинтересовать публику, кого привлечь к сотрудничеству из новых сил» [33, с. 264].

За три недели до открытия I Государственной думы М.О. Меньшиков посетил Таврический дворец. «Кроме зала заседаний сейчас в Таврическом дворце нечего смотреть. Ничего не готово. Меня, как журналиста, остановила оригинальная картина. Стены многих огромных комнат оклеены петербургскими газетами, очевидно – под обои. Отовсюду глядят знакомые заголовки: "Новое время", "Сын Отечества", "Правительственный вестник"... Необъятная, как в океане, рябь газетных строчек. С грустью увидал я собственный фельетон и, как раз, посвященный парламенту. Вот судьба наша – публицистов! В конце концов наше вдохновение идет на подклейку парламентских обоев. Что же – и это служба. ... Без этих распятых на стенах парламента неисчислимых фельетонов, статей, заметок не было бы и самого парламента» [3].

Признанным «королем думского репортажа» по праву считался сотрудник газеты Александр Александрович Пиленко. «Он страшный честолюбец ... с большим размахом. Сейчас у него еще нет имени..., но он себе имя составит, за это ручаются его ловкость, энергия, ораторские способности и нахальство. В Государственной думе он для начала хочет занять место репортера от "Нового времени". Депутаты будут говорить, а он их будет критиковать в газете. Как далеко идут его мечтания, он в пылу увлечения проговорился: "Я хочу, чтобы мне поставили памятник..."», – записала в своем

дневнике сотрудница «Нового времени» С.И. Смирнова-Сазонова [25. Л. 156–157].

Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета А.А. Пиленко оставил преподавательскую и научную карьеру, посвятив себя парламентской журналистике. Но и занимаясь журналистикой профессионально, он остался верен себе, став автором одного из первых юридических исследований деятельности российского парламента [16]. Как и большинство будущих парламентских корреспондентов, А.А. Пиленко начинал с репортажей о предвыборных собраниях. Будучи членом столичного отделения «Союза 17 октября», он пристально следил за думской избирательной кампанией в Петербурге, нередко сам выступал на собраниях и митингах. А.А. Пиленко тяжело переживал оглушительное поражение октябристов на выборах в I Государственную думу и пытался детально в нем разобраться. На страницах «Нового времени» журналист открыто обвинял членов Петербургского ЦК «Союза 17 октября» в провале избирательной кампании в столице, всецело объясняя результаты выборов тактикой участвовавших в них партий. Не ограничиваясь голословными обвинениями, «радикальный октябрист из нововременцев» подверг тщательному анализу предвыборную деятельность руководства «Союза», указав на ряд серьезных тактических ошибок. Важнейшая из них, на взгляд А.А. Пиленко, недооценка значения партийных списков кандидатов в выборщики и депутаты Госдумы. Уже в начале избирательной кампании А.А. Пиленко и ряд его единомышленников постоянно настаивали на заблаговременном опубликовании списков партийных кандидатов по примеру конституционно-демократической партии. «Избирательный список партии – это та же партийная программа, только за подписью лиц, которые взяли на себя обязательства проводить ее в жизнь», – подчеркивал журналист [13]. Однако руководство Петербургского ЦК решило огласить партийный список в самый последний момент, объясняя этот шаг мерами предосторожности: «Иначе газетчики такого понапишут о кандидатах!» [18]. В итоге список кандидатов в выборщики по Петербургу от «Союза 17 октября» и входивших с ним в избирательный блок партий был опубликован в печати лишь 16 марта 1906 г., т. е. за четыре дня до выборов. (За три дня до выборов появились в печати и имена московских выборщиков от умеренных партий.) По убеждению А.А. Пиленко, избиратель попросту не заметил этого списка. Своего молодого сотрудника поддержал А.С. Суворин: «...Имена – великое дело. Бранят ли их или хвалят – все равно, это шаги к известности, к популярности. Союзники "17 октября" этого в такой степени не по-

нимали, что прятали имена своих излюбленных под густыми политическими ресницами» [29].

Крайне неудовлетворительно, на взгляд А.А. Пиленко, проводилась и предвыборная агитация «Союза 17 октября». Напомнив, что агитация «распадается» на устную и письменную, а та, в свою очередь – на газетную и брошюрную, самый талантливый, по мнению А.А. Столыпина [28], оратор партии требовал у лидеров «Союза» подробного отчета: сколько митингов было устроено, какие статьи и где помещены, какие даны ответы на волнующие избирателей вопросы? Особенно возмущало журналиста полное отсутствие у октябристских агитаторов специальной справочной литературы с нужными цифрами, фактами и аргументами. «Эта партия мне с самого начала казалась малодейственной», – вновь соглашался с А.А. Пиленко А.С. Суворин [30]. Критика руководства «Союза 17 октября» стоила журналисту членства в партии. «...Пиленко поехал на третейский суд, – записала в своем дневнике С.И. Смирнова-Сазонова. – Октябристы в своих листках назвали его лжецом. Он за это судится с ними. ... Пиленко так озабочен этим судом, что имеет вид рассеянный и удрученный» [24. Л. 176].

К миссии парламентского корреспондента А.А. Пиленко готовился серьезно и основательно. «Дума не имеет смысла без прессы, – утверждал он, – Самая Дума важна лишь постольку, поскольку она через печать будет находиться в постоянном, живом, непосредственном, ежедневно возобновляющемся общении с избирателями» [12]. Слава лучшего парламентского обозревателя давалась журналисту-нововременцу нелегко: к концу работы III Государственной думы А.А. Пиленко посетил свыше 450 заседаний, а отсутствовал только на шести, переданных коллеге по газете А.И. Ксюнину. «...Приходится забрасывать всю работу, чтобы как-нибудь сохранить свои силы для Думы: руки и ноги трясутся от малейшего напряжения нервов», – жаловался он А.С. Суворину [22. Л. 6].

Парламентские репортажи А.А. Пиленко высоко ценили даже его политические противники. Например, кадетская пресса отмечала, что А.А. Пиленко – «сведущий в конституционном праве автор» [32]. При подготовке думских отчетов он не просто пересказывал бесконечные парламентские дебаты, а всегда старался «предпосылать изложению прений некоторый общий обзор всего заседания как одного органического целого» [11]. Талантливый журналист-нововременец писал не только парламентские репортажи в газету «Новое время», но и публиковал серьезные аналитические статьи о Государственной думе в «Московском еженедельнике», издававшимся Е.Н. Трубецким в 1906–1910 гг.

По свидетельству известной писательницы и журналистки А.В. Тырковой, в Думе очень хорошо работал крайне важный в парламентской жизни стенографический отдел. «Состав стенографисток и ... корректоров тоже был отлично подобран, – вспоминала она. – Депутатам и журналистам стенографические отчеты раздавались иногда в тот же день, под конец заседания» [31, с. 400]. Однако так было не всегда. Во время работы I Государственной думы стенографические отчеты, как правило, публиковались с опозданием в 10–12 дней: отчасти из-за нерасторопности президиума, слишком долго составлявшего текст отчетов, отчасти по вине государственной типографии, не имевшей четко организованных ночных рабочих смен. Бесперебойную деятельность думского стенографического отдела удалось наладить во многом благодаря стараниям А.А. Пиленко. «Где официальные стенографические отчеты заседаний?», – вопрошал он со страниц газеты «Новое время» [14]. «Пресса имеет право требовать, чтобы ей, в интересах общегосударственного дела, сообщались все несекретные документы своевременно и в надлежащем количестве», – настаивал журналист [10]. Энергичный и неутомимый Пиленко не просто критиковал работу думского секретариата, но старался оказать ему посильную помощь: так, он собственноручно редактировал указатель к стенографическим отчетам заседаний Государственной думы.

Публицистов-нововременцев живо интересовали все стороны деятельности первого российского парламента. «Притчей во языцех» уже в I Государственной думе стали постоянные опоздания депутатов на заседания. «По нашему русскому обычаю, хотя перерыв был назначен всего на 15 минут, никто не собирался в залу, и сам председатель не занимал своего места даже и по прошествии получаса. Дума вообще страшно работает, страшно устает и отдыхает в перерывы ...по нервам, а не "по заданному"», – с сарказмом писал об одном из таких заседаний В.В. Розанов [19]. А.А. Пиленко скрупулезно подсчитывал, сколько времени ушло на опоздания депутатов. Получалось, только I Государственная дума могла бы дополнительно проработать 33,5 часа! [16, с. 40]. «Может быть и мои статьи могут повлиять, хотя бы отдаленным образом, на некоторое ускорение темпа думской работы. Руководствуясь этим и только этим соображением, я ... всегда буду толкать депутатов на энергичную работу», – обещал журналист [7].

А.А. Пиленко и А.И. Ксюнин работали в Думе на постоянной основе, С.И. Смирнова-Сазонова, М.О. Меньшиков, В.В. Розанов – от случая к случаю. Думская деятельность корреспондентов начиналась с аккредитации. Существовали два вида такой аккредитации: 1) персональная для журналистов, направляемых на постоянную

работу в Думу, 2) на предъявителя, когда аккредитационная карточка принадлежала редакции издания, направляющего корреспондентов на специальные задания. Кое-кто из журналистов попадал в Таврический дворец без всякой аккредитации. «Я пробрался в Думу "фуксом", – признавался В.В. Розанов, критикуя «безобразнейшие правила», по которым надлежало «за три дня подать председателю заявление о желании посетить Думу» [19].

Большинство европейских парламентов предоставляло журналистам читальные залы, кабинеты для работы, рестораны, а австрийский рейхсрат – еще и возможность заводить собственные телефоны. Условия для работы их российских коллег были гораздо скромнее: в помещении Государственной думы им выделялась лишь небольшая, расположенная рядом с думской библиотекой комната № 35.

В зале заседаний Таврического дворца думским журналистам отводилась специальная ложа, для которой фирма «Ф. Мельцери К» изготовила по госзаказу лишь 34 кресла. Журналистов, желающих работать в первом русском парламенте оказалось гораздо больше. Пришлось спешно оборудовать на хорах зала заседаний Государственной думы дополнительную «верхнюю ложу», уставив ее жесткими венскими стульями. «Господа кадеты! Пожалейте печать! Дайте ей человеческие условия работы! – взывал А.А. Пиленко к руководителям I Государственной думы. – Первые два ряда пресловутой “верхней” ложи еще видят и слышат что-нибудь, третий и четвертый ряды нередко стоят часами на стульях, тщетно улавливая речи ораторов и абсолютно ничего не видя» [12]. Теснота и удаленность «верхней ложи» неприятно удивили и В.В. Розанова, отмечавшего, что хоры «очень непоместительны, и по величине залы – далеки от председателя и от оратора», и журналисты видят депутатов «или с затылка, или в профиль» [19]. «...Только те что-нибудь видят и слышат, кто у самых перил... Вся остальная масса ничего не видит и не слышит. Это я заявляю во всеуслышание, как жалобу перед страной», – поддержал своих коллег М.О. Меньшиков, посетивший Думу в первые дни ее работы [4].

Особую популярность у читателей приобрел раздел «из кулуаров Государственной думы». В кулуарах, где, по справедливому замечанию М.О. Меньшикова, «ни звонок председателя, ни страх говорить перед большим собранием не стесняют свободы слова», депутаты часто откровеннее, чем на официальных заседаниях [5]. Здесь разгорались дискуссии подчас более бурные и интересные, чем в зале заседаний Таврического дворца. «Кулуарная жизнь» депутатов и журналистов протекала в основном в просторном фойе – бывшем бальном зале Таврического дворца. Раздел «Кулуары» в

газете «Новое время» вел А.И. Ксюнин, впоследствии один из лучших военных корреспондентов России. В Государственной думе существовала практика выдачи специальных «кулуарных» билетов представителям периодических изданий.

К началу XX в. огромную популярность в России приобрел новый газетный жанр – интервью. Газета «Новое время» одной из первых в России завела рубрику «Парламентские беседы». В интервью известные политики, общественные деятели, депутаты анализировали расстановку политических сил в стране, взвешивали их шансы на успех в предвыборных кампаниях. Применение жанра интервью, выстроенного по схеме «вопросы-ответы», вызвало изменения в статусе и читательском восприятии журналиста и газеты: ведь внимание читателей привлекалось уже не только к интервьюируемому, но и к личности самого интервьюера. Ранее обезличенный журналист, отождествляемый читателем со своей газетой, приобретал собственное лицо, становился общественной фигурой. Его интеллект, умение «выжать» из собеседника нужную информацию вызывали уважение и интерес читателя к личности интервьюера. Любое интервью требует определенной подготовки. Особенность парламентского интервью связана с необходимостью знать политическую позицию интервьюируемого, расстановку политических сил в парламенте. Одним из лучших интервьюеров в Государственной думе заслуженно считался нововременский публицист А.И. Ксюнин [1].

Наиболее опытные журналисты посещали заседания думских комиссий, которые создавались для предварительной разработки подведомственных Думе дел, а также для решения хозяйственных и других вопросов. У А.А. Пиленко, по свидетельству С.И. Смирновой-Сазоновой, имелся специальный, «от охраны», билет, с которым он «попадал даже экспертом в комиссию» [24. Л. 313]. «Известно, что во всяком общественном учреждении главная, основная, черная, но плодотворная работа делается в комиссиях, – писал А.А. Пиленко, – Недаром в Государственной думе установился взгляд: в общем собрании нетрудно выступать, а ты пойдя да посиди в комиссии...» [17, с. 15]. (Впоследствии опыт «комиссионной работы» очень ему пригодился: в 1911 г. А.А. Пиленко был избран гласным Петербургской городской думы). «Главная работа идет в комиссиях, и там во все не сидят сложа руки, как представляет себе публика», – соглашалась с коллегой С.И. Смирнова-Сазонова [27]. Работа думских комиссий по-настоящему стала налаживаться только в III Государственной думе. Газета «Новое время» первой среди российских изданий ввела у себя специальную рубрику «Думские комиссии».

Участие А.А. Пиленко в работе думских отделов и комиссий порой приводило к конфликту с депутатами – членами комиссий. Так, в начале 1908 г. он опубликовал в «Новом времени» серию заметок и статей, где резко критиковал работу комиссий III Думы и, в частности, деятельность комиссии по народному образованию [8; 11; 15]. «Обвинение в бездеятельности и дармоедстве в настоящее время является настолько серьезным, что его нужно предъявлять с большой осторожностью, остерегаясь ради “полноты и законченности” обличительной статьи незаслуженно оскорблять целые группы лиц», – с негодованием писал нововременскому корреспонденту председатель думской подкомиссии по низшим учебным заведениям Е.П. Ковалевский [26. Л. 6]. Для усиления эффективности работы этих выборных органов А.А. Пиленко предлагал использовать «сокровищницу комиссионного опыта» Государственного совета. «Хотя условия ныне и переменились, но накопленные десятками лет традиции сохраняют свою силу», – полагал журналист [11].

А.С. Суворин щедро оплачивал работу своих ведущих публицистов. Так, А.А. Пиленко зарабатывал думскими отчетами в «Новом времени» очень внушительную по тем временам сумму: до 150 р. в день [25. Л. 488]. «Встретила в конторе "Нового времени" Пиленку. Он все толстеет и выглядит не журналистом, а банкиром», – записала в конце 1910 г. в дневнике С.И. Смирнова-Сазонова [23. Л. 434].

Итак, в начале XX в. парламентская журналистика явилась организатором диалога между российским обществом и властью. Большая заслуга в становлении отечественной парламентской журналистики принадлежит газете «Новое время». В отличие от партийной печати, как правило, освещавшей думские события предвзято и тенденциозно, газета «Новое время» давала читателю полный и всесторонний обзор деятельности первого российского парламента. Лучшие парламентские корреспонденты газеты, такие как А.А. Пиленко, А.И. Ксюнин, не просто описывали законотворческий процесс, но и косвенно в нем участвовали, работая в думских отделах и комиссиях, открыто демонстрируя свою гражданскую позицию.

Список литературы

1. Ксюнин А.И. Государственная дума. В кулуарах // Новое время. – 1908. – 2 нояб.
2. Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века. – М., 2003.
3. Меньшиков М. О. Письма к ближним. В святая святых // Новое время. – 1906. – 9 апр.
4. Меньшиков М.О. Письма к ближним. Два дня в парламенте // Новое время. – 1906. – 14 мая.

5. Меньшиков М.О. Письма к ближним. Новое вече // Новое время. – 1906. – 21 мая.
6. Меньшиков М.О. Письма к ближним. Третья партия // Новое время. – 1906. – 19 февр.
7. Пиленко А.А. В Государственной думе // Новое время. – 1908. – 18 янв.
8. Пиленко А.А. В Государственной думе // Новое время. – 1908. – 9 янв.
9. Пиленко А.А. В Государственной думе // Новое время. – 1907. – 14 марта.
10. Пиленко А.А. Вниманию думского президиума // Новое время. – 1906. – 27 июня.
11. Пиленко А.А. Государственная дума // Новое время. – 1908. – 10 янв.
12. Пиленко А.А. Дума и пресса // Новое время. – 1906. – 26 мая.
13. Пиленко А.А. К выборам в Государственную думу // Новое время. – 1906. – 20 марта.
14. Пиленко А.А. Открытое письмо князю Д.И. Шаховскому // Новое время. – 1906. – 19 мая.
15. Пиленко А.А. Парламентские заметки // Новое время. – 1908. – 12 янв.
16. Пиленко А.А. Русские парламентские прецеденты. – СПб., 1907.
17. Пиленко А.А. Стародумцы и обновленцы. – СПб., 1912.
18. Предвыборная хроника // Новое время. – 1906. – 23 марта.
19. Розанов В.В. В Таврическом дворце // Новое время. – 1906. – 4 июня.
20. Розанов В.В. Из припоминаний и мыслей об А.С. Суворине. – М., 1992.
21. Розанов В.В. Гамлет в роли администратора // Когда начальство ушло... Очерки и воспоминания. – М., 1997. – С. 145–151.
22. Российский государственный архив литературы и искусства. (РГАЛИ). Ф. 459. Оп. 1. Д. 3293. «Письма Пиленко А.А. к Суворину А.С. 1904–1910 гг.»
23. Рукописный отдел Института русской литературы Российской академии наук (РО ИРЛИ РАН). Ф. 285. Оп. 1. Д. 57. «Дневник Смирновой-Сазоновой С.И. Ноябрь 1910 – май 1911 гг.».
24. РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. Оп. 1. Д. 50. «Дневник Смирновой-Сазоновой С.И. Январь–июнь 1907 г.».
25. РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. Оп. 1. Д. 48. «Дневник Смирновой-Сазоновой С.И. Январь–сентябрь 1906 г.».
26. РО ИРЛИ РАН. Ф. 340. Оп. 4. Д. 56. «Письмо Е.П. Ковалевского к А.А. Пиленко от 13 января 1908 г.».
27. Смирнова-Сазонова С.И. Русь в парламенте // Новое время. – 1909. – 30 янв.
28. Столыпин А.А. Заметки // Новое время. – 1906. – 24 марта.
29. Суворин А.А. Маленькие письма // Новое время. – 1906. – 2 апр.
30. Суворин А.С. Маленькие письма // Новое время. – 1906. – 22 марта.
31. Тыркова-Вильямс А.В. То, чего больше не будет: Воспоминания. – М., 1998.
32. Хроника. Печать // Речь. – 1907. – 17 мая.
33. Ясинский И.И. Роман моей жизни: Книга воспоминаний. – М.; Л., 1926.

УДК 94(47).083:002.2

Е. Н. Крылова

Основные направления деятельности Главного управления по делам печати в 1901 г.

В статье рассматривается деятельность Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел за 1901 г. Особое внимание уделено всеподданнейшим докладам министра внутренних дел Д.С. Сипягина императору.

The article is dedicated to the activity of General Administration of Press in the Ministry of the Interior during 1901. Particular attention is given to the reports of Dmitrii Sipyagin as Minister of the Interior to the Emperor of Russia.

Ключевые слова: начальник Главного управления по делам печати, Министерство внутренних дел, Н.В. Шаховской, общественное мнение, печать.

Key words: the head of General Administration of Press in the Ministry of the Interior, Nicholas Shakhovskoy, public opinion, the press, the media.

В начале XX в. Главное управление по делам печати при Министерстве внутренних дел выполняло ряд функций, направленных на формирование мнения общества по самым разнообразным вопросам и проблемам. Рассмотрим для более наглядного примера основные направления деятельности Главного управления по делам печати в 1901 г.

В 1901 г. Главным управлением по делам печати было сделано 11 всеподданнейших докладов [4]. Архивные материалы позволяют пролить свет на то, какие вопросы обсуждались и доводились до сведения императора. Начальником Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел в 1901 г. был Николай Владимирович Шаховской, занимавший этот пост с 1 января 1900 по 25 апреля 1902 г.

В начале 1901 г. на страницах периодической печати бурно и живо обсуждался вопрос реформы образования. Это было связано с прокатившимися по стране студенческими выступлениями, позднее принявшими политический характер и оказавшими влияние на политическую ситуацию в стране в министерство П.Д. Святополк – Мирского [см. об этом подробнее 2; 3]. В начале 1901 г. студенты

требовали отмены «Временных правил об отбывании воинской повинности воспитанниками учебных заведений, удаляемыми из сих заведений за учинение скопом беспорядков», изданных 29 июля 1899 г. «В обществе ходили чудовищные рассказы о том суровом режиме, которому будто бы подвергаются в войсках студенты. Распространялись ложные слухи, что несколько студентов были даже расстреляны. Молодежь волновалась, волновалось и общество. Создавалось крайне враждебное отношение к правительству и, главным образом, к министру народного просвещения Боголепову» [11, с. 83]. 14 февраля 1901 г. состоялось покушение на министра народного просвещения, в результате которого он скончался 2 марта 1901 г. Некоторые круги интеллигенции высказали сочувствие произошедшему событию, что еще больше накалило ситуацию в молодежной среде.

В свете этих событий Главное управление по делам печати старалось проводить политику, направленную на успокоение общества, в частности, в докладах министру внутренних дел обсуждались предлагаемые статьи к печати. Так, начальник Главного управления Н.В. Шаховской отмечал в своей докладной записке министру внутренних дел 19 февраля 1901 г., что «в статье, предназначенной для опубликования в "Новом времени", под заглавием "О политических убийствах" много весьма здравого, отрезвляющего и полезного в целях порядка» [5. Л. 1]. Однако данная статья, по мнению министра внутренних дел Д.С. Сипягина, не полностью соответствовала взглядам министра на суть проблемы, из-за чего Шаховскому было дано распоряжение «воздерживать печать», и как следствие Николай Владимирович обращается к Дмитрию Сергеевичу повторно, затрудняясь дать санкцию на пропуск статьи. «Я не знаю, – писал Н.В. Шаховской, – насколько Вы изволили признать благовременным по поводу одного случая высказывать суждения общего характера о политических покушениях. Высказывая свои суждения, я еще раз свидетельствую, что по существу мысли прилагаемая статья вполне благонамеренна и здорова» [5. Л. 1].

14 марта последовала очередная докладная записка министру внутренних дел по поводу распоряжения об обязательном перепечатывании из «Правительственного вестника» циркуляра по Департаменту полиции от 12 марта, а также о сообщении в повременных изданиях лишь проверенных сведений, касающихся полиции.

В Главное управление были вызваны представители петербургской ежедневной печати, которые выслушали указанные распоряжения и почти единогласно выразили одобрение по поводу закрытия Союза взаимопомощи писателей. В личной беседе Шаховскому сообщили, «с каким насилием влиятельная кучка членов

Союза пыталась достать подписи под протест», подлинник которого Шаховской представил Сипягину. Представители Союза, по словам кн. Ухтомского, прямо шли на закрытие Союза, надеясь на то, что впечатления от этого может вызвать к ним взрыв симпатий со стороны общества. Текст протеста попал в иностранные газеты, и, по мнению Главного управления, это было «сознательное действие участников этой демонстрации, ... факт беспримерный в русской истории». «Таким образом, можно с некоторою уверенностью сказать, – делал вывод Н.В. Шаховской, – что противоправительственной демонстрации чужды органы ежедневной печати, она произведена тою группою русских писателей, которая составляет меньшинство наших литераторов, но сплоченное, в чем его сила. Это в основном руководители и участники изданий – "Жизнь", "Мир Божий" и "Русское богатство". Особенно сильно в протесте представлена "Жизнь" (Ермолаев, Поссе, Максим Горький, Чириков, Рубакин)» [6. Л. 1]. Шаховской отдал распоряжение цензору особенно бдительно и тщательно следить за статьями этого журнала.

Для официальной трактовки происходящих событий правительство решило обратиться к печати. Для этого 19 марта 1901 г. Шаховской вновь представил доклад Дмитрию Сергеевичу Сипягину «о желательности одновременно с сообщением о ходе университетских волнений поместить в "Правительственном вестнике" статьи, объясняющие правительственные меры». В.Н. Шаховской предлагал «вслед за правительственным сообщением о ходе повсеместных университетских беспорядков составить и поместить в "Правительственном вестнике", в отделе фельетона, статью или ряд статей об этих беспорядках и о смысле и значении предпринятых и предпринимаемых правительством мер для их прекращения, для усмирения университетской жизни и для восстановления правильного преподавания в высших учебных заведениях» [7. Л. 1]. Он рекомендовал возвратиться к студенческим волнениям 1899 г., как «впервые положившим начало той системе обструкции, которая и ныне устроена. Исходною точкою должно бы служить правительственное сообщение о результатах расследования Генерал-Адъютанта Ванновского. Затем должен быть разъяснен смысл "Временных правил": это не мера наказания, которая извращала бы в корне значение всеобщей воинской повинности и военной службы, как почетного и высокого долга каждого гражданина послужить для защиты, крепости и славы отечества. Это стремление – потерявших, под влиянием увлечения, понятие о дисциплине и долге перед отечеством молодых людей – поставить в нормальные условия примерной, идеальной дисциплины, приобщить к атмосфере строгого служения государству, которое в одинаковой степени несут и обяза-

ны нести все слои и классы населения» [7. Л. 1–2]. Подводя итог, Шаховской говорил о том, что «меру эту Правительство отнюдь не считало наказанием. ... Следовало бы также суметь оправдать установление различных сроков для разной категории лиц, к коим применяются означенные правила» [7. Л. 2].

После объяснения сути временных правил «надо перейти к существующим ныне волнениям, возбужденным на почве протеста против применения на практике этих правил, указать на ближайšie поводы к привлечению к отбытию воинской повинности стольких-то студентов таких-то университетов. Целью было желание, чтобы академическая жизнь не волновалась, чтобы научное преподавание не прерывалось, чтобы высшая школа, по удалении из нее на время нежелательных элементов, оставалась носителем высшего образования, а не ареною возбуждения страстей» [7. Л. 2–3].

Шаховской указывал в своей докладной записке, что молодежь неправильно понимает цели создания «Временных правил», из-за чего многие студенты, принимающие участие в волнениях, тем самым теряют драгоценное время, отведенное на учебу, лишаясь знаний, необходимых для качественного образования и принесут стране меньше пользы, чем ждет от них государство [1].

Как вариант дальнейшего информирования населения о волнениях Шаховской предлагал сообщить, что «Правительство уже приступило и скоро надеется привести к концу реформу средней школы и что оно вслед за сим имеет в виду коренным образом пересмотреть и положение о высших учебных заведениях, что это дело не легкое, требующее времени и огромного напряжения сил. Волнения и обструкция могут только помешать и задержать надолго правильный ход этого дела. Правительство в его отношении к молодежи руководится искренней к ней любовью и желанием нормального ее развития» [7. Л. 3]. Далее он указывал на то, что «такие статьи должны исходить от Министерства Народного Просвещения, но появиться без подписи. Мне кажется, что можно было бы допустить спокойное их обсуждение в печати. Наряду с этим желательно допущение статей по поводу правительственного сообщения в пределах последнего. Желательно было бы составить и разослать во влиятельные органы заграничной печати статьи в опровержение ложных сведений и толков о происшедших беспорядках. Телеграмм Российского Агентства недостаточно. Мы слишком мало заботимся о том, что о нас говорят за границей» [7. Л. 4].

Николай Владимирович не ограничился лишь рекомендациями по поводу статей в «Правительственном вестнике» и предоставил докладную записку Дмитрию Сергеевичу Сипягину по поводу сдержанных откликов русских газет и журналов на студенческие волне-

ния. Он выразил беспокойство по поводу того, что во время студенческих беспорядков и уличных манифестаций «газеты об этих происшествиях, всех волновавших и возбуждавших всевозможные преувеличенные толки и слухи, не проронили ни единого слова, довольствуясь перепечатками официальных сообщений "Правительственного вестника", когда таковые появлялись» [10. Л. 1]. Такая осторожность печати была признана со стороны Министерства внутренних дел чрезмерной, и умалчивание о фактической стороне событий было сочтено нежелательным, вследствие чего газетам неоднократно были сделаны устные и письменные разъяснения о возможности обсуждения под «известным контролем правительственных учреждений» покушения на жизнь тайного советника Боголепова, студенческих волнений и фабричных беспорядков.

15 апреля 1901 г. Н.В. Шаховской представил министру внутренних дел Д.С. Сипягину интересную докладную записку, которая позволяет пролить свет на работу Главного управления по делам печати.

Начиналась докладная записка с рассмотрения статьи «20 лет покоя» в журнале «Неделя». «За эту статью можно было бы дать журналу предостережение (если я не ошибаюсь третье и приостановить издание), – пишет Н. В. Шаховской, – но этот журнал почти не имеет подписчиков и влачит самое жалкое существование. Все талантливые сотрудники из него вышли. Надо ли обращать внимание в такую минуту на эту статью и ... в таком журнале?» Таким образом, Николай Владимирович увидел в обычных бы, казалось, для Главного управления мерах по отношению к провинившемуся органу печати возможность нежелательного для правительства привлечения к изданию внимания. Журнал, по его мнению, «станет немедленно по опубликованию предостережения ... раскупаться на расхват, зачитываться, переписываться и станет достоянием самых широких кругов читателей» [8. Л. 1].

Далее он сообщал о собрании 14 апреля редакторов бесцензурных изданий, на котором им было предложено понизить приподнятый тон статей, хотя на тот момент статьи редактируемых ими газет вполне удовлетворяли предъявленным требованиям Главное управление по делам печати.

«Теперь необходимо охладить восторженное настроение» в органах общественного мнения. Объявляя это требование представителям изданий, Шаховской указывал на то, что, по его мнению, необходимо подождать результатов этого решения в печати и затем уже налагать взыскание. Было признано, что «замалчивание пресой таких событий приносит более вреда, чем пользы, особенно при непомерном распространении рукописной литературы самого край-

него направления, беспрепятственно проникающей всюду и будоражащей общество во всех его слоях» [8. Л. 2]. Последнее и послужило, по мнению В.Н. Шаховского, действительной причиной приподнятого тона общественных органов печати. «Раз призывает общество (родителей и семьи) к содействию правительству, стало быть без общества правительство в реформировании учебного строя обойтись не может и т. п. Отсюда и некоторые обобщения» [8. Л. 2].

На следующий день, 16 апреля, Шаховской пригласил редакторов других безцензурных изданий и в том числе редактора «Недели». Высказывая свои соображения по поводу действий власти, Шаховской предлагал в этот раз ограничиться по отношению к «Недели» внушением и предупреждением о возможной приостановке на несколько месяцев еженедельного выхода в свет журнала.

Таким образом, анализируя общественное настроение, выражаемое через печать, Шаховской пришел к выводу, что «судить о поведении бесцензурной печати должно только, начиная с 15 апреля, так как 14-го редакторам были преподаны указания относительно неуместности приподнятого тона некоторых статей и обобщений школьного вопроса и общеполитического. После 15 апреля не было замечено уклонений от преподанных указаний. По отношению к школьному вопросу вообще не было статей, возбуждающих молодежь. Все газеты приглашали студентов вернуться к занятиям и держать экзамены. В частности, газета «Русские ведомости» как находящаяся под силою ... примечаний в статье 144, просматривается цензором до выхода в свет. В ней все резкости и неудобные статьи обыкновенно устраниваются цензором из текста газеты» [9. Л. 1].

Следующий доклад по Главному управлению состоялся 9 июня 1901 г.. На всеподданнейшем докладе Николай II одобрил решение министров народного просвещения и юстиции и обер-прокурора святейшего синода о прекращении издания журнала «Жизнь» [4. Л. 9]. К докладу прилагался журнал совещания, в котором, в частности, говорилось, что ежемесячный литературный, научный и политический журнал «Жизнь» по первоначальному плану, предоставленному в 1896 г. на рассмотрение Главного управления по делам печати его первым редактором Воейковым, изначально был задуман с целью знакомства читателей с могуществом России. «Он должен был быть посвящен описанию русских святынь, исторических памятников, причем хроника внутренней и иностранной общественной и государственной жизни должна была состоять собственно из пересказа современных событий, преимущественно по газетным сведениям. Отдел библиографии должен был заключаться в перечне новых книг с критическим очерком некоторых из

них. По мысли редактора, основавшего журнал, он должен был служить исключительно для семейного чтения и преимущественно для провинциальных читателей, выписывающих какое-либо одно периодическое издание. Издание с такого рода невзыскательным и невинным характером имело в виду Главное управление по делам печати, когда не встретило препятствий к разрешению журнала «Жизнь» [4. Л. 11]. Однако постепенно этот журнал после назначения соредактором Ермолаева стал иметь тенденциозный характер, распространяя марксизм, собирая вокруг себя сторонников модных социально-экономических теорий. «Те страницы журнала, которые по первоначальному плану должны бы быть посвящены объективному и беспристрастному обзору событий преимущественно русской жизни, наполняются длинными и специальными статьями о теории ценности Маркса» [4. Л. 12].

Говоря об этих изменениях, в докладной записке указывалось, что такое превращение издания из патриотического в социально-экономическое произошло не без значительного противодействия цензуры, о чем свидетельствует большое число цензорских докладов о запрещении статей. Помимо этих статей, журнал во всем остальном представляет подобие других, так называемых либеральных, толстых журналов с тем различием, что уступает им в серьезности и яркости. Поскольку журнал не пользовался большой популярностью в среде образованной публики, ни Санкт-Петербургский цензурный комитет, ни Главное управление по делам печати не придавали особого значения этому изданию и не находили нужным принимать по отношению к нему какие-либо чрезвычайные меры. «Но в настоящее время он начинает завоевывать в публике интерес и симпатии, имея в этом году уже 13 слишком тысяч подписчиков и широкое распространение среди молодежи и заручившись сотрудничеством такого писателя, как Максим Горький, повесть которого "Трое", помещаемая в 1901 году в журнале, при всех ее художественных достоинствах и жизненной правде, может быть однако комментирована в связи с основным направлением журнала. Вообще самая строгая и бдительная цензура, которая была применена к журналу "Жизнь", устраняя крайние проявления отрицательного направления, не может совершенно его парализовать, когда не только содержание статей, но и подбор и даже самое умолчание об известных предметах – все служит целям проводимой изданием тенденции» [4. Л. 15]. Так как данные аргументы были признаны убедительными, издание было закрыто.

Следующий доклад императору, состоявшийся 10 сентября 1901 г., рассматривал ходатайство о выдаче издателю журнала «Русский архив», действительному статскому советнику Бартеневу

за труды его по разработке материалов для отечественной истории, негласного денежного пособия в течение пяти лет в размере 1 800 р. в год из сумм государственного казначейства [4. Л. 16].

28 ноября 1901 г. было разрешено сложить 1 050 р. в виде особой монаршей милости со счетов недоимки, числящейся за гофмейстером Случевским, взятой на восполнение расходов по изданию «Собрания» его сочинений, из средств газеты «Правительственный вестник» [4. Л. 18].

Заключительный всеподданнейший доклад министра внутренних дел по Главному управлению по делам печати состоялся 12 декабря 1901 г. На нем последовало разрешение Николая II назначить М. Каткову «на таких же основаниях, как и в текущем году, единовременное пособие на издание «Русского вестника» в 1902 г. в размере восьми тысяч рублей из средств государственного казначейства» [4. Л. 20].

Таким образом, правительство пыталось формировать общественное мнение, используя официальные рычаги давления на средства массовой информации: оказывало поддержку проправительственным органам печати и делало предупреждения, закрывало или вызывало на беседы редакторов бесцензурной печати, запрещало обсуждать в печати определенные темы.

Список литературы

1. Веремченко В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX в.). – СПб., 2009.
2. Крылова Е.Н. Общественные настроения в России в начале XX века // Патриотизм и гражданственность в истории России: материалы междунар. науч. конф. 14–16 марта 2013 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова, отв. ред. В.А. Веремченко. – СПб., 2013. – С. 80–83.
3. Крылова Е.Н. «Правительственная весна» П.Д. Святополк-Мирского // Первая русская революция 1905–1907 годов и проблемы становления гражданского общества в России: межвуз. сб. науч. тр. Материалы межвуз. науч. конф. 28 нояб. 2005 г. – СПб., 2005. – С. 37–39.
4. Российский Государственный исторический архив (РГИА) Ф.776. Оп. 1. Д. 34.
5. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (РНБ ОР). Ф. 847. Д. 11.
6. РНБ ОР Ф. 847. Д. 12.
7. РНБ ОР Ф. 847. Д. 13.
8. РНБ ОР Ф. 847. Д. 14.
9. РНБ ОР Ф. 847. Д. 20.
10. РНБ ОР Ф. 847. Д. 21.
11. Спиридович А.И. Записки жандарма. – Харьков, 1927.

**Организация оповещения и связи на постах
ближнего наблюдения на приморских участках границы
Российской империи в конце XIX – начале XX в.**

В статье проанализирована организация оповещения и связи на постах ближнего наблюдения Отдельного корпуса пограничной стражи Российской империи на приморских участках границы российского государства в конце XIX – начале XX в. Большое внимание уделено вопросам внедрения различных способов и средств связи в деле пограничного надзора на море.

Article is devoted to the analysis of notification and communication organization on posts of near supervision of the Separate Corps of Border Guard of the Russian Empire on seaside sites of border of the Russian state at the end of the XIX – the beginning of the XX centuries. Much attention is paid questions of introduction of various ways and means of communication in boundary surveillance on the sea.

Ключевые слова: Отдельный корпус пограничной стражи Российской империи, посты ближнего наблюдения, сигнальные мачты.

Key words: the Separate Corps of Border Guard of the Russian Empire, posts of near supervision, signal masts.

Значительная часть границ Российской империи проходила по Белому, Балтийскому, Чёрному, Азовскому, Каспийскому и Аральскому морям и морям тихоокеанского региона. Общая протяжённость морских границ России к началу XX в. составляла две трети всех её границ, около 40 тыс. вёрст. Поэтому организация их охраны требовала внимания и соответствующих усилий со стороны государства.

Данные о внешней торговле за 1900–1905 гг., приведённые в Ежегоднике центрального статистического комитета МВД России, изданного в 1907 г., показывают, что оборот грузов через сухопутные границы в среднем ежегодно равнялся 505 млн р., а морем – 1029 млн р., т.е. был больше чем вдвое [2, с. 77].

До декабря 1897 г. суда флотилии Отдельного корпуса пограничной стражи (ФОКПС) составляли часть ВМФ Российской империи и числились в его списках. Это сыграло определённую положительную роль в деле оснащения пограничных судов различными средствами связи, которые существовали и на военных кораблях.

Для связи с кораблями ФОКПС и кораблями ВМФ по побережью имелись наблюдательные посты пограничной стражи, которые, как показал опыт Крымской войны 1853–1856 гг., имели большое значение в визуальном обнаружении плавсредств противника и для своевременного доклада об их обнаружении, а также в осуществлении связи кораблей с сушей. Исходя из этого на маяках и морских наблюдательных постах пограничной стражи имелись семафорные сигнальные мачты «образца 1875 года» для «переговоров с судами пограничной Крейсерской флотилии и военными судами» [9. Оп. 12. Д. 285. Л. 2]. Данные мачты, разработанные морским ведомством для всех флотских наблюдательных пунктов, «были устроены главным образом в целях мобилизационных, а затем в целях пограничного надзора» [1. Оп. 110/6. Д. 35. Л. 61 об.].

Это обстоятельство давало возможность строить систему оповещения и связи наблюдательных постов пограничной стражи по войсковому принципу.

Флотилия ОКПС обладала правом иметь на маяках своих наблюдателей для надзора за судами, проходящими в виду маяков. Служащие маяков обязаны были подчиняться всем законным требованиям чинов флотилии.

Однако построенные в середине XIX в. сигнальные мачты на наблюдательных постах пограничной стражи, «несмотря на то, что поддерживались ежегодными ремонтами», спустя 20 лет «пришли в ветхость» [9. Оп. 12. Д. 285. Л. 2].

Да и способ переговоров «между кордонами Балтийского побережья» и пограничными судами был приспособлен «исключительно для охранения побережья от водворения контрабанды», что и было подчеркнуто журналом Особого совещания, состоявшегося 20 и 23 февраля (по старому стилю) 1896 г. под председательством «начальника Генерального штаба по вопросу организации наблюдения в военное время за Балтийским побережьем». В результате было выработано решение, согласно которому наблюдение за морским побережьем «может быть возложено кроме военного и морского ведомств и на Отдельный корпус пограничной стражи, для чего на постах этой стражи, расположенных по берегам Балтийского моря, Финского и Рижского заливов, надлежит установить сигнальные мачты и семафоры и снабдить эти посты принадлежностями для производства сигнализации» [9. Оп. 12. Д. 285. Л. 2]. Кроме того, морским ведомством было признано «необходимым устройство сигнализации» на 122 наблюдательных постах ОКПС «на новых, более широких началах, которое вполне отвечало бы всем требованиям военного времени». Причём «для всестороннего ознакомления с сигналопроизводством по вновь выработанным правилам» было

решено «приступить ныне же к устройству сигналов по новой системе, дабы чины пограничной стражи постоянной практикой в мирное время были уже подготовлены на случай открытия военных действий». И хотя обустройство постов ОКПС новой сигнализацией осуществлялось морским ведомством «в целях чисто военного характера», но по существу своему признавалось полезным «и для мирного времени в пограничном отношении для производства сигналов между постами пограничной стражи» и пограничными судами [9. Оп. 12. Д. 285. Л. 3].

Тогда же во исполнение предложений Особого совещания по приказу управляющего Морским министерством была создана комиссия «для разработки свода необходимейших сигналов для переговоров постов пограничной стражи с проходящими военными судами», в которую вошли и представители управления ОКПС.

Комиссией была составлена сигнальная книжка, которая затем была отпечатана «на средства Морского министерства и бесплатно разослана на все приморские посты пограничной стражи».

Безусловно, из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что вся система сигнализации и оповещения строилась в основном в интересах военного и морского ведомств, оплата за мачты осуществлялась ими централизованно.

Решение Особого совещания было утверждено 17 (29) ноября 1897 г. императором Николаем II, а обустройство наблюдательных постов ОКПС новой сигнализацией производилось в «течение трёх лет, с 1898 по 1900 гг. с отпуском по 20 тыс. рублей ежегодно» [9. Оп. 12. Д. 285. Л. 3, 5].

Таким образом, к началу XX в. «для установления большой связи между крейсерами флотилии Корпуса, в отношении службы по пограничному надзору, на постах Стражи по Балтийскому побережью, Высочайше утверждённым мнением Государственного Совета, установлена сигнализация, причём устроены мачты и при них семафоры, флаги и фонари, для переговоров с крейсерами» [14, с. 435].

В комплект оптической сигнализации приморских постов ОКПС входили: «мачта с принадлежностями, семафор, два комплекта флагов, два сигнальных фонаря, шар сигнальный, 48 арш. флагдука, ящик для флагов, бинокль, зрительная труба, журнал для записи сигналов, канцелярские принадлежности и бланки для телеграмм» [9. Оп. 12. Д. 285. Л. 2].

Командованием ОКПС постоянно уделялось внимание имеющимся в частях пограничного ведомства наблюдательным постам. Об этом красноречиво свидетельствует приказ по первому округу ОКПС «об инспекторском смотре Аренбургской бригады» № 31 от

21 июня 1900 г. Проводивший смотр «Аренсбургской бригады с 26 минувшего Мая до сего 9 Июня» 1900 г. начальник округа генерал-лейтенант А.Т. Озеровский отмечал в разделе «Состояние лошадей и гребных судов» данного приказа следующее: «Все прибрежные посты снабжены лодками и подвозными к ним яликами. Те и другие ко времени смотра оказались ... освежёнными мелочными ремонтами и по своему состоянию соответствующими срокам своей службы. Основываясь на записях в постовых книгах и судя по нескольким личным наблюдениям и испытаниям моим, можно признать, что нижние чины обучаются правилам плавания на сих судах как на вёслах, так и под парусами. Но не могу не высказать соображения на то, что наёмные рулевые большею частью очень мало владеют русской речью» [6, с. 1, 4].

Также к началу XX в. было закончено создание морской системы связи и оповещения и на Черноморском побережье, и тем самым завершились работы по организации единой системы морского наблюдения и связи в военное время за побережьем европейской России.

Для переговоров судов и постов ОКПС между собою чинами пограничной стражи активно применялся сигнальный аппарат – семафор.

Семафоры были двух видов – ручные и мачтовые. При этом ручные могли быть переносными (на судах) или постоянными (на сигнальных мачтах пограничной стражи), которые всегда оставались на своём месте, но могли поворачиваться в любую сторону [12, с. 72].

Для привития навыков в оптической телеграфной сигнализации велось обучение чинов пограничной стражи. Обучение производилось следующим образом: теоретическое обучение в учебных командах ОКПС; практическое обучение чинов ОКПС на наблюдательных постах [4, с. 118]. Для практики этих постов в переговорах с боевыми судами осуществлялся обход по распоряжению морского ведомства некоторыми из судов военного флота постов пограничной стражи.

Для переговоров с военными судами была разослана на все посты шлюпочная сигнальная книга, изданная морским ведомством.

Таким образом, в начале XX в. в Российской империи существовала довольно внушительная сеть наблюдательных морских постов (пунктов), станций и маяков, на которых располагался личный состав как от ОКПС, так и от морского ведомства, МВД и военного ведомства (например, армейские посты наблюдения находились в крепостных гарнизонах Одессы, Севастополя, Свеаборга, Кронштадта и др.). Подчинение таких постов (пунктов) различным сило-

вым структурам вносило определённую путаницу в вопросы оперативного взаимодействия, порождённую элементарной межведомственной неразберихой. К тому же пункты и станции наблюдения, расположенные, скажем, на Балтийском побережье, весьма различались по оснащённости оптическими средствами связи (Балтийское побережье и прилегающие к нему острова на протяжении 2 тыс. 897 вёрст охраняли I-й и II-й округа ОКПС (Рижская, Горждинская, Ревельская и Аренбургская бригады) [10, с. 84]).

Так, на постах службы связи Балтийского моря морского ведомства имелись большие и малые фонари Ширлена (дальность действия больших фонарей составляла: днём – 3 мили, ночью – 15 миль, а малых: днём – до 2 миль, ночью – 10 миль), большие и малые лампы Манжена (дальность действия больших ламп составляла: днём – не пригодны, ночью – 15 миль, а малых: днём – не пригодны, ночью – 10 миль), ручные свечные фонари (применялись на близком расстоянии), полевые гелиографы (были доступны для переговоров в ясные солнечные дни) [7. Оп. 1. Д. 276. Л. 52]. На наблюдательных приморских постах также применялся сигнальный фонарь Миклашевского [1. Оп. 110/6. Д. 35. Л. 61 об.] и оптический прибор капитана Каша [11, с. 361–364].

В военном ведомстве использовался оптический аппарат для ночной сигнализации (керосиновый). Аппарат был достаточно прост, не громоздок (масса чуть более 16 кг), а обслуживало его всего три телеграфиста (один записывал депешу по буквам, два читали знаки) [5, с. 22, 26, 28].

Также для дневной и ночной сигнализации армейцами использовался оптический аппарат Цейса (работавший при помощи ацетиленовой горелки) [13, с. 110].

В той или иной мере почти со всеми этими оптическими средствами связи приходилось сталкиваться и чинам пограничной стражи, хотя для них как несущих службу наблюдения оповещения и связи на постах ближнего наблюдения оснащение такими разнообразными средствами оптической телеграфии, в общем-то, не предусматривалось.

С целью полного выявления картины организации и работы связи между кораблями и наблюдательными постами, а также связи наблюдательных постов юго-западной части Балтийского побережья между собой в начале XX в. был сформирован отряд из минных судов для разведывательно-оборонительной службы на участке от Ревеля (Таллин) до прусской границы. Этот отряд, курсируя вдоль побережья, осуществлял связь с наблюдательными постами ОКПС.

По окончании проверки на имя военного министра А.Н. Куропаткина был составлен доклад, в котором говорилось: «... из проведён-

ной проверки видно, что сеть наблюдательных постов в настоящем её виде "неудовлетворительна", главным образом, вследствие крайне медленной передачи получаемых с моря известий на соседние пункты, которые обыкновенно требует не менее 4-х часов и в редких случаях – три часа.

Это происходит потому, что сеть наблюдательных пунктов не имеет собственного телефонного провода, а сообщение находится в ведении трёх министерств: Военного (пункты ближнего наблюдения Пограничной Стражи), Морского (разведчики и пункты дальнего наблюдения) и Внутренних Дел (Главное Управление Почт и Телеграфов)» [4, с. 131].

Увы, но и в дальнейшем оснащение ближних постов ОКПС на приморских участках границы оставляло желать лучшего. Так, «в сентябре 1908 г. на Крымском побережье произошли десантные манёвры (учения – *прим. авт.*) частей Одесского военного округа. К участию в этих манёврах были привлечены и некоторые части Крымской бригады ОКПС... получившие возможность применить на деле ту подготовку в наблюдении за морем, которой были обучены все нижние чины отряда». В ходе проведения двухдневных манёвров выяснилось, что несмотря на то, что командующий войсками округа отметил, «что донесения, слабых по составу пограничных постов, вполне ориентировали начальника оборонительного отряда», от пограничного командования не укрылись недостатки в «дефектах организации наблюдения в пограничной страже». Далее отмечалось, что «первый и самый главный недостаток ... – это крайне примитивный способ передачи донесений». Так как «по всей приморской границе (на побережье Чёрного моря – *прим. авт.*) лишь несколько постов (преимущественно офицерские) связаны правительственным телеграфом, телефонами посты совершенно не связаны, кроме 2–3-х, которые находятся в городах и вступили в число абонентов городской сети» [3, с. 863–864].

Что же касается телефонного оснащения по северному берегу Балтийского моря, то, например, в 1911 г. телефонная сеть там состояла «из проводов частной компании и проводов Финляндского Милиционного ведомства», которые хотя и субсидировалась морским ведомством, но «владельцы сети никаких особых обязательств» перед ВМФ не несли. А посему служебные сведения передавались в «общем порядке переговоров». Днём в «разгар частных сношений» переговорить было очень трудно, а ночью все коммутаторные станции просто не действовали [7. Оп. 1. Д. 276. Л. 52].

Если же учесть, что на проводах этой телефонной сети кроме постов морского ведомства «сидели» и наблюдательные посты по-

граничной стражи, то становится понятно, что использование телефонов в служебных целях вызывало определённые затруднения у чинов ОКПС, особенно при передаче сведений служебно-ведомственного характера.

Не всегда чётко было налажено между наблюдательными постами различных силовых ведомств и, так сказать, локтевое взаимодействие. Иногда пограничники просто ничего не знали о находящихся поблизости постах морского ведомства.

Правда, командование ОКПС пыталось в свою очередь всячески исправлять такие пробелы. Например, 21 января (2 февраля) 1911 г. из морской части управления ОКПС в морской Генштаб ВМФ поступил запрос за № 46/7, в котором говорилось, что «в Управлении Корпуса совершенно не имеется морских наблюдательных постов и станций» морского ведомства, а так как «таковые необходимы... для установления связи между наблюдательными постами Пограничной Стражи с названными постами и станциями», командование ОКПС просило моряков «не отказать выслать по два экземпляра означенных карт «для надобностей Управления Корпуса и Начальников Округов».

Спустя четыре дня, 25 января (6 февраля) 1911 г., из морского Генштаба ВМФ за № 198/32 были высланы в управление ОКПС «схематические карты наблюдательных постов» Балтийского и Чёрного морей. При этом морское ведомство предупреждало командование ОКПС, что «эти карты надлежит считать секретными» [7. Оп. 1. Д. 276. Л. 13, 24].

Таким образом, между пограничными постами ближнего наблюдения и наблюдательными постами морского ведомства была налажена тесная связь, тем более что в какой-то мере и выполняемые ими служебные задачи были во многом схожи: «дневное наблюдение за проходящими судами», «ночное наблюдение за проходящими судами», «дневная сигнализация с судами коммерческого флота», «ночная сигнализация с судами военного, ... коммерческого флота», «регистрация судов обычно плавающих в виду постов» и т. д. [8. Оп. 1. Д. 348. Л. 11].

Безусловно, связь в войсках ОКПС организовывалась, строилась и развивалась исходя из двух концепций её использования – в мирное и военное время. В мирное время она обеспечивала службу пограничного надзора в борьбе с контрабандой в большинстве случаев правительственными и частными средствами связи, кроме того, велась подготовка личного состава к военному времени – умению организовывать и использовать войсковые (полевые) средства связи.

Исходя из концепции участия пограничной стражи в боевых действиях, она постоянно оснащалась средствами связи, осуществлялась правительственная программа строительства масштабной технической системы связи и оповещения как к границам государства, так и непосредственно на сухопутной и морской границах страны.

Список литературы

1. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВиВС). Ф. 52.
2. Боярский В.И., Дмитриев В.А., Кудинов Н.Н. Пограничный надзор на море: Историко-документальный очерк. – М., 2006.
3. Кононов Н.К. Участие пограничной стражи в десантном манёвре // Пограничник. – 1909. – № 37.
4. Лещенко Г.И. История связи в пограничной страже России (XV – начало XX в.): моногр. – М., 1996.
5. Пособие для чинов конно-телеграфного эскадрона и сотни. Составил штабс-капитан Пржевалинский. – СПб., 1905.
6. Приказ по 1-му округу ОКПС «Об инспекторском смотре Аренбургской брига.» от 21 июня 1900 г. № 31. – СПб., 1900.
7. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). – Ф. 418.
8. РГА ВМФ. – Ф. 609.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1152.
10. Северо-Западное таможенное управление. XX лет: Таможенное дело на Северо-Западе России: историко-документ. изд. – СПб., 2010.
11. Сигнализация // Пограничник. – 1907. – № 20.
12. Степанов Е. Зарождение пограничной сигнализации и связи // Пограничник Содружества. – 1996. – № 5.
13. Тихобразов Л. Техника сношений. Военные сообщения и технические средства связи и наблюдения. Курс военных училищ. – СПб., 1914.
14. Чернушевич М.П. Краткая история-хроника пограничной стражи и выделение её в Отдельный корпус // Пограничник. – 1907. – № 23.

Г. В. Кораблёва

Социальная защита учителей в сфере обеспечения жильём на Урале (1970–1980-е гг.)

В статье рассматривается реализация системы социальной защиты учителей в части предоставления жилья на Урале в 1970–1980-е гг., анализируется региональный опыт по обеспечению педагогических кадров общеобразовательных школ благоустроенными квартирами. Делается вывод о большей обеспеченности жильём учителей в советский период – 1970-1980-е гг., чем в настоящее время.

The article discusses the implementation of the system of social protection of teachers in the terms of provision of housing in the Ural region in the 1970s and 1980s, analyzes the regional experience of providing pedagogical staff of secondary school with apartments. The author makes a conclusion about the greater availability of housing for teachers in the Soviet period – 1970s–1980s – than at present.

Ключевые слова: советский период, социальная защита учителей, обеспечение бесплатным жильём, региональные власти.

Key words: Soviet period, social protection system, free provision of housing, local authorities.

В 1970–1980-е гг. в РСФСР внимание к социальному положению учителей было обусловлено их достаточно высоким общественным статусом, связанным не только с учебно-воспитательной деятельностью, но и активным участием в общественно-политической и культурно-просветительской работе. Учителя выступали проводниками идей партии и государства в сфере пропаганды и осуществления задач по развитию народного хозяйства страны, поэтому государство стремилось сохранить их позитивное социальное самочувствие.

В советское время система социальной защиты учителей включала следующие элементы: возможность получения жилплощади; наличие льгот по оплате коммунальных услуг, подвоз топлива на селе; отпуск продуктов; предоставление путёвок в санатории и профилактории и др.

В целом комплексе документов, принятых в 1970–1980-е гг., рассматривались вопросы улучшения социального положения учителей, в частности постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению условий работы сель-

ской общеобразовательной школы», «О дальнейшем совершенствовании общего среднего образования молодёжи и улучшении условий работы общеобразовательной школы» [10, с. 362–369; 11, с. 513–536]. На наш взгляд, постоянное внимание к условиям быта и труда педагогов говорило о несовершенстве механизма реализации мероприятий в данной области.

Партийные, государственные, общественные организации занимались производственно-бытовыми проблемами учителей, эти вопросы постоянно находились на контроле и обсуждались на пленумах и бюро обкомов КПСС, сессиях областных Советов депутатов трудящихся, заседаниях исполкомов областных Советов, постоянных депутатских комиссий Совета по народному образованию областных, районных, сельских Советов [18. Оп. 76. Д. 3118. Л. 7; 3. Оп. 1. Д. 563. Л. 38–40; 14. Оп. 4. Д. 105. Л. 1–5; 21. Оп. 67. Д. 109. Л. 92–94; 15. Оп. 10. Д. 1539. Л. 145; 16. Оп. 1. Д. 788. Л. 1–3; 4. Оп. 1. Д. 159. Л. 111, 32–33; 5. Оп. 5. Д. 313. Л. 2].

Государство оказывало материальную поддержку учительству. В Уральском регионе хорошо было поставлено дело с обеспечением учителей земельными, огородными, покосными участками. Учителям выдавались ссуды на строительство индивидуальных жилых домов до 2 тыс. р. сроком на 10 лет под 2 % годовых; под такой же процент молодым специалистам, направленным на работу в сельскую общеобразовательную школу, предоставлялся кредит на хозяйственное обзаведение в размере до 1 тыс. р. на срок до 5 лет; с 1980 г. выделялись бесплатные путёвки на экскурсии по городам, ленинским местам; в период товарного дефицита для учителей были предоставлены возможности приобретать необходимую для работы литературу через выездную торговлю; за учителями, вышедшими на пенсию, сохранялись льготы по коммунальным услугам, а также за членами их семей и т. д. [12, с. 388–394].

Для плодотворной работы учителям необходима была нормальная жилплощадь. Она предоставлялась бесплатно или шла денежная компенсация за снятую жилплощадь, в сельской местности выделялись земельные приусадебные участки, предоставлялись льготы на строительство домов. Но тысячи педагогов Урала в исследуемый период стояли в очереди на улучшение жилищных условий, так как система образования не имела собственных фондов социального развития и не могла строить собственные жилые дома, как в других отраслях народного хозяйства. Обязанность обеспечения учителей квартирами была возложена на исполкомы Советов депутатов.

В 1970-е гг. руководящие органы уральских областей решали вопросы о создании благополучных жилищно-бытовых условий для

учителей. VIII сессия Верховного Совета Башкирской АССР (1970 г.) постановила обязать Совмин, Минпрос БАССР, исполкомы рай(гор)Советов, отделы народного образования разработать мероприятия по обеспечению жилой площадью всех учителей, проживающих на частных квартирах до 1975 г. [2. Оп. 9. Д. 4645. Л. 20]. Оренбургский обком КПСС и облисполком (1970 г.) на объединённом заседании провели тщательный анализ обеспеченности сельских учителей жильём и утвердили план инициативного строительства 620 квартир для педагогов до 1975 г. План этот был перевыполнен вдвое. В Пермской области к 1971 г. учителям было предоставлено в домах местных советов и других ведомств 1840 квартир, но трудности с жильём сохранялись: на частных квартирах проживало 584 учителя, иногда школьные квартиры отдавали не работникам образования (Косинский район), многие квартиры требовали капремонта [6. Ф. 105. Оп. 298. Д. 101. Л. 8, 19, 21].

В Оренбургской области наряду с положительными моментами в устройстве педагогов отмечались и отрицательные. Так, в Переволоцком районе в Донецкой средней школе молодые учителя проживали на частных квартирах, а трёхкомнатная школьная квартира была занята под библиотеку Дома культуры. Значительное число молодых учителей проживало на частных квартирах и в других районах: в Сорочинском районе – 22, Беляевском – 15, Переволоцком – 10, Матвеевском – 4.

В приказе МП просвещения РСФСР (1973 г.) указывалось, что в Оренбургской области допускается большая текучесть учительских кадров. Одной из причин данного явления называлось отсутствие должного внимания к созданию необходимых жилищно-бытовых условий сельским учителям. Неудовлетворительно решался вопрос с жильём в Бугурусланском, Северном, Асекеевском, Тоцком районах. [21. Оп. 48. Д. 46. Л. 123; 22. Оп. 88. Д. 130. Л. 135]. В Челябинской области около 700 учителей ежегодно проживали на частных квартирах, более 300 – в общежитиях [15. Оп. 10. Д. 1539. Л. 145].

В Ординском, Косинском и других районах Пермской области вопросы жилья и быта редко обсуждались на исполкомах сельских Советов. За 1970–1974 гг. вопрос о жилье учителей ни разу не ставился на сессиях районных Советов. В районах же области, где власти уделяли внимание бытовым условиям учителей, велось строительство инициативным путём, за 1970–1975 гг. было построено 120 домов, что уменьшило количество нуждающиеся с 1 800 до 600 чел. [6. Оп. 298. Д. 101. Л. 21; 8. Оп. 1. Д. 3281. Л. 8]. Более обстоятельно решали местные власти вопросы с жильём в Оханском районе Пермской области, где в 1970-е гг. почти все учителя сельских школ имели квартиры [8. Оп. 1. Д. 3453. Л. 114].

Постановление Курганского обкома КПСС и облисполкома (от 1 ноября 1973 г.) определило задания по строительству жилых домов для учителей на 1976–1980 гг. по каждому району. В Юргашинском районе Курганской области сессией райсовета были утверждены мероприятия по созданию наиболее оптимальных условий для жизни, быта, творческого труда учителей.

Как результат в Юргашинском районе Курганской области за 1981–1982 гг. учителям было выделено 27 квартир. Инициативу юргашинцев поддержали районы и города области, она была одобрена коллегией МП СССР. Всего в области за 1975–1982 гг. было выделено 2,5 тыс. квартир учителям [17, с. 14].

В Курганской области и в последующие годы осуществлялись мероприятия по соцзащите учителей. Например, в Белозерском районе ежегодно перевыполнялся план строительства домов за счёт госкапвложений. На сессии сельского Совета Крутихи было принято решение: за счёт колхоза выделять школе не менее двух квартир в год [3. Оп. 1. Д. 160. Л. 44].

За первые два года 1980-х гг. в Оренбуржье учителям было построено 206 квартир, выделено колхозами, совхозами и другими ведомствами 44 квартиры, отремонтировано 244. Наиболее успешно шло строительство в Оренбургском, Абдулинском, Матвеевском районах. Но не везде региональные власти обеспечивали педагогам необходимые жилищно-бытовые условия. В Кувандыкском, Курманаевском, Северном районах многие учителя не имели собственного жилья, не сокращалось число учителей, проживавших на частных квартирах [21. Оп. 75. Д. 17. Л. 100; Оп. 85. Д. 81. Л. 5].

Особенно тяжелое положение с обеспечением учителей жильём в начале 1980-х гг. сложилось в городах Пермской области и самом областном центре. Имелись случаи проживания в подвальных и полуподвальных помещениях, в помещениях при школах, интернатах. Сложившаяся тяжёлая ситуация с жильём для пермских учителей была вынесена на рассмотрение общесоюзного министерства. Министерство просвещения СССР на заседании коллегии (№7/1 от 4 марта 1983 г.) рассмотрело отдельным пунктом вопрос о создании необходимых условий для труда и быта учителей Пермской области.

В период реализации школьной реформы (1984 г.) региональные власти стали больше обращать внимания на нужды учителей. Местные Советы депутатов стали акцентировать внимание на условиях труда и быта учителей. В 1985 г. по РСФСР более 30 тыс. учителей, воспитателей получили квартиры или улучшили свои жилищные условия. За пятилетие с 1980–1985 гг. число педагогов, проживавших в сельской местности в арендованных помещениях,

сократилось с 17 тыс. до 9,4 тыс. Но оставалось ещё значительное число не обеспеченных благоустроенным жильём.

Совет министров Удмуртской АССР (1987 г.), областной совет профсоюзов принял постановление о первоочередном выделении жилой площади педагогическим работникам школ. Управлению капитального строительства при Совмине Удмуртской АССР, Минпросу, исполкомам районных Советов предлагалось обеспечивать ежегодное выполнение планов строительства и ввод в эксплуатацию жилых домов для учителей, а для сельских учителей – 1139 квартир на период 1989–1995 гг. [9, с. 2].

Алапаевский горсовет Свердловской области (14 февраля 1985 г.) принял чёткое решение: «Обязать исполкомы поселковых, сельских Советов выделять квартиры для молодых специалистов, учителей...». Активно развернулось строительство на этой и на других территориях региона. В конце 1980-х гг. в Каменском, Камышловском и других районах до 80 % учителей проживали в благоустроенных квартирах, в Артинском, Серовском, Ачинском районах – 60 %.

В Алапаевском районе и ряде других территорий Свердловской области был накоплен опыт по строительству жилья педагогам как на государственных, так и на долевых началах. Однако область в конце 1980-х гг. получала слишком мало средств. XV областная отчётная профсоюзная конференция работников народного образования и науки «О мерах по улучшению жилищных условий педагогов» (21 ноября 1989 г.) решила просить Министерство образования РСФСР, республиканский комитет профсоюзов в экспериментальном порядке выделить Свердловскому облисполкому на 1990 г. дополнительно 1,5 млн р. А по ст. 16 «строительство жилья для педагогов» также внести в правительство РСФСР вопрос о выделении целевых средств [22. Оп. 118. Д. 497. Л. 56; Оп. 106. Д. 164. Л. 26].

VIII сессия Индустриального райисполкома Перми (1987 г.) рассмотрела вопрос об улучшении социально-бытовых условий педагогов и приняла решение выделять не менее 5 % жилья для работников народного образования ежегодно. Этот вопрос не был решен полностью. В Пермской области, где в 1988 г. нуждались в улучшении жилья 4 172 учителей, выделено было 986 квартир, в 1989 г. нуждались 4 303, выделено 856, в 1990 г. нуждались 5 489, выделено 822. Количество нуждающихся в улучшении жилищных условий шло по нарастающей, а количество выделенных квартир по убывающей.

Исполкомы местных Советов депутатов, предприятия и хозяйства Оренбургской области, Башкирской АССР в сравнении с дру-

гими территориями имели более низкий процент нуждавшихся в квартирах и более высокий процент предоставления жилья. VII пленум Оренбургского обкома партии отметил, что к 1987 г. было выделено около 1,5 тыс. квартир учителям, это было больше, чем за предыдущее десятилетие [21. Оп. 97. Д. 5. Л. 20].

В 1970-е гг. ежегодно более 3 тыс. учителей в Башкирской АССР не обеспечивались квартирами. Это положение не изменилось и в конце 1980-х гг., а даже ухудшилось, так как нуждались в улучшении жилищных условий в городе 3 585 чел., в селе – 2 119 чел. В городах и районах выделялось по 2–3 квартиры в год, когда количество нуждающихся измерялась сотнями. Обком профсоюзов БАССР вынужден был констатировать, «что не везде отделы народного образования достаточно проводят работу по улучшению труда и быта педработников, поэтому социальные вопросы в республике решаются крайне неудовлетворительно» [19. Оп. 1. Д. 940. Л. 63].

Но были примеры и положительного решения жилищной проблемы в республике. В г. Октябрьском все базовые предприятия выделяли по квартире подшефной школе. В Стерлитамаке решением горисполкома 5 % строившегося жилья выделялось работникам народного образования, в 1988 г. было выделено учителям 15 квартир, 25 – по линии ЖСК [20. Оп. 190. Д. 127. Л. 56; 2. Оп. 9. Д. 6858. Л. 60; 19. Оп. 1. Д. 940. Л. 74].

В Мокроусовском, как и в некоторых других районах Курганской области, роно совместно с РК профсоюза работников просвещения принимали меры по улучшению жилищно-бытовых условий учителей. Подавляющее большинство их было обеспечено квартирами. Руководители предприятий и хозяйств с пониманием относились к нуждам работников народного образования. Варгашинский роно и РК профсоюза приняли решение (1986): «Разработать меры по улучшению жилищно-бытовых условий летнего отдыха, лечения молодых учителей с целью закрепления их в районе. Добиться включения в списки по внеочередному получению жилья при райисполкоме [3. Оп. 2. Д. 1294. Л. 74, 18]. В Юргашинском районе, который по заботе об учителях в начале 1980-х гг. имел всероссийскую известность, в конце 1980-х гг. сдал свои позиции, в 1988 г. уже 35 педагогом района требовалось улучшение жилищных условий.

В Челябинской области по-прежнему педагогические кадры не обеспечивались жильём в первоочередном порядке. В 1989 г. на учёте по улучшению жилищных условий состояло 4 тыс. учительских семей, более 200 семей проживало в арендованных помещениях [7. Оп. 110. Д. 10. Л. 34].

В Удмуртской АССР в конце 1980-х гг. на улучшение жилищных условий стояло в очереди 3 060 работников школ, особенно тревожная обстановка сложилась в городах: Сарапуле – 146 чел., Можге – 112 чел., Глазове – 212 чел., Ижевске – 677 чел. Ни один из городов не выполнял постановление Совмина УАССР о первоочередном обеспечении жильём работников народного образования. Минпрос Удмуртской АССР выделило 450 тыс. р. для строительства жилья на селе, но за полгода 1989 г. было освоено лишь 157 тыс. р., по отдельным районам (Киясовскому, Сарапульскому) вообще ничего не было сделано [1. Оп. 9. Д. 89. Л. 14].

Остро стояла проблема выделения правительством РСФСР целевых ассигнований на строительство жилья для педагогов. С принятием Законодательного акта о первоочередном праве на получение жилья решение жилищной проблемы учителей ещё более замедлилось. Подходы к разрешению создавшейся ситуации были отражены в комплексной общественно-государственной программе «Сельская школа» (1989). По программе совхозам и другим сельскохозяйственным предприятиям и организациям предлагалось предоставлять специалистам народного образования все льготы, установленные для других специалистов сельского хозяйства, в том числе предоставлять вне очереди жильё [13, с. 140].

Таким образом, в 1970–1980-е гг., несмотря на большее количество предоставленных квартир, домов, не были полностью удовлетворены потребности учителей в улучшении жилищных условий в отдельных территориях Урала. Это объясняется рядом социально-экономических причин. В исследуемый период шло увеличение количества школьников, обусловленное превращением средней общеобразовательной школы в массовую, началом обучения с шести лет, влиянием демографического фактора, появлением новых предметов в учебных планах, что увеличивало количество привлечённых учителей, а им требовалось жильё. Ухудшение экономического положения страны, упадок в сельском хозяйстве, отсутствие полной механизация труда, слабое культурно-бытовое обслуживание на селе и другие факторы не позволили снизить текучесть педагогов, особенно в сельской местности. Как правило, школьные квартиры не являлись ведомственными, и когда учитель увольнялся из школы, то квартира оставалась за ним. Приезжали новые учителя, и им требовались новые квартиры. Анализ источников позволяет констатировать, что улучшение жилищных условий учительства Урала шло директивным путем отчасти за счёт принуждения со стороны партийных комитетов промышленных предприятий, колхозов, совхозов, обязывавших их выделять для педагогов квартиры.

Вместе с тем в Уральском регионе были позитивные примеры деятельности местных Советов по обеспечению учителей жильём, предоставлению различных льгот, они приобрели всероссийскую известность и получили поддержку в городах и районах Урала, РСФСР.

В постсоветское время в условиях социально-экономического кризиса произошло существенное снижение возможности получения бесплатной жилплощади, льгот по оплате коммунальных услуг, оздоровительных путёвок, значительно снизился уровень заработной платы – в результате системе социальной защиты учительского корпуса был нанесён урон.

В настоящее время социальная защита учителей в части предоставления жилья выполняется с помощью социально-ориентированного бюджета и, как правило, городскими и районными администрациями (но не в тех объёмах и не полностью бесплатно), как было принято в советское время. Можно говорить о массовом предоставлении бесплатного жилья для учителей в 1970–1980-е гг. в РСФСР в отличие от сегодняшних реалий: единичных случаев покупки домов, квартир для учителей, в основном молодых специалистов по федеральной целевой программе «Социальное развитие села» или предоставление под невысокий процент льготного кредита для покупки жилья.

Список литературы

1. Архив Министерства народного образования Удмуртской республики (АМНОУР). Ф.Р-738.
2. Архив Министерства образования Республики Башкортостан (АМОРБ). Ф. Р-798.
3. Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф.Р-1606.
4. ГАКО. ФР-1929.
5. ГАКО. ФР-800.
6. Государственный архив новейшей истории и общественно-политических движений Пермской области (ГАНИОПДПО). Ф. 105.
7. Государственный архив общественно-политических движений Курганской области (ГАОПДКО). Ф. 70.
8. Государственный архив Пермской области (ГАПО). ФР-986.
9. Для работников народного образования // Удмуртская правда. 1987. – 30 авг.
10. КПСС в резолюциях и решениях. Т. 12. – М., 1986.
11. КПСС в резолюциях и решениях. Т. 14. – М., 1987.
12. Молодому учителю. Сб. док. и нормативных актов для учителя / сост. Н.М. Андреев и др. – М., 1986.

13. На коллегии Госкомитета СССР по народному образованию. Сельская школа: от проблем перестройки к программе перестройки // Народное образование. – 1989. – № 5.

14. Объединённый государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф.Р.-1036.

15. ОГАЧО. ФР-274.

16. ОГАЧО. ФР-383.

17. Уваров Д. Повседневно заботиться об учителе // Народное образование. – 1984. – № 2.

18. Федеральное агентство по образованию. Ведомственный архив. Ф. 2306.

19. Центральный Государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАООРБ). Ф. 8939.

20. ЦГАООРБ. 122.

21. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНИОО). Ф. 371.

22. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4.

А. Г. Иванова

Региональная специфика издательской деятельности писателей Урала в 1960–1980-е гг.

В статье исследуются различные аспекты издательской деятельности писателей в территориальных рамках Уральского региона. Выявлены основные тенденции в развитии уральской литературы. Изучены региональные проблемы издательской деятельности, исследовано жанровое многообразие творчества писателей.

The article dwells on the aspects of publishing performed by writers working in the Ural region. New tendencies in the development of the regional literature are found, with detailed analysis of the diversity of genres and the publishing problems in the region.

Ключевые слова: издательская деятельность, писатели, уральская литература, региональное отделение Союза писателей СССР.

Key words: publishing; writers; literature of the Ural region; regional division of the Union of the USSR writers.

В статье на материалах Урала исследуется специфика издательской деятельности писателей Урала в эпоху общественного застоя. Писатели Урала в указанный хронологический период вели активную издательскую деятельность. В 1967 г. свердловские писатели О. Маркова, Я. Резник, В. Стариков, А. Яковлев, составили и сдали в печать коллективный сборник очерков о героях революции на Урале. Писательница Н. Попова завершила работу над книгой «Верность» – третьей частью трилогии о судьбе уральского рабочего класса. О. Маркова написала повесть «Соловей», посвященную жизни выдающегося уральского революционера И. Малышева. Литератор В. Шустов работал над повестью о комсомольце-подпольщике в период Гражданской войны. О. Коряков создал большой роман о советских ученых биохимиках [6, с. 353]. В 1967–1969 гг. писатели Белла Дижур, Эмилия Бояршинова, Юрий Трифонов приняли участие в выпуске серии произведений «О времени, поколении, о себе». Во второй части этой серии писатели поделились своими наблюдениями с молодыми читателями, вели разговор о сложных жизненных вопросах [1. Оп. 1. Д. 110. Л. 14–62].

В Оренбургской области за период с 1970 по 1974 г. вышли в свет и были хорошо приняты читателями роман Б. Бурлака «Левый фланг», роман А. Рыбина «Трудная позиция», сборники рассказов И. Уханова «Небо детства», «Завтра все будет иначе», «Играл духовой оркестр». В 1974 г. Оренбургский областной обком комсомола присудил И. Уханову премию имени Муссы Джалиля за рассказ «Небо детства». В областном литературоведении успешно работал Л. Н. Большаков [7], которым были изданы книги «По следам Оренбургской зимы», «Отыскал я книгу славную» [13. Оп. 48. Д. 69. Л. 23–26].

С 1971 по 1975 г. свердловские писатели выпустили 164 книги, причем 15 книг было издано за рубежом. Центральные издательства выпустили 64 книги уральских писателей. В 1974 г. писателю Владиславу Крапивину было присвоено звание лауреата премии Ленинского комсомола в области литературы за создание высокохудожественных произведений и большую работу по коммунистическому воспитанию пионеров и школьников. В общей сложности его книги издавались 100 тыс. тиражом в Москве в издательстве «Детская литература», в журнале «Пионер», многие произведения переводились в Болгарии, ГДР, Румынии, Польше. Массовым тиражом вышли в свет следующие произведения: роман О. И. Марковой о сельских коммунистах «Вечно с тобой», роман о солдатском подвиге И.И. Акулова «Крещение», книга о природе Бориса Рябинина «Друг, воспитанный тобой». Свердловские писатели выпустили сборник рассказов «В середине России», гонорар за который в сумме 3 100 р. перечислили в фонд мира [2. Оп. 1. Д. 889. Л. 3].

В 1976 г. было издано и переиздано 170 произведений свердловских писателей, в том числе более 50 книг в центральных издательствах, 15 – в зарубежных [6, с. 366]. В 1977 г. в московском издательстве вышла книга челябинского автора З. Прокопьевой «Белая мель». В 1977 г. в Свердловске вышла антология «Поэты Урала», в которой были собраны стихи более ста поэтов, в том числе челябинцев Л. Преображенской, М. Гроссмана, В. Сорокина, К. Скворцова, В. Богданова, Б. Ручьева [8. Оп. 199. Д. 250. Л. 76–78]. В 1979 г. в Пермской области вышло в свет 77 книг пермский писателей, из них 10 – в центральных издательствах, одно произведение было опубликовано за границей. В 1979 г. в Пермском книжном издательстве были отпечатаны сборник повестей о советской деревне «Межсезонье» И. Байгулова, сказка «Капризка» В. Воробьева, сборник стихов «Капля солнца» Ф. Истомина и ряд других произведений [11. Оп. 354. Д. 2162. Л. 2–21].

В течение 1979–1980 гг. писатели Свердловской области выпустили 105 новых книг, из которых 30 произведений вышло в Моск-

ве и восемь – за пределами нашей страны [14. Оп. 98. Д. 279. Л. 46–47]. В 1983 г. пермские писатели выпустили 17 книг, из них одну – за рубежом, четыре – в центральных издательствах [11. Оп. 354. Д. 2701. Л. 14–15]. В 1983 г. у писателей Свердловска вышло из печати 33 книги, из них восемь – в Москве, три – за границей, три – на языках народов СССР. В этот же период был опубликован поэтический сборник на украинском языке «Песня солнечной стала». С 1983 по 1985 г. писатели свердловской области выпустили 97 новых книг. Имена В.П. Крапивина, Н.Г. Никонова, Л.Л. Сорокина, Г.К. Бокарева, Г.Ф. Дробиза были широко известны в стране, их произведения были изданы во многих странах мира, в том числе в США, Франции, Японии, ФРГ.

Плодотворно сотрудничали с писателями местные книжные издательства. В 1966–1967 гг. свет увидели книги Алексея Чкара «Притоки большой реки», Юрия Кузнецова «Красная линия спектра», юмористический сборник Олега Хомякова «Караван мулов», сборник рассказов Владимира Волоскова «Беглец», сборник Семена Шмерлинга «Шел за работой паренек», Анатолия Трофимова «Митяй идет в разведку» [15. Оп. 1. Д. 9. Л. 76].

Во второй половине 1960-х гг. Средне-Уральское книжное издательство подготовило к печати юбилейные книги в красочном оформлении: «Ленинская гвардия Урала», «Опорный край державы», «Шаг в полвека», книгу для детей «Самоцветы» [6, с. 353]. В течение 1964–1967 гг. издательством «Удмуртия» было издано 54 книги местных авторов, из них 34 – на удмуртском языке. Среди этих книг произведения крупного жанра – романы и повести [5, с. 148].

В 1976 г. в издательстве «Современник» вышел роман челябинского писателя Н. Егорова «Залежь», посвященный освоению целины. В том же издании увидели свет повести К. Шишова «Взрыв», А. Шушарина «Своим судом» и книга стихов А. Павлова «Предгорья», удостоенная областной премии комсомола «Орленок», а также большой сборник стихов В. Машковцева «Чудо в ковше». В местном издательстве вышли повести Л. Комарова «За горами, за лесами», книги Л. Хомутова «Штурман», А. Лазарева «Уральские посиделки», М. Верниковской «Рабочий директор», С. Бунькова «В ту грозовую пору», детские рассказы миасского автора В. Красина «Об оленях, о бобрах и других друзьях». В 1977 г. вышел роман М. Гроссмана «Камень обманка» [9. Оп. 1. Д. 132. Л. 1–8].

Во всех областях и автономных республиках Урала работали отделения Союза писателей СССР. Под руководством партийных органов они проводили большую работу по повышению профессионального мастерства и идейно-политического кругозора литерато-

ров края. Этому служили периодически созываемые всеуральские писательские совещания и семинары, дискуссии, обсуждения рукописей, анализ вышедших книг на страницах литературно-художественных журналов и областных газет, встречи с читателями. Все произведения, написанные уральскими писателями, обсуждались в писательских организациях. Например, таких обсуждений только в Оренбургской писательской организации в 1974 г. было 20, а за период с 1970 по 1974 г. – 100. Одобренные рукописи рекомендовались для публикации в Южно-Уральском книжном издательстве или в журнале «Урал». В Оренбуржье работал большой коллектив молодых литераторов. А. Блинову, Н. Емельянову, Д. Даминова, В. Кузнецова, Г. Хомутова, Р. Герасимова читатели узнали по стихам, напечатанным в газетах, журналах, коллективных сборниках. Молодые авторы под руководством опытных литераторов были объединены в литературные группы, работавшие в городах Оренбурге, Орске, Бузулуке. Проведенные в 1974 г. семинары на местах помогли выявить талантливых начинающих поэтов, стихи которых уже появились в газетах и журналах. Среди них Л. Чернова из Орска, Т. Бочарова из Оренбурга, Л. Горина из Бузулука и др. Всего молодого литературного актива в Оренбургской области насчитывалось в 1974 г. 120 чел. [13. Оп. 48. Д. 69. Л. 23–26].

В 1970 г. в Челябинской области работало 20 литературных объединений, включающих более 400 чел.: начинающих поэтов, прозаиков, драматургов, любителей литературы. Так, в Челябинской области существовало литературное объединение Челябинского тракторного завода. Во второй половине 1960-х гг. из печати вышло несколько книг участников объединения. Среди них роман С. Паклина «Старая кузница», четыре сборника Ю. Подкорытова, три книги Е. Хохлова, повесть В. Андреева и два коллективных сборника стихов. Восемнадцать лет работало литературное объединение «Алые паруса» при Челябинском Дворце пионеров под руководством Л.А. Преображенской. В 1970 г. объединение насчитывало 35 членов. Были выпущены сборники «Искры золотые пионерского костра» и «Золотинки».

Уральская литература исследуемого периода отличалась большим жанровым многообразием. Одной из центральных тем изучаемого периода была война. Это объяснялось тем, что в указанный период в литературный мир вступило поколение, мировосприятие которого в разных аспектах было predeterminedено Великой Отечественной войной. В художественной жизни Урала в 1960 – 1980-е гг. заметное место занимала тема борьбы народов мира против агрессии и фашизма. Полотно Великой Отечественной войны создавали в своих книгах челябинские писатели-фронтовики

М. Аношкин («Прорыв», «Боевое задание»), А. Лозневой («Эдельвейсы не только цветы»), П. Смычагин («Горячая купель», «Граница за Берлином»), М. Гроссман («Строки на марше») [8. Оп. 199. Д. 250. Л. 76–78]. Романы башкирских писателей «Дорога Москвы» Д. Исламова, «Солнце никак не заходит» Н. Абдулина повествовали о героических и трагических одновременно страницах битв под Москвой и Сталинградом. В документальной повести «Четыре года в шинелях» удмуртский писатель М. Лямин описал боевой путь бойцов 357-й дивизии, сформированной в Удмуртии [3, с. 428–429].

Проблеме становления советской власти на Урале посвятил свой роман Марк Гроссман «Камень-обманка». Сергей Черепанов напечатал в Южно-Уральском книжном издательстве роман «Утро нового года», повествующий о проблемах рабочего класса. Новую книгу стихов написал В. Оглоблин, а В. Машковцев работал над поэмой о людях Магнитогорска. Молодая писательница А. Бархоленко создала книгу «Купава», героиня которой женщина-председатель колхоза. Публицист А. Шмаков подготовил историю литературного движения на Урале, а также очерки «Письма из Лозанны». Тема Гражданской войны нашла свое отражение в творчестве челябинских писателей М. Гроссмана и П. Смычагина. Революционному движению на Южном Урале посвящена книга А. Шмакова «Азиат», в которой главным действующим лицом являлся делегат II съезда РСДРП Герасим Мишенев. Проблеме формирования советского рабочего класса в годы первых пятилеток посвящены произведения «Старый фронт» А. Завалишина, «Любовь» Б. Ручьева, поэтические произведения Л. Татьяничевой и М. Люгарина, сборники «Чудо в ковше», «Оранжевая магия» В. Машковцева, стихи А. Павлова, Р. Дышаленкова. Тема освоения целины красной нитью проходит в сочинении Н. Егорова «Залежь». Крупные эпические произведения, охватывающие большой исторический отрезок времени или важные события в жизни страны, раскрывающие сложный путь становления человека, его борьбу с имеющимися недостатками и самоутверждения как личности новой формации, создали писатели М. Гроссман («Да святится имя твое»), П. Смычагин («Тихий гром»), С. Петров («Память о розовой лошади») [8. Оп. 199. Д. 250. Л. 76–78].

В произведениях уральских литераторов проявлялось стремление к более глубокому и художественно яркому раскрытию жизни, была видна попытка всесторонне показать образ современника. Свердловские писатели Н. Попов, О. Маркова, В. Стариков, П. Макшанихин, В. Очеретин, поэты Л. Сорокин, Б. Марьев создали в 1965 г. ряд интересных произведений, получивших признание широких масс трудящихся [6, с. 351]. В 1970 г. пермский писатель А. Крашенинников работал над документальной повестью об одном

из передовых колхозов Куединского района, в котором проживали представители тринадцати национальностей. Коми-пермяцкий писатель В. Баталов готовил к печати сборник рассказов о тружениках села. Коми-пермяцкий поэт Степан Караваев написал несколько песен для сельской художественной самодеятельности. Писатель Алексей Ромашов создал повесть «Одолень-трава» о людях колхозной деревни. Писатель-сатирик В. Пашин написал сборник рассказов, в которых высмеивал недостатки колхозной жизни [12. Оп. 1. Д. 145. Л. 3].

В начале 1980-х гг. современник стал главным героем произведений свердловских писателей Николая Никонова, Эльзы Бадьевой. Детские повести Владислава Крапивина широко издавались в нашей стране и за рубежом, внесли существенный вклад в воспитание детей и подростков. Тема гражданственности и патриотизма поднималась в произведениях Владимира Туболева, Николая Никонова, Якова Резника, Венедикта Станцева [14. Оп. 98. Д. 279. Л. 46–47]. Удмурдский литератор Т. Архипов в романе «Адямилэн чеберез» («Красота человека») показывал благотворное влияние коллектива на формирование и духовный рост советского человека и утверждал, что красота и счастье человека заключаются в общественно полезном труде и дружеской помощи другим. Г. Красильников в романе «Арлэн кутсконэз» («Начало года») продолжал, как и в ранних своих произведениях, разоблачение мещанства и эгоизма. И. Гаврилов в повести «В дальней бригаде» описал жизнь дальнего закоулка одного из отстающих колхозов и борьбу старого с новым. Молодой прозаик С. Самсонов в повести «Люблю тебя» отразил жизнь современной ему колхозной деревни [5, с. 148–149]. Появились прозаические и поэтические произведения удмуртских авторов Ф. Васильева, Г. Красильникова, Ф. Пукрокова и др. В 1983 г. вышел роман-трилогия Г. Перевощикова «Поклонись земле» [3, с. 429].

Общеуральской трибуной писателей являлись журналы «Урал» и «Уральский следопыт». С 1958 г. в Свердловской области издавался как зональный литературно-художественный и научно-популярный журнал «Уральский следопыт» – орган Союза писателей РСФСР, Свердловской писательской организации и Свердловского обкома ВЛКСМ. Этот журнал являлся единственным периодическим изданием в стране, рассчитанным на подростковую аудиторию. В 1986 г. тираж журнала составил 350 тыс. экземпляров, причем 60 % печатной продукции распространялось на территории Свердловской области и зоны регионов Урала [14. Оп. 354. Д. 2701. Л. 14–15]. В 1974 г. в журнале «Урал» были напечатаны роман оренбургского писателя Б. Бурлака «Возраст земли», повести А. Горбачева «Сказание о беглом солдате», Н. Шумкина «Война в

Ветелках», В. Муссалитина «В ясном небе» [13. Оп. 48. Д. 69. Л. 23–26]. В 1977 г. в журнале «Урал» было опубликовано продолжение романа челябинского писателя С. Черепанова «Богатство». В альманахе «Каменный пояс» за 1977 г. вышли повести С. Мелешина «Батюшкин идет на вы» и А. Вархоленко «Сухой дождь», глава из повести А. Шмакова «Азиат» [9. Оп. 1. Д. 132. Л. 1–8].

Произведение свердловского литератора Бориса Путилова «На паровой улице» было посвящено воспоминаниям, где через судьбы людей прослеживались человеческие взаимоотношения, раскрывалась их подлинная сущность. Эта повесть была признана лучшей публикацией в журнале «Урал» за 1980 г. и премирована журналом. Повесть «Сокрушение Лехи Быкова» этого же автора была премирована журналом «Уральский следопыт». Много произведений начинающих авторов Челябинской области публиковалось в газете «Вечерний Челябинск» и «Челябинский рабочий». Кроме того, «Вечерний Челябинск» регулярно выпускал литературные страницы «Уральская новь», а «Челябинский рабочий» периодически представлял творчество литературных объединений области. Произведения молодых авторов печатались в журнале «Урал». В журнале «Уральский следопыт» были опубликованы большие подборки стихов челябинских поэтов Комиссарова, Чистякова, Синегубко, Швеца [9. Оп. 1. Д. 132. Л. 1–8]. Работы челябинцев публиковались в журналах «Новый мир», «Юность», «Следопыт», «Театр», «Молодая гвардия» и др. [10. Оп. 1. Д. 27. Л. 37].

Вместе с тем литературно-художественные и общественно-политические журналы издавались в Башкирии («Агидель») и в Удмуртии («Молот»). Удмуртская литература расширила диапазон межкультурных контактов. В журнале «Молот» печатались произведения писателей из республик Советского Союза и иностранных государств [4, с. 230].

Таким образом, в 1960-е – 1980-е гг. в литературной жизни Урала под влиянием различных тенденций особенно активно развивалась издательская деятельность писателей, которая во многом способствовала пропаганде советской литературы среди различных категорий населения страны. Следует отметить, что указанный процесс развивался на фоне жанрового многообразия. Писатели обращались к проблемам трудовых и военных подвигов советских людей, поднимали насущные и актуальные проблемы современности. Существенную роль в развитии творческой активности литераторов играли писательские организации, которые оказывали всестороннюю помощь как молодому литературному активу, так и опытным писателям.

Список литературы

1. Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-1615.
2. Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-2354.
3. История Удмуртии: XX век / под ред. К.И. Куликова; введение О.И. Васильевой, Л.Н. Бехтеревой, Н.А. Родионова. – Ижевск, 2005. – 544 с.
4. Коми-Пермяцкий автономный округ на рубеже веков: справ. изд. – Кудымкар, 2000.
5. Культурное строительство в Удмуртии: сб. док. и материалов (1941–1875 годы). – Ижевск, 1977.
6. Культурное строительство на Среднем Урале: сб. док. (1941–1977 годы). – Свердловск, 1987.
7. Любичанковский С.В., Большакова Т.Л. Леонид Большаков: автопортрет на фоне эпохи. – Оренбург, 2012.
8. Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. П-288.
9. Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. Р-1623.
10. Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. Р-2631.
11. Пермский государственный архив новейшей истории. Ф. 105.
12. Пермский государственный архив новейшей истории. Ф. Р-1188.
13. Центр документации новейшей истории Оренбургской области. Ф. 371.
14. Центр документации общественных объединений Свердловской области. Ф. 4.
15. Центр документации общественных объединений Свердловской области. Ф. 304.

Сведения об авторах

Алешина Светлана Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики высшей школы, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail: aleshina.svetlana.71@bk.ru

Ахметшина Рауза Набиулловна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и обществознания, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail: svlubich@yandex.ru

Банникова (Бурлуцкая) Елена Вадимовна – доктор исторических наук, доцент кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail: ida777@yandex.ru

Бузенкова Ольга Владимировна – лаборант кафедры истории России, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина; аспирант кафедры истории России, Российский государственный университет им. С.А. Есенина; e-mail: buzenkova_olga@mail.ru

Джунджузов Степан Викторович – кандидат исторических наук, доцент, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail: Djund@Yandex.ru

Иванова Александра Георгиевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Отечества и социально-политических теорий, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail: ranch-vera@yandex.ru

Керов Валерий Всеволодович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Российский университет дружбы народов; e-mail: vvkerov@gmail.com

Копылов Фёдор Вячеславович – аспирант, Череповецкий государственный университет; e-mail: finden.bk@yandex.ru

Кораблёва Галина Вениаминовна – доктор исторических наук, профессор, Оренбургский государственный аграрный университет; заместитель директора, Институт заочного и дополнительного профессионального образования; e-mail: kora40m@yandex.ru

Крылова Елена Николаевна – кандидат исторических наук, докторант кафедры истории, доцент кафедры общественных связей и психологии массовых коммуникаций, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: hellennak@yandex.ru

Любичанковский Сергей Валентинович – доктор исторических наук, профессор, Оренбургский государственный педагогический университет, председатель Оренбургского регионального отделения РОИА; e-mail: svlubich@yandex.ru

Мещеряков Александр Валерьевич – аспирант кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail: mescher90@mail.ru

Патрикеева Ольга Алексеевна – доктор исторических наук: профессор кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: olpatrikeeva@yandex.ru

Пушкарева Наталья Львовна – доктор исторических наук, профессор, зав. сектором этногендерных исследований, Институт этнологии и антропологии РАН, Президент Российской ассоциации исследователей женской истории; e-mail: pushkarev@mail.ru

Россохина Анастасия Владимировна – выпускница аспирантуры кафедры русской истории, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; e-mail: nastia1825@mail.ru

Самсонов Алексей Александрович – аспирант кафедры новой и новейшей истории, Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых; e-mail: semyonjun@mail.ru

Семёнова Людмила Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: ln.semenova@mail.ru

Синова Ирина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии, Санкт-Петербургский государственный экономический университет; e-mail: s-irina@yandex.ru

Товпека Андрей Васильевич – аспирант, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: itropov@ya.ru

Федорова Алла Владимировна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Отечества, Оренбургский государственный аграрный университет; e-mail: istogau@yandex.ru

Хисамутдинова Равиля Рахимьяновна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail: hisamutdinova@inbox.ru

Хорошенкова Анна Валерьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики преподавания истории, обществоведения и права, Волгоградский государственный социально-педагогический университет; e-mail: Horav73@mail.ru

Щеглова Анастасия Николаевна – старший преподаватель, Сыктывкарский государственный университет; e-mail: nastya4342@rambler.ru

Требования к научным статьям

К публикации в Вестнике Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина принимаются статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов исторических наук.

Обязательным условием публикации результатов научных работ для кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5, с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках.
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами.
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат сведения об авторе: фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований, редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196605 Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. Кафедра истории, каб. 207^а;
- отправить по электронной почте: E-mail: itropov@ya.ru

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные (не меняющие смысла) изменения в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин,

Петербургское шоссе, 10

тел. (812) 476-90-36

Для заметок

Научный журнал

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

**№ 1
Том 4. История**

Редактор *В. Л. Фурштатова*
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 20.03.2014. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9. Тираж 500 экз. Заказ № 959

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10

РТП ЛГУ 197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 25а